

69897-

Джангар

Джангар

рестиздат
1940

39.А.40

809

~~38451~~

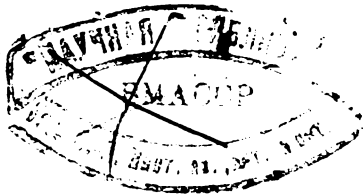
кр.

КАЛМЫЦКИЙ ЭПОС

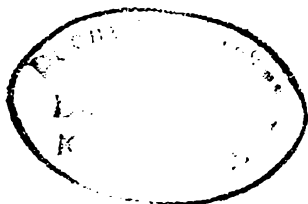
АЖАНТАР

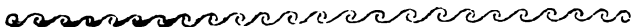
Редакция, вступительная статья
и примечания В. А. ЗАКРУТКИНА

РОСТОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
РОСТОВ НА ДОНУ — 1940

*Книга подготовлена к печати
Архивным управлением УНКВД Ростовской области.*

ОТ РЕДАКТОРА

В 1940 г. народы Советского Союза отмечают 500-летие калмыцкого героического эпоса «Джангар». Известный на протяжении столетий только калмыкам и узкому кругу ученых-ориенталистов, «Джангар» должен стать достоянием широчайших масс советского народа.

«Джангар» представляет собою цикл народных эпических песен о могучем богдо Джангаре и его богатырях: Улан-Хонгоре, Алтан-Чеджи, тяжелоруком Савуре, Сэльдэнге и др. Общее количество песен «Джангара» точно не установлено; обычно называют цифру 12—13; однако, есть указания и на то, что песен «Джангариады» гораздо больше. Каждая их этих песен отличается сюжетной самостоятельностью и может быть названа отдельным законченным художественным произведением.

Впервые полный перевод на русский язык всего цикла о Джангаре сделан советским поэтом Семеном Липкиным и выходит в свет в нынешнем году.

В книге, предлагаемой вниманию читателей, печат-

тается запись «Джангара», сделанная Иваном Ивановичем Поповым у донских калмыков в 1901 г. от джангарчи (певца) Бадмы Дорджиновича Обушинова в балке Средняя Аюла — Дунда Аюл-Гол.

Рукопись И. И. Попова, недавно обнаруженная, хранится в архивном отделе Управления НКВД Ростовской области и представляет собою большую тетрадь типа конторской книги в 155 листов. Эта тетрадь содержит записи «Джангара» на калмыцком языке в монгольской и русской транскрипции, а также несколько отрывочных переводов «Джангара», сделанных самим собирателем. Полностью И. И. Попов записал от Бадмы Обушинова только одну песню об Улан-Хонгоре, но не перевел ее на русский язык до конца. Перевод второй половины этой песни принадлежит мне.

Запись И. И. Попова, нигде еще не опубликованная, представляет собою особый интерес, так как это единственная запись «Джангара», сделанная у донских калмыков. Предлагая вниманию читателей эту запись, мы считаем нужным заметить, что текст ее сохранен нами почти без всяких изменений, за исключением явно бессмысленных фраз и недопустимых по синтаксису выражений.

В виде дополнения к записи И. И. Попова мы печатаем песню «О подвигах высокого богдо Джангара», записанную девяносто лет тому назад в багацохуровском улусе волжских калмыков Н. И. Михайловым и переведенную на русский язык профессором А. А. Бобровниковым. Этот первый в России перевод из «Джангара» опубликован в «Вестнике императорского русского географического общества» за 1854 г., ч. XII.

В примечаниях даны краткие сведения о Попове, объяснения непонятных русскому читателю слов и выражений. Однако, некоторые слова, разгадать смысл

которых оказалось невозможным, оставлены без объяснений.

Публикуя запись И. И. Попова, Архивный отдел УНКВД Ростовской области считает нужным заметить, что в рукописных фондах Архивного отдела имеется ряд неопубликованных материалов, относящихся к истории калмыцкого народа, начиная с 1735 г.

В работе над переводом (подстрочник) и комментариями нам помог Муковен Манджикович Хаглышев, по просьбе Архивного отдела УНКВД Ростовской области командированный для этой цели Совнаркомом Калмыцкой республики из Элисты в Ростов.

Пользуемся случаем принести М. М. Хаглышеву благодарность за его помощь и советы.

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ „ДЖАНГАРА“

I.

До Великой Октябрьской социалистической революции калмыцкий народ прошел долгий и тяжкий исторический путь. Калмыки — народ монгольского происхождения. До XIII в. они жили в условиях родового быта и кочевали по Джунгарии — территории Западного Китая. С XIII в. родовой строй калмыков начинает распадаться, уступая место феодальным отношениям.

В тридцатых годах XVII в. — примерно в 1632 г. — калмыцкий тайджи (владельческий феодал) Хо-Орлок (или Хо-Урлюк), выслав

предварительно разведывательный отряд Лоу-занга, привел из Джунгарии на русские земли около пятидесяти тысяч кочевых калмыцких кибиток.

Разгромив на берегах Волги шейдяковскую орду ногойцев, калмыки оттеснили их и заняли степь от Яика до Дона.

К этому времени у калмыков окончательно сложились феодальные отношения: во главе народа стоял тайджи, получавший подчас титул хана «хон-тайджи». Народ—«тангачи» —разделился на улусы, которыми повелевали «нойоны» — сыновья или ближайшие родственники тайджи. Улусы в свою очередь разделялись на аймаки, управляемые «зайсангами». Феодальная власть поддерживалась «гелюнгамы» — представителями ломайского духовенства. Калмыцкие феодалы, от тайджи до зайсанга, именовали себя—«цаган-ясын» — белой костью, в отличие от «хара-ясын» — черной кости, народа¹.

¹ См. П. Небольсин. «Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса», СПб, 1852, стр. 9; проф. Н. Н. Пальмов. «Этюды по истории приволжских калмыков», ч. I и II, Астрахань, 1926-27 гг.; Н. Н. Поппе. «Халхамонгольский героический эпос», изд. Академии Наук СССР, 1937 г., стр. 27 и др.; Б. Я. Владимиров, «Общественный строй монголов», Л., 1934.

Подавляющее большинство калмыцкого народа испытывало тяжесть крепостной зависимости от феодалов и несло ряд изнурительных повинностей.

Русские цари стремились войти в сделку с калмыцкими феодалами с самого начала появления калмыков в заволжских степях. С другой стороны, китайские ханы и высшее духовенство Тибета не прерывают сношений с тайджи. Таким образом, калмыцкие феодалы вынуждены были вести очень сложную игру и находились меж двух огней.

Хо-Орлок, приведший калмыков на Русь, был в сороковых годах XVII в. убит под Астраханью, а его преемники: Шукур-Дайчинг, Пунцук, Аюка и др. — проводили сложную политику маневрирования между Русью и Китаем.

В 1670—72 гг. беднейшие калмыки приняли активное участие в народно-революционном движении, возглавляемом Степаном Разиным.

В начале 1673 г. боярин Иван Милославский по указу царя Алексея Михайловича выехал на свидание с ханом Аюкой, чтоб заставить последнего признать царя. Самым веским аргументом в «дипломатических» переговорах Милославского оказалось хорошо воору-

ное стрелецкое войско под Астраханью, только что разбившее Разина. Хан Аюка дал обещание: «быть у его величества государя царя Алексея Михайловича ему Аюке с его родом, улусными калмыками и с ногайцами в вечном подданстве и ходить войною на неприятелей; с турским салтаном, с персидским шахом, крымским ханом, азовским беем и с другими заграничными и с российскими изменниками не пересылаться и оным ничем не помогать»¹.

Правда, ни хан Аюка, ни его преемники не могли ручаться за «верноподданические» чувства народа; несмотря на то, что сам Аюка в 1708 г. помогал царским войскам ликвидировать булавинское восстание, — значительная часть калмыков, откочевавшая незадолго перед этим на Дон во главе с Солом-Церентайджиги, приняла активное участие в борьбе против царизма, сражаясь в войсках Кондратия Булавина².

Калмыцкие феодалы, оказавшись под вла-

¹ Описание калмыцких народов, а особливо из них Торгоутского и поступок их ханов и владельцев, сочиненное статским советником Василием Бакуниным, 1761 г.—„Красный архив“, 1939 г., №№ 3-5.

² См. вступительную статью В. Разумовской к „Описанию калмыцких народов“ В. Бакунина („Красный архив“, 1939 г., № 3, стр. 191).

стью русских царей, стремились нажиться за счет циничной распродажи своих «верноподданных»: тысячами увозили проданных калмыков на Кубань, в Крым, в Турцию. Известный русский историк В. Н. Татищев, отбывая в 1741 г. почетную ссылку и работая в астраханской комиссии по калмыцким делам, писал в Петербург о том, что вдова хана Дондук-Омбо ханша Джан продает своих подданных: «в улусах ханши множество грабленных калмыцких пленников продают на Кубань и в горы, как ныне кубанские посланцы везут с собою с 400 человек, также и татар астраханские множество, как сказывают, покупая, отвозят тайно для продажи на Кубань и в горы, чрез что весь калмыцкий народ вскоре исчезнуть может». (Разрядка моя. — В. 3.)¹.

Однако, тревожась за исторические судьбы калмыцкого народа, В. Н. Татищев предлагает не препятствовать покупке калмыков русскими купцами, с тем, чтобы использовать купленных калмыков в войсках: «И есть ли вашему сиятельству не противно явится мое мнение, — пишет он Остерману, — то дерзаю

¹ Н. Н. Пальмов. „К астраханскому периоду жизни В. Н. Татищева“. („Известия Академии наук СССР“, 1928 г., № 4, стр. 329).

с покорностью представить, чтоб запретить татарам и прочим пленников мужеска пола калмык покупать и оного накрепко в улусах и городах надзирать, и есть ли явятся преступники, то для страха сперва казнить. Русским оных покупать позволить, но в здешних городах не держать, а вывозить в Русь и отдавать комендантам, за которых от 10 до 15 лет тратить из казны по 15 рублей, и от 15 до 40 лет по 25, которых можно употребить в службу вместо рекрутов, в чем не малая польза быть может, а купцам обиды не будет же,—таких купят от рубля, а не выше десяти»¹.

Царское правительство, стремясь подчинить себе калмыцкий народ, осыпало тайджи и нойонов богатыми подарками, обещало отдать калмыкам всю степь от правого берега Волги до Ставрополя и от Каспийского моря до Земли войска Донского, а в действительности лучшие земли получали русские вельможи. Достаточно сказать, что князь Безбородко получил от Екатерины II в подарок 175 тысяч

¹ Н. Н. Пальмов. „К Астраханскому периоду жизни В. Н. Татищева“ („Известия Академии наук СССР“, 1928 г., № 4 стр. 330). См. также публикацию Е. Н. Кушевой, „Хозяйство саратовских дворян Шахматовых в XVIII в.“ („Известия Академии наук СССР“, 1929 г., № 7, стр. 589 и др.).

десятин земли в калмыцкой степи, князь Потемкин — 54 тысячи, князя Юсуповы — 15 тысяч и т. п.¹.

Тяжелое положение: голод, угнетение, безземелье привели в 1771 г. к известному бегству калмыков из России в Джунгарию; это — один из самых трагических эпизодов мировой истории.

Калмыцким народом тогда повелевал хан Убаши — бездарный, слабовольный человек, обиженный тем, что Екатерина II ограничила его ханские права. Один из претендентов на калмыцкое ханство — Цэбэк-Дорчжи, преследуемый русским правительством и долгое время скрывавшийся на Кубани, тайно вернулся в калмыцкую степь и уговорил Убаши бежать в Джунгарию. Про себя Цэбэк-Дорчжи лелеял мысль, что удача или неудача этого грандиозного побега в одинаковой мере принесет ему, Цэбэку, пользу: либо Убаши будет разгромлен царскими войсками, либо по дороге в Джунгарию можно будет отнять власть у своего слабоумного соперника, потерявшего покровительство России. Голод и бесправие, огромные налоги и повинности,

¹ Большая Советская Энциклопедия, том XXX, стр. 756.

угнетающие калмыков в царской России, облегчили осуществление замысла Цэбэка-Дорчжи.

5 января 1771 г. Убаши снял с места около 40000 кибиток (почти 300 тысяч человек) и двинулся к Уралу. Только 13 тысяч кибиток осталось на правом берегу Волги и в донских степях. Массовое кочевье огромной ордой в 300 тысяч человек, казалось, должно было смести со своего пути все преграды — так думали Цэбэк-Дорчжи и Убаши. Однако, замысел этот завершился трагически. В Приуралье на калмыков напали хорошо вооруженные кочевые орды и загнали их в песчаную пустыню около озера Балхаш. В этой пустыне от голода и болезней, от безводья и утомления погибло множество народа. Через восемь месяцев до китайской границы добрались жалкие остатки «великого кочевья»: из 300 тысяч человек в живых осталось только 15 тысяч. 285 тысяч калмыков погибли в течение одного года!¹.

На границах Китая полуживых беглецов встретили войска императора Дзянь-Луня и, разоружив калмыков по его повелению, отве-

¹ Бегство калмыков в Китай („Уральские Войсковые Ведомости“, 1869 г., № 5-10“).

ли их к берегам Большого и Малого Юлдуса, где и поселили.

Оставшиеся в России калмыки были окончательно подчинены царским правительством и отданы под контроль специально организованного института попечителей. Звание калмыцкого хана было уничтожено; нойоны и зайсанги подчинялись астраханскому губернатору. При императоре Павле I калмыкам отвели земли от Царицына по рекам: Волге, Сарпе, Салу, Манычу и у Каспийского моря. Калмыки, кочевавшие в сальских степях, стали получать звание казаков и постепенно селиться в станицах. За ними «надзирал» атаман Войска Донского. Это присвоение калмыкам казачьего звания явилось в сущности одной из форм «приручения» калмыцкого народа. Не имея всех привилегий казаков, калмыки тем не менее должны были испытывать все тяготы казачьей службы.

И, однако, надо заметить, калмыки, несмотря на все тяготы подневольной жизни, обретя в России вторую родину, вместе с русским народом героически защищали рубежи родной страны. Так, в 1812 г. тысячи калмыков принимали участие в борьбе с Наполеоном. Еще долгое время спустя в калмыцких улусах можно было слышать песни о подвигах

калмыков в войне с французами. Одна из таких песен записана И. И. Поповым¹.

Жизнь калмыков не улучшалась. По настоянию нойонов и зайсангов царское правительство, помимо налогов, установило в 1834 г. для калмыков дополнительный денежный оброк по 28 рублей 50 копеек с кибитки — в пользу местных владельцев. Лучшая земля захватывалась русскими помещиками и нойонами; трудящиеся калмыки вынуждены были отходить все дальше от рек, рыбных промыслов, водопоев, удобных пастбищ. Нищета, голод и бесправие душили калмыцкий народ и бедняки-калмыки не раз поднимали оружие против русского царизма и «своих» феодалов.

Во время широкого крестьянского восстания, руководимого Пугачевым, калмыцкая конница отличалась в боях против царских войск и очень помогла Пугачеву. В XIX в. происходили массовые захваты калмыками скота, конских табунов и имущества у владельцев нойонов и зайсангов и у русских помещиков. Но царское правительство с каждым годом все более угнетало калмыцкий на-

¹ „Очерки географии Войска Донского“, 1918 г., Новочеркасск, стр. 300-301. (Очерк И. И. Попова „Донские калмыки-казаки“).

род, жестоко подавляя восстания и отдельные мелкие «бунты».

И хотя в 1892 г. калмыки были объявлены свободными от власти нойонов и зайсангов и названы «вольными сельскими обывателями» — жизнь калмыцкого народа не улучшилась: — целинные степи, отсутствие сельскохозяйственных орудий, государственные подати, этот тяжкий груз на шее «байгушей» (байгуш — убогий, бедняк), эпидемические болезни и частый падеж скота, — все это ставило калмыцкий народ в состояние полной зависимости от богатых нойонов и зайсангов. Обнищание трудящихся калмыков в начале нынешнего столетия достигло исключительных размеров: до 75% калмыков не имели никакого скота. Однако, замечательный калмыцкий народ сохранил свою мощь и неугасимый огонь борьбы.

Великая Октябрьская социалистическая революция всколыхнула калмыцкую степь. Трудящиеся калмыки под руководством большевистской партии повели жестокую борьбу с эксплуататорами. Калмыцкий народ дал Красной армии замечательных полководцев, таких как О. И. Городовиков, сотни командиров, тысячи беззаветных борцов за коммунизм.

22-го июля 1919 г. Совнарком за подписью

— 458593 — 1604 — 4094 — 3434 —
В. И. Ленина опубликовал воззвание «К трудовому калмыцкому народу», призывая калмыков бороться с белогвардейцами. И героический калмыцкий народ ответил на призыв вождя формированием красной конницы, массовым вступлением в ряды Красной армии.

За двадцать с небольшим лет калмыцкая степь неузнаваемо изменилась. Сталинская Конституция, по которой образована Калмыцкая АССР, положила начало еще более великому будущему калмыцкого народа. Калмыки перестали быть кочевниками. В невиданно короткий срок в степи вырос город Элиста — столица Калмыцкой республики. Вместо кочевых стойбищ появились социалистические поселки колхозников-калмыков с новыми школами, клубами, машинно-тракторными станциями. Колхозники, отряды гидротехников и животноводов, писатели и артисты, инженеры и врачи — люди Советской Калмыкии — под руководством большевистской партии преобразовали когда-то дикую степь.

Исполнилась многовековая мечта калмыцкого народа о счастливой стране, мечта, пронесенная сквозь тяжкие исторические испытания и запечатленная в прекрасной величавой эпопее о Джангаре — любимом герое народа. Эту мечту о счастливой стране Бумба калмыки

лелеяли пятьсот лет, вкладывая в образ Джангара и его богатырей самые яркие и живые черты народа: беззаветную любовь к родине, мужество, честность, мудрость, общечеловеческую гуманность и могучую народную силу, неиссякаемую, как вечный родник...

2.

Изучение «Джангара» имеет уже более, чем вековую историю; однако, до нашего времени это изучение, как правило, не выходило за пределы этнографических интересов к «азиатскимномадам» или носило отрывочный характер попутных информации, связанных с проблемой изучения истории и быта монголо-ойратов вообще.

Едва ли не первой оценкой «Джангара» надо считать упоминание об эпосе в труде немецкого ученого Бергмана (Bergmann) „Nomadische Streifereien unter den Kalmucken“, опубликованном в 1804 году¹.

Касаясь вопроса об исполнителях эпических песен калмыков, Бергман пишет: «...хотя калмыцкие певцы и не оживляют общественные увеселения, но они необходимы для развлече-

¹ Bergmann, Nomadische Streifereien unter den Kalmucken, Рига, 1804 г., стр. 205. Цитируем в переводе на русский язык.

ния в пору зимних вечеров. Их песни не имеют стихотворной структуры (разрядка моя.—В. З.). Однако, певцы при помощи голоса настолько сглаживают несовершенство поэтической формы, что для ушей слушателей не всегда бывает ощутимым отсутствие благозвучия. При исполнении длинных песен певец по временам освежает горло несколькими глотками черного чая или несколькими затяжками из трубки. По имени главного героя, подвиги которого являются предметом песнопений, певцы называются джангарчи.

Деяния Джангара и его двенадцати богатырей носят столь эксцентричный характер, что их вполне можно было бы отнести к области фантастики. Однако, из этой приукрашенной до невероятности обстановки выступает столь блестящее изображение естественных красот, что здесь может иметь место сравнение с искусством величайших поэтов древности.

Джангар, который одним ударом своего меча поражает тысячи вражеских воинов, который в течение столетий скачет повсюду на своем чудесном коне, который с двенадцатью богатырями подчиняет своей власти могущественных владык и покоряет адские и небес-

ные царства, — этот Джангар представляется уж чересчур невероятным искателем приключений.

Тем не менее, изображая характер Джангара и его богатырей, которые своими подвигами хоть и равняются с ним, но ничуть не умаляют его славы, — искусные певцы придают самым неправдоподобным приключениям видимость натуральности и очень верно изображают калмыцкие нравы, обычаи и образ жизни... Все это делает «Джангар» достойным нашего внимания».

Отзыв Бергмана представляет сейчас особый интерес, так как ученый располагал материалами, относящимися к бытованию «Джангара» в XVIII в. Специального внимания заслуживают слова Бергмана о том, что песни «Джангариады» «не имеют стихотворной структуры». Если даже учитывать, что специфическая форма калмыцкой поэзии оказалась недоступной для слуха европейца Бергмана, то все же, очевидно, можно предположить, что эпопея о Джангаре принимала различные родовые и жанровые очертания и, возможно, бытовала не только в форме песни-поэмы, но и в форме прозаического сказа.

Кроме того, надо отдать должное художественному чутью Бергмана: не располагая

материалами о Джангаре во всем объеме, он тонко и правильно определил «блестящую естественную красоту» калмыцкого эпоса и сравнил «Джангариаду» с произведениями величайших поэтов древности.

После 1804 г. мы почти не встречаем в специальных трудах развернутых отзывов о «Джангаре» до второй половины XIX в. За исключением небольших упоминаний, ничего значительного в эту пору не написано.

В 1850 г. этнограф Павел Небольсин, во время разъездов по Оренбургскому краю и Приуралью, изучал быт калмыков. В следующем, 1851 г. он жил в Астрахани четыре с половиной месяца и решил предпринять поездку в глубь степи, с тем, чтобы изучить жизнь кочевых калмыков. Отправившись по реке Ашулук, Павел Небольсин остановился в Хошоутовском улусе, где прожил около трех недель — срок, правда, не очень долгий, но для Небольсина, уже знакомого с этнографией калмыков, — достаточный для того, чтобы написать книгу о Хошоутовском улусе. В 1852 г. книга эта вышла в свет¹.

Не имея возможности останавливаться на

¹ Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса, составленные Павлом Небольсиным, Спб., 1852 г.

содержании этой книги, с нашей точки зрения очень интересной и ценной, приведем лишь отзыв ее автора о «Джангаре».

«Песни у калмыков вертятся около одного предмета, — пишет Небольсин, — обширной степи, статного коня и милого юноши. Иногда в песнях вовсе не говорится о человеке прямо, но воспевается один конь, с прибавкою, что он был с таким-то тавром; это уже служит намеком и на улус, и на род, а иногда и на самое лицо героя песни...

... У калмыков есть еще целые поэмы, называемые «джангер», слагаемые из нескольких больших песен, из которых каждая представляет отдельное целое. Они бывают таких огромных размеров, что на пересказ их надо употребить несколько суток. Джангеры сохраняются не на письме, а передаются певцами из рода в род в потомство изустно. Их или распевают, сопровождая слова аккомпанементом балалайки или гуслей, или рассказывают просто, как историю. В первом случае певцы называются «джангерчи», а простые рассказчики именуются «туульчи». И джангерчи и туульчи суть странствующие поэты, пожилые люди, скитающиеся из улуса в улус»¹.

¹ Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса, стр. 131.

Через полвека после слов Бергмана Павел Небольсин также констатирует бытование «Джангара» в форме эпической песни (очевидно, имеющей стихотворный ритм) и в форме «истории» — сказа в прозе, утверждая, что существуют даже особые сказители-туульчи, которые сказывают «Джангара» «как историю», без музыкального сопровождения.

Интересно также замечание Небольсина о том, что исполнение «Джангара» было профессией, что существовали профессиональные джангерчи и туульчи, которые пели не только в одном месте, но и переходили из улуса в улус.

Сам Небольсин, не владея в достаточной мере калмыцким языком, не только не записал песен и сказов о «Джангаре», но и не встречал в летнем стойбище Хошоутовского улуса профессиональных сказителей, знающих весь цикл «Джангариады».

«В бытность мою у калмыков, — заканчивает он, — мне не удалось удовлетворить необходимости записать эти джангеры, потому что в это время не было в том месте, где я жил, ни одного странствующего поэта, а незнание языка и без того лишало меня возможности хорошо усвоить себе калмыцкие поэмы, тем более, что приглашенный мною переводчик не

вполне соответствовал условиям, необходимым при занятиях такого рода»¹.

Далее Небольсин сообщает о том, что записи «Джангара» уже делались до него и имеются у ученых монголистов: «Известно, впрочем, что лучшие знатоки всего касающегося до быта калмыков — гг. Ковалевский и Попов, имеют уже у себя писанные джангеры. В одном из джангеров передаются сказания о том, как Хо-Урлюк посылал соглядатаев и передовых для рекогносцировки местностей по рекам Эмбе, Яику, Волге, и как калмыки сюда перекочевали»²...

Рукопись, упоминаемая Павлом Небольсиным и представляющая собою, по его словам, запись «джангера», сделанную в Хошоутовском улусе, заслуживает того, чтобы на ней остановиться подробнее, так как по всем данным она представляет собою первую запись «Джангара», сделанную с исследовательской целью. Если в Казани не будет обнаружена эта рукопись, ее надо считать утерянной.

О. Ковалевский, ученый-монголист, профессор Казанского университета, автор известной

¹ Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса, стр. 131-132.

² Там же, стр. 132.

«Монгольской хрестоматии», первый том которой вышел в Казани, в 1836 г., по всей вероятности, не сам записывал «Джангара», а поручал кому нибудь записать в Хошоутовском улусе то, что удастся услышать.

По целому ряду данных нам сейчас представляется возможным восстановить сюжет этой первой в России записи «Джангара»¹.

Прежде всего, интересно: когда была сделана эта запись? Павел Небольсин был в летнем стойбище Хошоутовского улуса в 1851 г. О записи, сделанной для Ковалевского он мог слышать от калмыков, которые помнили недавний приезд человека из Казани; могло быть и так, что в Хошоутовском улусе жил грамотный калмык, сам записавший «Джангара» и отправивший свою тетрадь в Казань; в том и другом случае Небольсин мог получить сведения о записи. Вместе с тем, как увидим ниже, Небольсин в своей книге «Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса» дает неверные сведения о содержании этой записи, что могло быть вызвано тем, что лица, информи-

¹ В дальнейшем для удобства будем именовать эту запись хошоутовской, по названию улуса, где производилась запись.

ровавшие Небольсина, забыли о содержании записи, так как прошло уже известное время. Во-всяком случае, не боясь впасть в грубую ошибку, можно утверждать, что первая в России попытка записать «Джангара» относится ко второй половине сороковых годов XIX в.

Профессору-монголисту А. А. Бобровникову, ученику О. Ковалевского по Казанскому университету, приходилось в свое время видеть и читать хошоутовскую запись у Ковалевского и он дал отрывочные сведения о ней в связи со своей работой над переводом «Джангара» на русский язык, о чем мы будем говорить ниже.

Касаясь книги Павла Небольсина, А. А. Бобровников в статье, предваряющей перевод одной песни из «Джангара», пишет:

«Небольсин заверяет также, что гг. Ковалевский и Попов имеют уже писанные джангеры. Но, сколько мне известно, только однажды, для г. Ковалевского, была сделана в Хошоутовском улусе попытка записать Джангара; написано весьма немного — не более половины настоящего списка (т. е. перевода Бобровникова. В. З.) и так неисправно, что и в этом немногом многое нельзя было понять... в описательной части хошоутовского списка

обращено более внимания на дом Джангара и лам»¹.

Мы, несомненно, можем целиком положить-ся на слова Бобровникова, так как и Ковалевский и Попов были его учителями по университету и он, читая лекции в Казанской духовной академии, поддерживал с ними дружескую связь и безусловно знал бы о существовании каких-нибудь других записей «Джангара», хранящихся у Ковалевского или у Попова.

Далее, обращаем внимание читателя на фразу Бобровникова о том, что только однажды «для г. Ковалевского» была сделана запись «Джангара». Эта фраза с полной очевидностью свидетельствует, что Ковалевский не сам записывал, а кому-то поручал сделать эту запись для него, Ковалевского. Да и то, что запись была сделана плохо, грубо, «неисправно», как говорит Бобровников, является доказательством, что профессор Ковалевский, прекрасный знаток калмыцкого языка, получил эту запись от неумелого собирателя.

— «В хошуутовском списке, — продолжает Бобровников, — нет эпизода о поимке Сабара, но есть описание подвига стремянного Боро-Мангная... Повествовательная часть начинается

¹ „Вестник императорского русского географического общества“, 1854 г., ч. 12, стр. 100-101.

ся тем, что Алтан-Цеджи, первый мудрец Джангаров, задумывается и узнает, что где-то на западе есть князь Хара-джилэн, который обращается в каменную скалу, как скоро начнут в него стрелять или его рубить, и обладает девятью девятью совершенствами. Этот Хара-джилэн покушается завладеть лошадью Джангара. По этому поводу сряжается в поход Улан-Хонгор, обещаясь привести Хара-джилэна связанным. Но рассказ на этом и прерывается»¹.

Наконец, А. А. Бобровников пишет, что в хошоутовской записи Ковалевского есть упоминание о жене Джангара, причем «она включена в число двенадцати его богатырей»².

Переходим теперь к характеристике первой русской публикации «Джангара», сделанной Бобровниковым в 1854 г. Прежде чем говорить об этой публикации, хочется хоть несколько слов сказать о ее авторе. Ему принадлежит заслуга первого перевода на русский язык одной из песен «Джангариады», первого ознакомления русских читателей с замечательным образцом героического эпоса калмыцкого народа. К сожалению, сведения

¹ „Вестник императорского русского географического общества“, 1854 г., ч. 12, стр. 101.

² Там же, стр. 101.

о его жизни очень скудны, но, в то же время, они достаточно характеризуют жизнь ученого-разночинца в царской России.

А. А. Бобровников родился в 1821 г., в небогатой семье, в Сибири. Отец его, владевший различными диалектами монгольского языка, обучил сына бурятскому и калмыцкому языкам и отправил его учиться в Казань. Работая по монголистике при Казанском университете под руководством профессоров Ковалевского и Попова, А. А. Бобровников стал ученым монголистом, составил известную в свое время «Калмыцкую грамматику» и, получив магистерскую степень, стал читать лекции в Казанской духовной академии. Там, в Казани, по предложению этнографического отделения Русского географического общества, Бобровников занялся изучением записей «Джангара» и в 1854 г. опубликовал первый русский перевод известной ему лучшей записи. Покинув по неизвестным причинам академию, Бобровников уехал из Казани в Сибирь и там, влача жалкое существование полуголодного человека, в 1865 г. умер в полной нищете¹.

¹ Сведения о Бобровникове см. в „Русском биографическом словаре“ и в „Энциклопедическом словаре“ Брокгауз-Ефрон.

По всей вероятности в 1852 или в начале 1853 г. Бобровников получил предложение от этнографического отделения Русского географического общества заняться изучением и переводом «Джангара», недавно записанного у волжских калмыков. Запись эта была сделана членом-сотрудником Русского географического общества Н. И. Михайловым в Багацохуровском улусе.

Н. И. Михайлов, выдающийся этнограф, крупный знаток быта волжских калмыков, находился в длительной командировке в калмыцких степях и опубликовал свои «Хозяйственно-статистические очерки Астраханской губернии»¹. Очерки эти вышли в свет в 1851 г. и, надо полагать, были результатом поездки Михайлова по губернии, в частности по калмыцким улусам. Следовательно, запись «Джангара» могла быть им сделана в 1850—51 гг.

А. А. Бобровников, закончив изучение и перевод багацохуровской записи Михайлова²,

¹ См. «Журнал министерства государственных имуществ», 1751 г., чч. 39 и 41.

² Между прочим, И. Кравченко в своей статье о «Джангаре» (журнал «Народное творчество», 1938 г. № 8, стр. 16-19) говорит: в «одной поэме „Джангар“ в записи Бобровникова приводятся изощренные крова-

напечатал этот перевод в «Вестнике императорского географического общества», за 1854 г., ч. XII, предпослав переводу свою статью. Поскольку статья эта принадлежит перу известного в свое время ученого-монголиста и представляет собою первую попытку серьезного изучения и оценки «Джангара» — на ней следует остановиться.

ДПрежде всего необходимо указать на то, что А. А. Бобровников целиком отвергает возможность истолкования фигуры Джангара, как лица исторического и филологически объясняет происхождение его имени.

— «Трудно предположить,—пишет Бобровников,— чтобы в основе Джангара было что-нибудь историческое. Что в повествовательной части нет ничего исторического, это очевидно само собой. Но и между героями нельзя признать ни одного исторического лица. Имя Джангара, если производить это имя из языка тибетского, может значить: «и м е ю щ и й б е л ы е у к р а ш е н и я», или, наконец,

вые формы казни подданных ханами и нойонами». Бобровников никогда не записывал „Джангара“, а изучал и переводил запись Михайлова. В предисловии к „Джангару“, недавно опубликованному (гос. изд-во „Художественная литература“, М., 1940), также вкралась ошибка; там указано, что Бобровников сделал свой перевод в 1856 г.

можно видеть в нем неполное и искаженное имя буддийского лица, перерождающегося в далай-ламах: джан-рай-сэк, что значит «смотрящий очами». Но ни одно из этих производств, с одной стороны, не может быть подтверждено ничем на основании самого Джангара, а с другой — нисколько не поясняет нам происхождения этого сказочного лица. Мне кажется вероятнее предположить, что это имя заимствовано калмыками от татар или киргизов и происходит от персидского *djihanguir* — «владыка мира»; это слово употребляется в собственных именах, сокращается в произношении в Джангир, а калмыками (как имя бывшего хана внутренней киргизской юрды) произносится Джангар. Это имя могло быть взято первым изобретателем Джангара или за его значение, отвечающее главной идее сказки, или взято просто механически из какой-нибудь сказки татарской или киргизской. Но, останавливаясь на этом предположении, нельзя не сознаться, что ему нет подтверждения в именах других лиц Джангара, потому что большая часть имен в Джангаре калмыцкие и только немногие тибетские. Одно из калмыцких имен, Буку-мунгун-шикширгэ, я встречал в сказках, не имеющих ни-

какого отношения к Джангару и это утверждает меня в предположении, что если не все, то многие имена, встречающиеся в Джангаре, также заимствованы из сказок»¹.

Вряд ли современный исследователь согласится, что в «Джангаре» нет ничего исторического в широком смысле слова. И если Бобровников целиком ограничил калмыцкую героическую эпопею областью «чистой фантазии»—это было следствием его эклектической методологии. Разумеется, эпический Джангар — фигура вымышленная, созданная певцами; за фигурой Джангара не обязательно должна была стоять та или иная реальная историческая личность, так же, как за фигурой Ильи Муромца не скрывается конкретное лицо. Но тем не менее, создавая образ Джангара, певцы воплотили в нем и в его богатырях определенные черты калмыцкого народа, запечатлели живые черты исторического развития калмыков в условиях степного кочевья. Ни русские, ни немцы, ни финны например — не могли создать эпопею, подобную «Джангару» так же, как калмыки не могли создать Нибелунгов, Микулу Селяниновича, Вейнемей-

¹ „Вестник императорского русского географического общества“, 1854 г., ч. 12, стр. 102.

нена, ибо каждый народ запечатлевает в героическом эпосе свой исторический путь. Но об этом нам еще придется говорить.

Что же касается филологических изысканий А. А. Бобровникова, в частности его попытки отыскать значение имени Джангар, то она, кажется, до сих пор не опровергнута и уже довольно прочно вошла в научный оборот. Во всяком случае, такой блестящий знаток монгольского эпоса, как академик Б. Я. Владимирцов, склонен присоединиться к выводу А. А. Бобровникова, что имя Джангар представляет собою персидское *Джехангир* — завоеватель мира¹.

Далее, Бобровников упрекает Павла Небольсина в том, что последний дает неверные сведения о хошуотовской записи Ковалевского, приписывая ей наличие отсутствующих эпизодов: «я не знаю, — замечает Бобровников, — как объяснить его (Небольсина. В. З.) слова, что будто-бы в одном из джангаров передаются сказания о том, как Хо-Урлюк присылал соглядатаев и передовых для рекогносцировки местности по рекам Эмбе, Яику, Волге, и как калмыки из-

¹ См. Б. Я. Владимирцов, Монголо-ойратский героический эпос, „Всемирная литература“, 1923 г., стр. 21.

за Алтая сюда перекочевали. Если справедливо, что и это событие воспевается джангарщиками, то это составит уже другую поэму, не имеющую никакой связи с Джангаром»¹.

Слова Бобровникова справедливы; они подтверждают то, что Павел Небольсин не видел хошоутовской записи, не слушал хошоутовских джангарчи, а писал о Джангаре, пользуясь сведениями местных калмыков, причем, вероятно, перепутал эти сведения, соединив различные произведения.

Не имея возможности ознакомиться со всем циклом «Джангариады», А. А. Бобровников пытался все же установить предполагаемый объем эпоса и при этом допустил ошибку.

— «Изобретательный рассказчик, — пишет он, — может растянуть эту сказку (о Джангаре. В. 3.) на несколько суток. Отсюда родилось понятие, что она имеет огромные размеры, состоя, по словам калмыков, будто бы из пятидесяти двух песен. Но, не отрицая возможности значительно растянуть эту сказку, нельзя не заметить, что кажущиеся огромные размеры ее очень много зависят от медленного, протяжного пения»².

¹ „Вестник императорского русского географического общества“, 1854 г., ч. 12, стр. 100.

² Там же, стр. 100.

Сравнивая хошоутовскую запись, хранившуюся у Ковалевского, с багацехуровской записью Михайлова, А. А. Бобровников устанавливает отсутствие в них сюжетного сходства и, исходя из этого, делает правильный в сущности вывод об отсутствии сюжетного единства всей «Джангариады»; однако, это приводит его к ошибочному истолкованию объема, родовых и жанровых признаков и хронологии эпоса.

— «Из этого разногласия между двумя списками Джангара, — пишет Бобровников, — кажется, должно заключить, что Джангар еще не сформировался в определенное литературное произведение. В нем нет даже сплошной повествовательной нити, которая сколько нибудь определяла бы содержание этой калмыцкой поэмы; а потому и содержание и объем ее совершенно зависят от вдохновения импровизаторов. Соображая то, что хошоутовский Джангар прерывается на самом начале повествования, а в багацехуровском повествовательная часть слабее описательной, не трудно видеть, что джангаршиков более вдохновляет общая идея кочевого величия, чем подвиги героев; а потому, мне кажется, Джангар более лирическое, чем эпическое произведение. Как бы то ни было, но очевидно, что

фантазия калмыков не изобретательна на создание приключений; и потому никак не вероятно, чтобы повествовательная часть могла быть значительно продолжена и чтобы Джангар состоял из большего числа песен. Можно допустить только то, что разные джангаршики в повествовательной части выводят на сцену разных богатырей и тем разнообразят содержание своих песен; а из этого и составилось понятие об обширных размерах «Джангара»¹.

Это заключение А. А. Бобровникова является образцом непоследовательности и односторонности. Не говоря уже о том, что Бобровников не учел фольклорную специфику «Джангара» и подошел к калмыцкой эпосе, как к произведению письменности, имеющему устойчивую форму, следует заметить, что он непростительно пренебрег качеством записей, которые были в его распоряжении. Так, например, он сначала скептически отозвался о хошоутовской записи, сделанной, очевидно, собирателем-дилетантом очень неряшливо, «так неисправно, что... многое нельзя было понять», а потом, вдруг, неожиданно построил

¹ „Вестник императорского русского географического общества“, 1854 г., ч. 12, стр. 101-102.

свой вывод о сюжетной расплывчатости «Джангара» на основе... той же хошоутовской записи, которая им же была дискредитирована. Метод более, чем странный.

Эта грубая ошибка лишила А. А. Бобровникова возможности угадать композицию «Джангариады». Правда, сделать это было в ту пору очень трудно; перед казанским ученым были только две песни, из которых одна (хошоутовская) была записана настолько примитивно и отрывочно, что по этим частям восстановить целое оказалось почти невозможным. Однако, все же в заключении А. А. Бобровникова была доля истины, делающая ему честь.

Не имея перед собой записей «Джангара» в более или менее полном объеме, А. А. Бобровников вынужден был строить гипотезу о сюжете эпоса; и построил эту гипотезу с тонкой проницательностью. Он справедливо отверг возможность предположения о наличии единого сюжета эпоса. Отсюда уже был один шаг до гипотезы о композиционной цикличности «Джангара», представляющего собой органическое сочетание почти самостоятельных песен, связанных вместе с тем единством идеи и героя. А. А. Бобровников не сделал этого шага. Констатируя «короткую дистанцию» сюжета хошоутовской и багацохуровской за-

писи и справедливо заметив, что повествование об этих героях продолжить нельзя, Бобровников не догадался о возможном наличии повествования о других героях, связанных с Джангаром.

Установив, как ему казалось, литературную незрелость «Джангара», А. А. Бобровников склонен датировать возникновение калмыцкой эпопеи XVII столетием и допускает возможность более позднего ее возникновения, — «Время появления Джангара, — пишет он, — калмыцкое предание относит ко времени бегства калмыков из России (т. е. к 1771 г. В. 3.); но ничто не препятствует явиться Джангару и позже. Таким образом, в Джангаре я не вижу ни обширности, ни стройности поэмы, ни исторического значения, ни древности происхождения; но, тем не менее, Джангар представляет собою весьма интересное явление именно в том отношении, что это, во-первых, оригинальное калмыцкое произведение и, следовательно, уже большая редкость, а во-вторых, это произведение народное, и потому представляющее собою живое изображение понятия и склонностей калмыка»¹.

¹ „Вестник императорского русского географического общества“, 1854 г., ч. 12, стр. 103.

Надо сказать, попытка Бобровникова датировать «Джангар» концом XVII в. была очень ошибочной, и корень этой ошибки лежал в том, что А. А. Бобровников начисто отрицал общий историзм «Джангара». Бобровников не допускал мысли о том, что, если-бы эпопея возникла после трагического кочевья калмыков в 1771 году, то это волнующее народ событие обязательно нашло бы свое отражение в «Джангаре». Эта ошибка и привела к тому, что первый в России исследователь и переводчик «Джангара» не смог установить гораздо более древнюю хронологию калмыцкой героической эпопеи и определить ее строго-гармоническую композицию.

Что же касается перевода одной песни «Джангара» на русский язык, то он был сделан Бобровниковым с исключительной добросовестностью: «перевод я старался сделать сколько возможно ближе к подлиннику, чтобы передать не только содержание, но и самый образ выражения», — говорит переводчик¹. И если Бобровников и допускал незначительные исправления отдельных слов и изменение отдельных выражений, то только там, где, по

¹ „Вестник императорского русского географического общества“, 1854 г., ч. 12, стр. 103.

его словам, в подлиннике были явно бессмысленные слова или фразы. Во всяком случае, труд Бобровникова заслуживает внимания не только потому, что это первый в России перевод «Джангара», но и потому, что он не лишен подлинной художественности. Руководствуясь этими соображениями, мы и решили включить перевод Бобровникова в книгу, предлагаемую вниманию читателей.

После появления перевода Бобровникова в печати, стало возможным более широкое обращение к калмыцкой эпосе. И если литературная общественность, занятая событиями севастопольской обороны и подготовкой освободительных реформ, не откликнулась на появление нового образца народного героического эпоса (к тому же, надо добавить, перевод Бобровникова был напечатан в узко-специальном издании), то в 60-х г. и позже — ряд отдельных ученых обращается к «Джангару», постепенно вводя эту эпопею в научный оборот и расширяя круг сведений о ней.

В 1864 г. профессор К. Ф. Голстунский напечатал в литографии две песни из «Джангариады» без перевода их на русский язык¹.

¹ К. Голстунский, Убаши хунтайджийн туджи, народная калмыцкая поэма „Джангара“ и Сиддигу Кюрийн-тули, издание на калмыцком языке, Спб., 1861 г.

Публикация К. Ф. Голстунского почти совпала по времени с выходом в свет первого тома фольклорных произведений тюркских народов Сибири — большого издания, предпринятого академиком В. В. Радловым¹. Незадолго перед этим академик Шиффнер выпустил сборник эпических песен минусинских татар. Все эти материалы дали возможность В. В. Стасову, одному из наиболее фанатичных сторонников «теории заимствования», привлечь «Джангара» в качестве одного из образцов влияния на русские былины². В девяностых годах петербургский ученый-монголист профессор А. А. Позднеев напечатал песни из «Джангара» в своей «Калмыцкой хрестоматии» и подготовил отдельное издание этой эпопеи³. В 1910 г. десять песен «Джангариады» были записаны от джангарчи Овла Эляева. «Джангар» становится объектом изучения русских ученых⁴. Одна-

¹ В. В. Радлов, „Образцы народной литературы тюркских племен“ т. I, 1866 г.

² В. В. Стасов, „Происхождение русских былин“ („Вестник Европы“, 1868 г., № 1—4 и № 6—7. Перепечатано в сборнике Стасова „Мои досуги“, М., 1886 г.).

³ А. Позднеев, „Калмыцкая хрестоматия“. Спб., 1892 г., изд. 2-е, Спб., 1907 г. „Джангар, героическая поэма калмыков“, Спб., 1911 г.

⁴ См. акад. В. В. Бартольд „Культура мусульманства“, II, 1918 г., труды В. Л. Котвича и др.

ко, специальных исследований, посвященных калмыцкой эпопее, исследований, раскрывающих историю «Джангариады», в трудах ученых-ориенталистов не было.

После Октябрьской социалистической революции советские ученые обращаются к «Джангару», как к одному из наиболее замечательных образцов народного эпоса.

Если говорить о советских ученых, обращавшихся к изучению «Джангара», то, разумеется, одно из первых мест нужно отвести блестящему знатоку монгольского народа, талантливому и широко образованному ученому — покойному академику Борису Яковлевичу Владимирцову. Исключительная эрудиция, превосходное знание языков и литературы, многочисленные путешествия, глубокие личные наблюдения — позволили Б. Я. Владимирцову сделать замечательные выводы о «Джангаре», мимо которых не сможет пройти ни один исследователь калмыцкого эпоса.

Перу Б. Я. Владимирцова принадлежит более пятидесяти исследований, статей и переводов по истории, этнографии, филологии, лингвистике, литературе, фольклору. Среди этих исследований — такие обширные труды, как монография о монгольском кочевом фео-

дализме «Общественный строй монголов»¹, «Образцы монгольской народной словесности»², «Волшебный мертвец»³, «Монголо-ойратский героический эпос»⁴ и другие. Все эти труды Б. Я. Владимирцова дают современному исследователю возможность подойти к изучению «Джангара» гораздо более глубоко, чем это делалось прежде. Мы имеем ввиду не только анализ «Джангара» в трудах Б. Я. Владимирцова, но и возможность углубления этого анализа путем всестороннего сравнения «Джангара» с такими родственными ему образцами монголо-ойратского эпоса, как «Бум-Ердени», «Дайни-Кюрюль», «Шарабодон» и др. Исключительный интерес в этом отношении представляет собою книга академика Б. Я. Владимирцова «Монголо-ойратский героический эпос». В обстоятельной вступительной статье к этой книге Б. Я. Владимирцов приводит ряд интереснейших сведений о

¹ Академик Б. Я. Владимирцов, «Общественный строй монголов», Л., изд. Академии Наук СССР, 1934 г.

² Б. Я. Владимирцов, «Образцы монгольской народной словесности», Л., 1926 г.

³ «Волшебный мертвец». Перевод, вступ. статья и примечания Б. Я. Владимирцова, Спб, М., 1923 г.

⁴ «Монголо-ойратский героический эпос». Перевод, вступ. статья и примечания Б. Я. Владимирцова. Л., 1923 г.

«Джангаре». Прежде всего о певцах-джангарчи.

— «Еще не так давно, — пишет Владимирцов, — по свидетельству лиц, сталкивавшихся с калмыками, путешественников, исследователей и по заявлению самих калмыков — любителей старины, Джангар был очень распространен в приволжских степях. Везде существовали и соперничали между собой так называемые джангарчи, т. е. певцы Джангариады, знавшие по нескольку песен поэмы, а часто и всю поэму целиком. Народ любил слушать сказание о Джангаре, к хорошим певцам ездили издалека, приглашали их на пиры, на свадьбы, на общественные празднества... Эти певцы выходили почти всегда из простого народа, обучались по призванию искусству петь национальную поэму и затем, очень часто, жили этим искусством или же порой исполняли Джангар из любви к этому народному достоянию, ради славы. Но за последнее время произошла крупная перемена. Повымерли старые джангарчи, а новых почти не появлялось, а если оказывались любители, то они, не поддерживаемые общим настроением, не усовершенствовались, забывали изученное, и Джангариада стала умирать в калмыцких степях. Все там теперь знают о Джангаре, слы-

хали кое-что о его богатырях, но очень трудно в настоящее время найти не только хорошего джангарчи, но просто знающего более или менее полно всю поэму»¹.

В словах Б. Я. Владимирцова заключается справедливая оценка того положения, которое имело место в калмыцких степях до Великой Октябрьской социалистической революции. Разумеется, царское правительство не было озабочено тем, чтобы сохранить драгоценные произведения народного творчества, а если отдельные степные аристократы — нойоны и зайсанги — и приглашали иногда к себе певцов, то это было проявлением чисто внешнего интереса и своеобразным меценатством, а не выражением подлинной любви к народному творчеству. Только в наше время, когда проблема сохранения и развития лучших произведений народного творчества стала общесоюзным всенародным делом — расцветает деятельность замечательных мастеров, создателей и сказителей народного героического эпоса.

Б. Я. Владимирцов указывает и на географическое распространение Джангара. Этот вопрос интересен в связи с вопросом о двух великих кочевьях калмыцкого народа в XVII и

¹ „Монголо-ойратский героический эпос“, стр. 17.

XVIII веках. Б. Я. Владимирцов, специально интересовавшийся этим вопросом, пишет:

«Относительно того, в каком положении находится героический эпос у тех калмыков-ойратов, которые укочевали с Волги и живут теперь в Джунгарии и на Тянь-Шане, у нас имеется очень мало данных. По слухам они, как это и следовало бы ожидать, принесли с собой на новую родину с Волги и Джангар; поэма эта известна и до сих пор распевается там, где поселились торгуты, одно из калмыцких племен, считающее Джангар за свою национальную торгутскую эпопею. Однажды, на западных склонах южного Алтая пришлось мне встретиться с молодым торгутом, выходцем из джунгарских калмыков; он знал отрывки из Джангариады и даже мог петь их (довольно скверно) под аккомпанимент домбры. По его рассказам, на его родине Джангар до сих пор хорошо известен, его поют на пирах, как в ставках князей, так и в юртах простого народа»¹.

В другой своей книге академик Б. Я. Владимирцов публикует запись «Джангара» лично им сделанную во время путешествия в Северо-Западную Монголию.

¹ „Монголо-ойратский героический эпос“, стр. 17.

— «В Западной Монголии, — пишет он, — Джангар, поскольку я мог установить, известен по наслышке. Один баитский монах, по пути в Тибет, имел случай побывать среди элетов, поселенных в 1761 году в Сайн-ноновском аймаке Халхи, в настоящее время вполне охалхасившихся. Среди этих элетов баитскому монаху удалось услышать сказание или былину о Джангаре, которую он и постарался посильно запомнить. Существование сказания, хотя-бы и не в полном и не в совершенном виде, о Джангаре, является интересным свидетельством того, что охалхасившиеся элеты не окончательно забыли свою родную ойратскую старину. То, что вынес баитский монах от элетов, «малый» Джангар, он продиктовал мне через несколько лет после своего путешествия»¹.

Запись Б. Я. Владимирцова действительно представляет собою уж очень малый вариант «Джангара» — всего шесть с половиной страничек². Это просто лаконическая сводка различных сюжетных мотивов «Джангара», включающая главным образом эпизоды из

¹ Б. Я. Владимирцов, «Образцы монгольской народной словесности», Л., 1926 г., стр. 8.

² Там же, стр. 99—105.

поэмы об Улан-Хонгоре. Если признать этот вариант типичным для элетов Сайн-ноиновского аймака Халхи, можно сделать не очень утешительные выводы относительно бытования «Джангара» среди потомков калмыков, откочевавших из России. Впрочем, очевидно, это явление закономерное: элеты, ассимилировавшие культуру Халхи, «охахласившиеся», как говорит Б. Я. Владимирцов, не сохранили во всем объеме величавую эпопею своих предков-ойратов. И, по всей вероятности, только в Калмыцкой автономной социалистической республике, сохраняется полный текст «Джангара», тем более в связи с тем, что в Калмыцкой республике в последнее время вырастает плеяда новых советских джангарчи и что к «Джангару» привлечено внимание всего Советского Союза.

Что же касается ойратских племен Северо-Западной Монголии — дэрбатов, баитов, дамби-элетов, захачинов, торгутов, хошутов, алтайских урянхайцев и мингатов, то, как указывает Б. Я. Владимирцов, «Джангар» среди них не бытует и известен им только по наслышке. Эти сведения Б. Я. Владимирцова особенно показательны, так как ему приходилось встречаться в Северо-Западной Монголии с самыми знаменитыми рапсодами (такими, как Пар-

чен, например), мимо внимания которых «Джангар» не мог пройти.

Следовательно, можно, основываясь на словах Владимирцова, сделать вывод, что «Джангар» наиболее широко распространен у волжских и донских калмыков и в меньшей степени у калмыков, предки которых откочевали из России в 1771 г. и были поселены в китайской провинции Син-цзян. Так стоит вопрос о географическом распространении «Джангара». Однако, этот вопрос требует еще уточнения, ибо «Джангар» мог бытовать у элетов и ойратских племен С.-З. Монголии в иной форме.

Не меньшее значение имеет попытка Б. Я. Владимирцова определить родовые, жанровые и композиционные особенности «Джангара». Б. Я. Владимирцов отделяет «Джангара» от других эпических произведений калмыков и полагает, что «Джангар» по его жанровым признакам занимает особое место.

— «Прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что калмыки на Волге знают только одну эпическую поэму — Джангариаду. Имеются у них, правда, и другие эпические песни, например, поэма о Мазан-батыре, но они значительно отличаются от типичных произведений героического эпоса и приближаются скорее всего к роду лиро-эпиче-

ских песен, распространенных в известной степени среди разных монгольских племен: халхасов, бурят, хотогойту, ойратов Западной Монголии и т. д. Во всяком случае, эти поэмы волжских калмыков типа Мазан-батара отличаются уже тем, что несомненно создались в недавнее время, что они «историчны», воспевают как героев ~~исторические личности~~ жившие сравнительно недавно. Эти калмыцкие поэмы очень удобно сравнить с русскими историческими песнями, например, об Иване Грозном, о Скопине, о Пётре Великом; и отношение их к героическим былинам будет то же самое, какое мы находим между русскими былинами, например, об Илье Муромце, об Алеше Поповиче, и историческими песнями»¹.

Это замечание Б. Я. Владимирцова справедливо: «Джангар» действительно занимает особое место в художественном творчестве калмыцкого народа и, по сравнению с лиро-эпическими песнями об Убаши-хун-тайджи или о Мазан-батыре, представляет собою гораздо более обобщенное и широкое выражение народной фантазии, запечатлевшей в себе наиболее типические черты истории и характера калмыцкого народа.

¹ „Монголо-ойратский героический эпос“, стр. 16.

— «Теперь, — спрашивает академик Владимирцов, — что же представляет собою эта Джангариада, эта героическая поэма торговцев, волжских калмыков вообще?» и отвечает на свой вопрос так:

«Умышленно мы не называли ее (Джангариаду. В. 3.) эпопеей, потому что она представляет много особенностей, препятствующих признать ее эпопеей. Джангариада — это цикл былин-поэм вполне самостоятельных, связанных между собой только тем, что во всех этих отдельных поэмах является Джангар-хан (разрядка моя. В. 3.); богатыри, герои отдельных поэм, все служат одному хану Джангару. Джангариада состоит из нескольких песен — отдельных поэм, число которых называют двенадцать, но которых было и бывает больше; причем, обычно эти песни-поэмы начинаются или описанием дворца Джангара, его кочевий, его пиров, или же описанием детства и первых подвигов хана Джангара; очень часто эти вступления становятся общими местами и без изменений повторяются во всех песнях. Далее песни-поэмы переходят к своему главному сюжету — описанию геройских подвигов богатырей Джангара, а иногда и самого Джангара. В общем же все песни тесно связаны зависимостью

своих героев от хана Джангара; сам Джангар со всем своим величием так или иначе присутствует в каждой песне и делает ее главой, может быть и самостоятельной, но все-таки главой циклической поэмы. В Джангариаде мы имеем образчик, и очень притом яркий, героического эпоса, прошедшего все стадии циклизации и готового создать или одну огромную эпопею или несколько отдельных эпопей¹. И далее:

«Но, вместе с тем, эпическая циклизация, которую мы встречаем в Джангариаде, отличается сильно от типа циклизации, известной нам, например, по русским былинам. Мы знаем былины Владимирова цикла; это самый крупный и яркий цикл русского богатырского эпоса; здесь отдельные былины, самые разнообразные, разного происхождения, отличные и по сюжету, и по настроению, замыкаются в цикл тем, что их герои-богатыри группируются вокруг Владимира Красное Солнышко, ездят в Киев, ко двору ласкового князя. На первый взгляд очень много похожего на то, что только что пришлось сказать о Джангариаде.

¹ „Монголо-ойратский героический эпос“, стр. 17-18.

Но на самом деле еще больше отличий, показывающих, что калмыцкий эпос в своем развитии перешел те формы, в которых судьба оставила русские былины.

Дело в том, что в Джангаре гораздо больше внутреннего сходства действия отдельных поэм-песен, они связаны не только внешней связью — одним и тем же ханом, — каждая из них является естественным продолжением, развитием предыдущей, почти не встречается противоречий; певец, исполняя одну какую-нибудь песню, как бы помнит о других, они как бы рисуются ему на дальнем плане; настоящий джангарчи — тот, кто знает и ясно представляет себе всю поэму, весь этот цикл и в то же время может исполнить перед слушателями любую песню Джангариады так, что она будет вполне понятна и произведет цельное впечатление.

Наконец, Джангариада отличается от русского былинного цикла еще тем, что Джангар-хан оказывается действительным героем, главным действующим лицом поэмы; правда, он как бы отходит в иных песнях на задний план, уступая место тому или другому богатырю, но все-таки он повсюду появляется действующим героем. Наконец, песни главы Джангариады заранее определены, сциклизированы

определенным количеством ближних богатырей Джангара, героев этих отдельных песен»¹.

Это развернутое определение жанровых и композиционных особенностей Джангариады нуждается, как нам кажется, в некоторых поправках и дополнении. Не преувеличены ли академиком Б. Я. Владимирцовым черты различия в процессе циклизации Джангариады и русских былин? Действительно ли уже сейчас можно назвать точное количество «глав» Джангариады и, именуя их «главами», установить в них сюжетную последовательность?

Дело, прежде всего в том, что мы знаем только один случай записи десяти песен Джангариады, исполненных одним джангарчи (запись от джангарчи Овла Эляева в 1910 г.). Достаточно ли оснований делать выводы на одном — двух примерах, если перед нами не литературное, а фольклорное произведение? Не является ли известная сюжетная последовательность песен Джангариады в исполнении Овла Эляева типической особенностью песен именно этого джангарчи, а не цикла о Джангаре вообще? Думается, во всяком случае, что этот вопрос требует еще дополнительного изучения и проверки. И, кро-

¹ „Монголо-ойратский героический эпос“, стр. 18-19.

ме того, ряд признаков отдельных песен Джангариады, записанных различными собирателями, в разное время и в разных местах, приводит к иной мысли.

Почему, например, почти каждая песня Джангариады имеет одинаковый зачин—очень развернутое описание Бумбы, страны Джангара, его дворца, его детства, юношества, его подвигов и его богатырей? Почему, например, посвящать Улан-Хонгору широкое описание его генеалогии, его подвигов и характера в каждой песне, если в одной из них это уже сделано? Вряд ли можно сказать, что это простой повтор-прием ретардации (замедления повествования), свойственный эпосу вообще. Нам неизвестны примеры такой исключительно широкой ретардации в эпосе—ведь тогда эпическое произведение неизбежно превратится в скучное, монотонное перечисление одних и тех же достоинств одного и того же лица. Формы ретардации имеют все же хотя бы относительные границы.

Наконец, мы имеем самые противоречивые данные о количестве песен Джангариады: от десяти и двенадцати до пятидесяти двух. И в этом противоречии нет, собственно, ничего незакономерного: перед нами фольклорный

цикл, а не произведение письменной литературы. Джангарчи могли комбинировать песни в зависимости от своего желания и могли вносить в них какие угодно изменения, то растягивая цикл, то сокращая его. Известен ряд случаев, когда одна песня из Джангариады бытовала как вполне самостоятельное эпическое произведение. Особенно это характерно для фигуры Улан-Хонгора. Песни об Улан-Хонгоре, как нам кажется, наиболее широко распространены среди калмыков.

Отнюдь не настаивая на непреходимой разобщенности песен Джангариады, мы, тем не менее полагаем, что каждая из них имеет несравненно более широкую самостоятельность и законченность, чем это представлено у академика Б. Я. Владимирцова. И, разумеется, тезис Б. Я. Владимирцова о том, что «калмыцкий эпос в своем развитии перешел те формы, в которых судьба оставила русские былины» — кажется нам пока недостаточно доказательным и спорным, особенно в той аргументации, которая приведена Б. Я. Владимирцовым, т. е. в вопросе о композиции и сюжетном единстве цикла о Джангаре.

В виде аргумента, подкрепляющего этот тезис, Б. Я. Владимирцов указывает на каракиргизский эпос о Манасе.

— «Известны нам и другие типы циклизации героического эпоса, и об одном из них стоит упомянуть, потому что встречаем мы его у народа, очень близкого к калмыкам и этнически, и по языку, и по условиям жизни, народа, с которым, наконец, калмыки не раз сталкивались, именно у кара-киргизов. Надо обратить внимание на кара-киргизский эпос и его циклизацию еще и потому, что, по всей вероятности, калмыцкая Джангариада, калмыцкий богатырский эпос прошел, и сравнительно недавно, через подобную же стадию развития. У кара-киргизов, у которых богатырский эпос развит и распространен необычайно, он является... в виде различных песен-поэм, так или иначе связанных с одним героем Манасом; рядом с этим существуют песни, связанные с героями Йолой и Тэштюк. Вот как бы три цикла, но невозможно представить себе кара-киргизский богатырский эпос в виде этих трех циклов, как нельзя и вообще представить себе весь этот эпос таким каким он живет в народе. Существует ряд песен — эпизодов из жизни, например, Манаса, но эти песни постоянно изменяются в устах певцов, переплетаются между собой, образуя новые эпизоды, увеличиваются

или уменьшаются, и общим и постоянным остается только картина, эпическая картина жизни, отражающая эпические настроения народа, выявляющая эпические мотивы, распространенные среди народа, ему знакомые, им любимые (разрядка моя. В. З.)»¹.

Далее Б. Я. Владимирцов указывает, что для калмыцкой Джангариады этот этап циклизации оказался пройденным:

— «По многим признакам, мне кажется, мы имеем право предполагать, что калмыцкий богатырский эпос прошел через подобную стадию своего развития. Но затем отдельные эпизоды в устах искусных профессиональных певцов стали обретать все большую и большую определенность, стали фиксироваться; с одной стороны, слушатели стали все более и более привыкать к определенной последовательности любимых и знакомых сюжетов, с другой стороны, стала падать (почему? В. З.) способность к поэтической импровизации певцов и заменяется более тщательной отделкой, заботой о структуре. В результате этих процессов и явился поэтический цикл—

¹ „Монголо-ойратский героический эпос“, стр. 19.

Джангариада,—не совокупность песен—эпизодов из жизни одного героя, а цепь поэм, тесно связанных между собою в один круг»¹.

Отнюдь не пытаюсь сейчас полемизировать с Б. Я. Владимирцовым, мы все же считаем необходимым заметить, что предложенный им тезис нуждается в более широкой аргументации. Ведь нам например, известны интересные случаи (и не один), когда в устах сказителя фигура Ильи Муромца представлена путем развернутого изображения его жизни в былинах, сюжеты которых связаны естественной логической последовательностью; достаточно сослаться на записи А. М. Гильфердинга от Трофима Рябинина, или записи Э. Бородиной и Р. Липец от Марфы Семеновны Крюковой («Илья Муромец и Соловей Рахматьевич», «Илья Муромец и Батай», «Илья Муромец и Калин», «Поездки Ильи Муромца», «Илья Муромец и голи кабацкие», «Илья Муромец и Святогор», «Микула и Илья», «Илья Муромец и баба Латыгорка», «Илья Муромец и Подсокольничек», «Последние подвиги Ильи Муромца» и многие другие). Перед нами — почти законченная биография любимого героя русского богатырско-

¹ „Монголо-ойратский героический эпос“, стр. 19.

го эпоса, поэтический цикл об Илье Муромце, не просто совокупность песен-эпизодов, а цепь былин, «тесно связанных между собою в один круг» и при том созданных одним сказителем (М. С. Крюковой).

И, тем не менее, мы не можем назвать все эти былины главами одной героической поэмы об Илье Муромце, прежде всего потому, что перед нами произведение фольклорное, а не литературное. И если Джангарчи Эляев в 1910 году спел десять песен Джангариады, располагая их в сюжетной последовательности, это еще не есть исчерпывающее доказательство; для фольклорного произведения один — два примера вряд ли могут составить научный аргумент. Во всяком случае, интереснейшая проблема, выдвинутая Б. Я. Владимирцовым, требует еще серьезных исследований в будущем.

Академик Б. Я. Владимирцов указывал также на необходимость изучения литературных влияний на «Джангариаду» и назвал два произведения: «Шах-намэ» и «Гесериаду»¹. Не видя пока возможности сопоставления «Джангариады» с этими произведениями (в частности, указание Б. Я. Владимирцова о

¹ „Монголо-ойратский героический эпос“, стр. 21-22.

влиянии «Гесериады» требует уточнения уже потому, что в науке отсутствуют более или менее точные данные о времени возникновения сказания о Гесере), позволим себе ограничиться упоминанием о мнении Б. Я. Владимирцова. Нельзя, конечно, отрицать наличие родственных черт в «Гесериаде» и в цикле песен о Джангаре. В них есть и отдельные сюжетные совпадения и общие характерные выражения. Однако, как увидим ниже, эти же общие черты свойственны и многим другим произведениям героического эпоса монгольских народов¹.

Большой интерес и значение в интересующем нас вопросе имеют работы академика Н. Н. Поппе. Хотя Н. Н. Поппе и не посвятил «Джангару» специального исследования, все же его труды по монголистике, особенно книга «Халха-монгольский героический эпос» — имеют принципиальное значение в решении проблемы истории и стиля «Джангариады»².

¹ Лучшее издание сказаний о Гесер-хане: „Гесериада“. Сказание о милостивом Гесер Мergen-хане, искорени-теле десяти зол в десяти странах света“. Перевод, вступительная статья и комментарии С. А. Козина, изд. Академии Наук СССР, 1935 г.

² Н. Н. Поппе, „Халха-монгольский героический эпос“ изд. Академии Наук СССР, Л., 1937 г.

На эту книгу Н. Н. Поппе мы еще будем ссылаться не раз.

В последнее время весь Советский Союз— великая страна сталинской дружбы народов— готовится отпраздновать в 1940 г. 500-летие калмыцкой эпопеи о Джангаре. Поэт С. Липкин впервые перевел весь цикл известных песен о Джангаре на русский язык. Перевод Липкина сейчас выходит в свет. В газетах и журналах стали появляться популярные статьи о «Джангаре». Можно указать на статью тов. Городовикова в «Красной звезде», тов. Баатра Басангова в «Правде» и др. В «Известиях», «Литературной газете» и многих других газетах печатаются статьи и информации о Джангаре. 500-летие калмыцкого героического эпоса явится началом всестороннего и глубокого изучения этого замечательного памятника народного творчества.

3.

Что же представляет собою «Джангариада», известная ученым почти сто пятьдесят лет и до сих пор, к сожалению, столь недостаточно изученная?

Прежде всего о времени возникновения «Джангара». Мы не встречаем пока исследо-

ваний, исчерпывающе объясняющих этот вопрос. Как известно, некоторые ученые (А. А. Бобровников, например), склонны были считать, что «Джангар» возник не раньше XVII столетия, уже в пору, когда калмыки прикочевали на Русь. С этим утверждением нельзя согласиться, так как целый ряд признаков свидетельствует о том, что «Джангар» возник гораздо раньше XVII в. Ниже мы будем указывать на многочисленные совпадения отдельных сюжетных звеньев и даже выражений в «Джангаре» и в других древних памятниках героического эпоса, принадлежащих народам, родственным болжским и донским калмыкам, но потерявшим с ними непосредственную живую связь после прихода калмыков на Русь. Кроме того Bergmann в своей книге „Nomadische Streifereien unter den Kalmücken“, опубликованной в 1804 г., помещает отрывки из «Джангара» имевшие, очевидно, широкое бытование в XVIII в., что подчеркивает длительность процесса развития «Джангариады». Это подтверждает и следующий факт: в XVIII в. Bergmann'у, судя по его отзывам и цитатам, был известен значительный цикл «Джангариады»; между тем, на примере других эпических произведений, прошедших стадию такой циклизации, мы знаем, что она

носит очень длительный характер, формируясь в течение нескольких столетий. И, самое главное, содержание «Джангара», образы и стиль этой эпопеи—указывают на гораздо более раннее ее возникновение. Итак, к какому же времени мы можем отнести появление «Джангара»? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо коснуться его методологии, ибо уже можно и нужно пытаться изучить общие законы героического эпоса.

У каждого народа есть свой фольклор. Нет «немых» народов. И, изучая историю возникновения и развития фольклорных жанров, можно сделать заключение о закономерности их появления на определенной стадии исторического развития народа. В фольклористике уже убедительно доказано возникновение трудовых песен на самой ранней ступени развития человеческого общества. Очень древни по своему происхождению и такие жанры, как загадка, магическое заклинание.

Хуже обстоит дело с героическим эпосом. Закономерность его появления у каждого народа еще не вскрыта и не доказана в той мере, какая позволила бы выносить суждение о том или ином памятнике с наибольшей вероятностью. Однако, наблюдения, сделанные различными учеными, допускают возмож-

ность более или менее достоверного предположения и о законах развития героического эпоса.

Очевидно, героический эпос, по крайней мере в той форме, в какой мы его представляем, возникает в период формирования нации, когда довольно явственно начинают проступать первые признаки национальной жизни, выраженные в общности психического склада народа, уже имеющего свою общую территорию и отличающегося как экономической связностью, так и общностью языка. Героический эпос обязательно должен возникнуть и возникает в период, когда в народе зародилось и стало развиваться чувство патриотизма, когда народ начал осознавать величие своей общности, когда появилась историческая необходимость общенародной защиты своей территории, когда в борьбе с врагами, посягающими на эту территорию, окрепли и стяжали славу народные герои—носители народной мощи, профессиональные защитники своего народа. Доказательством этого являются и гомеровский эпос, и немецкий цикл о Нибелунгах, и ирландские саги о Кухулине, и русские былины. Конечно, героический эпос имеет свою предисторию и в зачаточной форме возникает еще в родовой период, но он не имеет тогда тех форм и

жанровых особенностей, какие свойственны эпосе.

Племя ойратов, к которому принадлежали предки калмыков, очень древнее племя. Однако, в XII — XIII вв. ойраты не имели той силы и значения, какое они приобретают позже. Поэтому, когда в 1206 г. Чингис-хан провозгласил себя императором, а Монголию империей, вождь племени ойратов Хотуга-бики, как утверждает Рашид-ад-Дин, немедленно покорился Чингис-хану, удовлетворившись очень скромным званием предводителя маленького ойратского войска¹. В эту пору ойраты еще были «лесным» племенем полукочевым, полу-охотничьим и, собственно, находились на том этапе развития, когда от родового строя они только стали переходить к более сложной племенной организации.

Возвышение ойратов относится к XIV — XV вв. Из лесов они вышли в степь и начали кочевать по Алтаю — в степных и горных пространствах, превратившись, как говорит Б. Я. Владимирцов, «в настоящих степных номадов». Это укрепило ойратский феодализм, развило те формы, которые были в XV в.

¹ См. книгу академика Б. Я. Владимирцова „Общественный строй монголов“, Л., изд. Академии Наук СССР, 1934 г., стр. 108 и др.

привиты ойратам Чингис-ханом и, несомненно, породило общенародное сознание своей мощи. В XV в. во главе ойратского народа уже стал тайши (taiishi), противопоставивший себя монголам. Если даже не считать ойратов XIV—XV вв. самостоятельным государством, то все же надо признать, что с 1399 г. по 1454 г. ойраты как народ очень возвышаются и имеют все признаки своей государственности и национальные особенности исторически мощного народа.

Н. Н. Поппе в своей книге «Халха-монгольский героический эпос» указывает, что, после падения юаньской династии, монгольские феодалы на протяжении полувека ведут длительную и упорную борьбу с окрепшими ойратами, превратившимися в XV в. в сильный кочевый народ¹.

Итак, к XV в. относится расцвет ойратского народа. Это — высшая в его древней истории стадия мощности и народной общности. По всем признакам в эту пору (что мы знаем на примере других народов) обязательно должны были возникнуть образцы народного героического эпоса. И по всем данным, первые

¹ Н. Н. Поппе, „Халха-монгольский героический эпос“, изд. Академии Наук СССР, М.-Л., 1937 г., стр. 23.

песни о Джангаре возникают именно в эту пору.

С одной стороны, мы встречаем в «Джангариаде» образы мангусов и шулмусов (чудовищ), свидетельствующие о том, что у ойратов в пору создания «Джангара» еще не исчезли мифологические легенды и суеверие времен родового строя (обычно мангусы и шулмусы — наиболее активные враги Джангара и его богатырей), с другой стороны, эти первоначальные представления о чудовищах вступают в период распада: в образы мангусов и шулмусов певцы приносят все признаки феодалов. Так, например, в песне об Улан-Хонгоре, записанной в 1901 г. Поповым, повелитель шулмусов Авлынги-хан имеет свой оток. Как указывает академик Б. Я. Владимирцов, к XV в. относится укрепление отоков (otog), которые в этот период стали основной хозяйственной и территориальной единицей¹. Кроме того, постоянные указания певцов на то, что Джангар имеет тысячи войск, что его враги выступают против него с тысячами отборных воинов — не просто количественное обозначение. Ни один народ, кроме монгольских племен, не насыщает свой эпос

¹ „Общественный строй монголов“, стр. 132.

такими постоянными ссылками на тысячи, как количественную единицу. Еще со времени Чингис-хана (и раньше) и до XIV — XV вв. «тысяча» (minggan) представляет собою племенную и военную единицу, во главе которой стоит тысячник. Именно в XV в. постепенно исчезает этот термин „minggan“ и вместо него появляется „otog“.

Разумеется, время возникновения «Джангара» должно быть установлено с достаточной аргументацией, — этот вопрос еще ждет своего исследователя. Необходимо, например, установить: почему у элетов и ойратских племен Северо-Западной Монголии: дэрбатов, баитов, дамби-элетов, захачинов и др. — «Джангар» почти не распространен, как писал Б. Я. Владимирцов. Этот факт в той или иной мере противоречит утверждению о возникновении «Джангара» в XV в. Однако, это требует специального исследования.

Вначале, очевидно, «Джангар» возник, как небольшая по объему эпическая песня о героических подвигах ойратского хана Джангара. Нам неизвестно: скрывалась ли за этим образом конкретная историческая фигура или нет? Можно, конечно, предположить, что первоначально певцы воспели определенный подвиг, имевший место в борьбе ойратов с мон-

гольскими феодалами в XV в., а потом из песни постепенно исчезли черты лица, совершившего этот подвиг, и хан Джангар превратился в эпически обобщенный образ, запечатлевший в себе все наиболее типические черты ойратского народа. С течением времени образ Джангара стал любимым образом народа. Один за другим стали появляться джангарчи — певцы, избравшие своей профессией воспевание подвигов Джангара. Вокруг фигуры Джангара появляются новые эпические персонажи: богатыри Улан-Хонгор, Алтан-Чеджи, тяжелорукий Савур, Сэльдэнт и другие, подвигам которых джангарчи начинают посвящать отдельные песни, совершенно самостоятельные, но, вместе с тем, связанные между собой фигурой Джангара. Так создается большой цикл — «Джангариада».

В «Джангариаде» калмыцкий народ запечатлел свои многовековые мечты о счастливой стране, изобилии, довольстве, радостной жизни.

Бумба — страна Джангара, подобно легендарному «Индийскому царству» византийских и древне-русских сказаний — художественное воплощение народной мечты о земле счастья, всенародного блага и радости.

Бумба — величественное государство кочев-

ников, во главе которого стоит Джангар — могущественный народный герой, запечатлевший в себе всю мощь своего народа. Это не монарх; это именно народный герой, бесстрашный и могучий защитник Бумбы, безжалостный к врагам, носитель лучших народных понятий о доблести, чести, мудрости, скромности, героизме.

Народ Бумбы живет, «не разбирая ваше — наше», в довольстве и изобилии. Ни болезни, ни злые помыслы волшебников не проникают в Бумбу. Неисчислимы богатства доступны народу: океан Бумба течет жемчугами и кораллами по золотым — серебряным пескам, снабжая водопоем каждую кибитку. На вечно-зеленых пастбищах гуляют огромные табуны коней, стада тучных коров и овец. Нет в Бумбе жестокой зимы. Вечно цветут там травы, напоемые теплым весенним дождем. Бумба — сказочно счастливая страна.

И если враги — мангусы и шулмусы, чужеземные ханы и злые богатыри — пытаются покорить Бумбу, на защиту родины встают могучий Джангар, его богатыри и войска и уничтожают врага. Народ Бумбы никогда не нападает первым. Но если враги нападут на Бумбу — Джангар и его богатыри не только

отражают их, но и уничтожают на их же земле.

Сам Джангар вступает в единоборство с вражескими богатырями редко, в исключительных случаях. Так, например, когда Авлынг-хан, повелитель злобных шулмусов, пытался уничтожить Улан-Хонгора, самого лучшего богатыря Джангара, последний обрушился на оток Авлынга и, уничтожив его, освободил Хонгора. Однако, если Джангар почти не участвует в состязаниях своих богатырей с вражескими полчищами, он все же безусловно является главным героем эпопеи, организующей силой, воплощением спокойной мощи и величия. Сидя в своем чудесном желто-пестром дворце с прекрасной ханшей Шабдыл-Гэрэл (гэрэл — сияющая), Джангар пирует с богатырями и со всем народом, предаваясь веселью. Но Джангар оберегает народ и покой своей родины. Никто из богатырей не может сравниться с ним по силе.

Каждый из богатырей как бы дополняет собою Джангара. В их характере обычно выдвинута на первый план та или иная черта, выражающая качества всего народа. У Алтан-Чеджи, например, это — мудрость и дар предвидения; у Улан-Хонгора порывистость и стихийная всепобеждающая сила. Вообще, надо

сказать, Улан-Хонгор—один из самых любимых героев калмыцкого народа. Ему посвящены многие песни, зачастую бытующие как самостоятельное произведение. По значению, которое имеет Улан-Хонгор, сравнительно с другими богатырями «Джангариады», его можно сравнить с Ильей Муромцем русских былин.

Почти во всех песнях о Джангаре певцы указывают, что Джангар в семилетнем возрасте «принял в свои руки дела грозного Ширки» и, покорив свирепого Желтого Мангуса, сделался владыкой Бумбы. В истории монголов известен ряд случаев, когда пяти-семилетний ребенок получал ханское достоинство. Так, например, Шмидт в своем исследовании о монголах упоминает о том, что как раз в XV в. (в 1470 г.) ханом стал пятилетний Бату Мэнке, получивший имя Даян-хан и впоследствии объединивший всю Монголию¹. Н. Н. Поппе приводит факт владычества хана-младенца, запечатленный в чахарской эпической песне «Четырехлетний Ареяту Номун хан»².

¹ Schmidt „Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses, verfasst von Ssanang Ssetsen Chungtaidschi der Ordus“, St. Pb., 1829, 181.

² „Халха-монгольский героический эпос“, стр. 69.

Еще в детстве Джангар стал совершать подвиги во имя своего народа: «в трехлетнем возрасте он сокрушил поколения врагов трех местностей», — говорят джангарчи. Беспощадный ко всем, кто посягает на его родину, Джангар стяжал себе бессмертную славу в народе:

— „Это—способный рубиться
До самой своей смерти;
Так именуют в народе Джангара.

И если народ любит своего героя, враги Бумбы, наоборот — ненавидят и боятся Джангара:

— „Владыка Джангар“
Выглядит, говорят,
Грозным сновидением
Для семи преисподних царств“...

Любуясь Джангаром, народ часто называет его «сиротой» — настолько великим и одиноким в своем могучем величии кажется он на земле:

„Великий Джангар, говорят,
Один среди земли
И сирота среди веков“.
(Запись Михайлова).

„Это—сын Узюнга,
Это—сирота Джангар“.
(Запись Попова).

Рисую внешний облик Джангара, его портрет,

Джангарчи охотно используют излюбленный в эпосе прием художественного преувеличения. Вот как, например, изображен Джангар в песне, записанной Н. И. Михайловым в багацохуровском улусе в 1850—51 гг.:

Если поглядеть на этого богдо,
Подобного сновидению, сзади,
Он гнется подобно сандалной жерди.
Если поглядеть на него спереди—
Как будто тысячи голодных тигров
Делают набег.
Если взглянуть на него сбоку,
Он красуется подобно
Пятнадцатидневной луне...
Между раковино-белыми плечами
У него тридцать пять локтей,
И на лопатках его сложились силы
Тридцати трех небожителей Хормусты.
В каждом суставе его десяти белых пальцев
Соединена сила льва и слона...
Темно-серебряная массивная коса его
Подобна сандалу, достигшему полного роста...
Крылоподобные усы его—чудо, прелесты!.

Джангар очень жизнерадостен и молод. Он любит свою землю любовью большого, мужественного человека. Он очень честен, бескорыстен и храбр. Гостеприимство — одна из основных черт его характера. Так, например, когда посланец злобного хана шулмусов вошел в хош Джангара и, раздавив несколько

воинов, стал издеваться над самим богдо и над его богатырями, — горячий и порывистый Улан-Хонгор хотел тотчас же разделаться с шулмусом; но Джангар запретил трогать врага до тех пор, пока он не будет накормлен и не изложит цели своего посещения.

В «Джангариаде», как и в других эпосах монгольских народов, врагами Джангара являются злые силы — мангусы и шулмусы. Н. Н. Поппе указывает на ряд примеров борьбы эпического героя со злыми силами (в песнях «Боролдзой-хан», «Абай Хэлэн Галдзу батар», «Энхэ Болот хан», «Лучший из мужей Ягандар» и мн. др.), причем констатирует, что инициатива нападения, как правило, обязательно принадлежит мангусу, которого герой, в конце концов, побеждает¹.

«Джангариада» — величественная, прекрасная эпопея жизни калмыков — степных кочевников. Б. Я. Владимирцов справедливо выделяет в этом отношении цикл о Джангаре:

— «Еще более яркой, чем в бурятских эпосах, — пишет он, — является перед нами здесь (в «Джангаре». В. З.) картина кочевого быта. Здесь ее настоящий апофеоз; четко и определенно, совершенно реально и жизненно

¹ „Халха-монгольский героический эпос“, стр. 93.

рисует в «Джангариаде» идеал кочевника, идеал этой привольной степной жизни, полной своеобразной поэзии. Ароматом степей настоящим, не стильно-созданным, но стихийным, только укрепленным стилем, веет от песен Джангариады. Эта идеальная, патетическая картина кочевой жизни является перед нами уже и сложной и пестрой; видно, что грезит о ней не народ — зверолов наполовину и кочевник наполовину, раскинувший свои одинокие юрты по предгорьям лесистых сопок, как в бурятских эпopeях, а народ..., проживший жизнью организованного кочевого государства. Джангариаду надо признать удивительной выразительницей народного духа, стремлений народа, его чаяний, она рисует его настоящий мир, вот эту его повседневную, настоящую жизнь, но только возведенную в идеал; она является действительно национальной поэмой»¹.

В условиях кочевой жизни степняков-калмыков огромное значение имел конь. Конь был верным помощником и спутником кочевника-калмыка, доставлял ему продукты питания, был незаменимым товарищем в боях. Поэтому в «Джангаре» мы встречаем замеча-

¹ „Монголо-ойратский эпос“, стр. 20.

тельное художественное изображение коня. Вообще, надо сказать, в эпосе монгольских народов конь занимает одно из центральных мест и является своеобразным героем эпического произведения.

«Таких былин, героями которых являются именно кони, — пишет Н. Н. Поппе, — у монголов довольно много. Конь играет большую роль даже в тех былинах, главным действующим лицом которых является человек... Конь часто выступает спасителем своего господина, и сплошь да рядом все наиболее трудные подвиги совершает именно конь, а не герой. Такая роль коня в эпосе в условиях кочевого быта понятна»¹.

Очень часто конь начинает разговаривать со своим господином и подавать ему советы. Н. Н. Поппе отмечает это в песнях об Эринчен-мергене, о Баян Боролдзой хане, о Батар Чоно Голдане, о Богдо нойон Джангар хане, о Ягандаре и проч.².

В «Джангаре» кони тоже занимают большое место. Рыжка-арнзул Джангара, голубой Лысый Улан-Хонгора, Курунг тяжелоруккого Сабара, — все эти кони — подлинные герои.

¹ „Халха-монгольский героический эпос“, стр. 16.

² Там же, стр. 88-89.

Сошлемся лишь на «Песню об Улан-Хонгоре», записанную Поповым. В этой песне голубой Лысый богатыря Улан-Хонгора вдохновляет его на подвиги и в критический момент воодушевляет Улан-Хонгора своей речью.

Идея «Джангариады» — восхваление сильных, могучих телом и духом героев, воплотивших в себе все наиболее типические качества своего народа; восхваление счастливой, изобильной и радостной страны всенародного блага; восхваление безграничной любви к родине; восхваление человеческого бессмертия, — такова величественная идея замечательной калмыцкой эпопеи.

Что касается стиля «Джангариады», то это обычный торжественно-сказовый стиль героического эпоса: обильные сравнения, яркие метафоры и эпитеты, смелый гиперболизм. Как и в эпических произведениях других народов, в «Джангариаде» действие разворачивается с величавой медлительностью; этому способствуют многочисленные повторы, развернутое описание героя, его коня, оружия, платья. Все эти черты роднят «Джангариаду» и с «Иллиадой» и с русскими былинами, и с сербскими юнацкими песнями, и с финно-карельской «Калевалой», и вообще со всеми произведениями подобного рода.

Однако, в стиле «Джангариады» есть свои особенности, отличающие ее от всех перечисленных выше произведений. Так, например, джангарчи очень большое внимание уделяют точным количественным определениям:

„Белую ставку Бумба снабдили
Восемьдесятю четырьмя решетками...
В семь миллионов обошлась ее постройка“.

Одно за другим называют джангарчи числа, иногда представляющие собой простое выражение стремления певца поразить слушателей крупнейшими цифрами: сотнями тысяч, сотнями миллионов и т. п. Вот как изображается, например, проезд богатырей в ставку Джангара:

„Вошли они, наполнив собой
Все восемьдесят две балки Зандан.
Вместились, достигнув числом миллиона,
Десяти, ста миллионов,
На горе Хадақ-Йонгхар.
У желто-пестрого дворца
Доброго владыки Джангара
Достигли они числом
Семидесяти тысяч ста миллионов“...

Эти числовые определения очень обильно уснащают текст «Джангариады». Можно сказать, нет ни одной страницы, на которой не встречались бы упоминания о тысячах и мил-

лионах. Иногда для усиления впечатления джангарчи прибегают к помощи «математического» нагнетания действия путем введения в текст цифровых действий умножения. Сцена погони за шулмусом изображается, например, так:

„Много-премного времени,
Много-много дней и ночей,
Семью семь сорок девять дней
Скакал он (Сэльдэнг. В. З.),
Настигая чужого богатыря шулмусов“.

Сорок девять — одно из любимых чисел джангарчи, подобно тому, как у русских сказителей былины число три. В текстах «Джангариады» очень часто встречается эта традиционная формула: «семью семь сорок девять дней», «семью семь сорок девять ночей» и т. п.

И, надо сказать, это постоянное и исключительно активное использование математических знаков, то, что мы называли числовыми определениями — позволяет установить известную связь стиля калмыцкой героической эпоса с фольклором родственных ему народов. Такие числовые определения свойственны всем монгольским народам. Можно сослаться на целый ряд примеров.

Позднеев приводит свыше восьмидесяти песен, в которых эти числовые определения на-

кладывают своеобразный отпечаток на стиль лирических произведений¹.

Чем же было вызвано это активное стремление певцов монгольских народов к обильным числовым определениям? Ответ на этот вопрос надо, очевидно, искать в характерных особенностях быта кочевых народов вообще. У кочевников сама жизнь была полна числовых определений. Без подсчета кочевник-степняк не мог прожить ни одного дня. Он не был прикреплен к одному месту, где каждый предмет его быта находился бы в состоянии относительной хотя-бы неподвижности. Двигалось все: двигались по необозримым степным пространствам телеги, перемещались кибитки, на большие расстояния переходили конские табуны и стада скота. Все должно было находиться под постоянным неослабным контролем: считали людей; считали кибитки; считали лошадей, коров, овец; считали бэрэ (мера длины) пройденного пути, считали предметы домашнего обихода. И, при постоянном передвижении, такой подсчет производился

¹ А. Позднеев, „Образцы народной литературы монгольских племен“, выпуск первый. Спб, 1880 г. См. так же книгу Н. Н. Поппе, „Халха-монгольский героический эпос“.

постоянно. Отсюда, очевидно, особая любовь певцов к числовым определениям, плотно вошедшим в быт кочевника-степняка.

Вообще, надо заметить, перед исследователем «Джангариады» стоит сейчас интереснейшая задача изучения калмыцкого эпоса сравнительно с эпосом других монгольских народов. Ставя проблему литературных влияний на «Джангариаду», академик Б. Я. Владимирцов указал «Шах-намэ» и «Гесериаду». Однако, можно указать на очень интересные детали, позволяющие раскрыть общую генетическую связь «Джангариады» и монгольского эпоса вообще. Рамки вступительной статьи заставляют нас ограничиться несколькими замечаниями.

Н. Н. Поппе в своей книге «Халха-монгольский героический эпос» целую главу отвел проблеме «общих мест» в произведениях изучаемого им эпоса. Об этих общих местах можно говорить и касаясь «Джангариады».

Как и во всяком эпическом произведении, в «Джангариаде» есть сотни исторически состоявшихся традиционных, как бы окаменевших эпических формул. Фольклористы называют их «консервативными». Есть такие формулы в эпосе каждого народа. Укажем лишь на несколько примеров.

В песне об Улан-Хонгоре, записанной И. И. Поповым от Бадмы Обушинова, есть такое выражение:

— „Он растянулся подобно ремню,
Раскрасневшись, как таволжник дикий“.

(Перевод мой. В. В.)

В халха-монгольской былине «Лучший из мужей Эринцэн мэргэн» читаем, что Эринцэн мэргэн спал «вытянутый, как ремень и раскрасневшийся, как тамариск»¹. Как и в «Эринцэн-мэргене», в песне об Улан-Хонгоре это выражение встречается несколько раз. В ойратском эпическом сказании «Эргль Тэргль» снова это же выражение: заснул, «растянувшись, как ремень покраснев как таволжник»².

В песне об Улан-Хонгоре, публикуемой нами, голубой конь Улан-Хонгора так скачет:

— „От пыли своей отвращаясь, бежит;
Тени своей пугаясь, бежит“...

(Перевод мой. В. В.).

В чахарской былине «Четырехлетний Ареяту Номун хан», конь героя скачет, «пугаясь своей тени... пугаясь своей пыли»³. В песне об

¹ Н. Н. Поппе, цит. соч., стр. 41 и 42.

² „Монголо-ойратский героический эпос“, стр. 221.

³ Поппе, цит. соч., стр. 69.

Улан-Хонгоре встречаем описание паршест-
венной чаши Джангара,

„Которую могли поднять,
Взявшись за нее все вместе,
Только семьдесят человек“.

В халха-монгольском «Эринцэн-мэргэне» Эринцэн «подал богатырям чашу с вином, которую принесли семьдесят человек»¹. И в «Джангаре» и в «Эринцэн-мэргэне» и в ойратской былине «Богдо нойон Джанграй хан», записанной Ц. Ж. Жамцарано² изображается легендарная гора Болзатын-боро. Н. Н. Поппе упоминает о том, что в былине «Баян Болролдзой хан» герой сражается с мангусом на холме Bolzotin voro-tologoi³. Гора Толок (tologoi) встречается и в «Джангаре». Н. Н. Поппе приводит также много общих мест в описании дворца героя, богатырских коней и т. п.

Эти сопоставления можно было бы продолжить и привести множество доказательств того, что «Джангар» возник гораздо раньше XVII в. и бытовал среди калмыков еще в ту

¹ Поппе, цит. соч., стр. 41.

² Образцы монгольской народной литературы, вып. 1, под ред. Ц. Ж. Жамцарано и А. Д. Руднева, Спб., 1908 г.

³ Поппе, цит. соч., стр. 77.

пору, когда они имели непосредственное общение с народами Северо-Западной Монголии.

Язык «Джангариады» — живой разговорный калмыцкий язык, очень поэтический и яркий, богатый сравнениями и метафорами. Эпосея включает в свои песни много афористических выражений, которые стали излюбленными поговорками калмыцкого народа.

Как уже указывалось выше, калмыцкие джангарчи исполняют песни о Джангаре и его богатырях как в стихах, так и в прозе, иногда чередуя стихотворный текст одной и той же песни (причем, этот стихотворный текст исполняется под аккомпанимент домбры) с прозой.

Что касается стихов, то они построены по принципам тонического стихосложения с преобладанием хорея. Рифмы в калмыцких стихах нет, но существует очень своеобразная аллитерация начальных слогов каждого стиха¹. Например:

Erdnin erkn cagt hargsn,
En oln burxdin sazn delgrx hargsn,
Tək Zula хаань yldl,
Tansg Bumb хаань ас,
Yrn aldn хаань kovyn
Yjin oncn Zanhv vilə,²

¹ Поппе, цит. соч., стр. 116 и др.

² „Zangr“, Хальмг Гиз, Элст, 1935 г., стр. 3.

В переводе С. Липкина это начало «Джангара» выглядит так:

Это было в первые дни
Появления трех Эрдени.
Вечности начинался расцвет.
Величавый брезжил рассвет
Веры бурханов святой.
Жил-был Джангар в эти дни.
Круглым остался он сиротой.
Так о нем говорят:
Таки-Зала хана семенем был,
Тангсык-Бумбы хана внуком он был,
Узюнга великого сыном он был.
Узнал он рано войну, и т. д.¹

В заключение надо заметить, что замечательная калмыцкая эпопея о Джангаре еще ждет своего исследователя и, надо надеяться, дни, посвященные 500-летию «Джангарияды», послужат началом всестороннего изучения этого поистине чудесного образца народного творчества.

В. ЗАКРУТКИН.

¹ „Народное творчество“, 1938 г., № 8, стр. 20.

۱- فصل در بیان احوال و سیرت حضرت علی (ع)
 ۲- فصل در بیان احوال و سیرت حضرت زینب (ع)
 ۳- فصل در بیان احوال و سیرت حضرت فاطمه (ع)
 ۴- فصل در بیان احوال و سیرت حضرت حسن (ع)
 ۵- فصل در بیان احوال و سیرت حضرت حسین (ع)
 ۶- فصل در بیان احوال و سیرت حضرت علی اکبر (ع)
 ۷- فصل در بیان احوال و سیرت حضرت علی نقی (ع)
 ۸- فصل در بیان احوال و سیرت حضرت علی رضا (ع)
 ۹- فصل در بیان احوال و سیرت حضرت علی نقی (ع)
 ۱۰- فصل در بیان احوال و سیرت حضرت علی نقی (ع)

БУМБА—ЗЕМЛЯ ДЖАНГАРА

Океан, называемый Бумба-Океаном,
Не имеет границ.
Также и материк Замба полным устроен.
В самой середине Шикирлука,
Среди гирл реки Шильте-Зандан,
Под выступом двенадцати пестрых гор,
У разлива широкого океана,
По имени Шарту,
Под выгибом высокой белой горы Мангхан,
Подобным пруди скачущей лошади,
Находится ставка преславного Джангара.
В семь миллионов обошлась ее постройка.
Белую ставку Бумба

Снабдили восемьюдесятью четырьмя
решетками.

Имели решетки по тысяче унин¹.

Каждая унина вжата львиными клыками.

Уклон каждой решетки придан

Только одними слоновыми клыками.

Выкрашены решетки красной краской Мал.

Блеск им придан маслом Маджи Малыйн².

Дверные притолки их из упругого сандала.

Дымовой круг ставки

Из красного сандалного дерева Куджи³,

Дугообразные переплеты его

Из белого серебра енгер⁴,

Острие их из сандалного дерева энчин⁵.

Высокая белая ставка Бумбайн

Снабжена восемью тысячами

Желто-золотых створчатых дверей

С перильчатыми крыльцами над ними.

На разлетающихся золотых дверных створках

Великого, как океан, владыки

Нарисовали двенадцать богатырей Джангара,

Во главе которых непобедимый Красный

Хонгор,

Обладающий силой и внешностью

Страшного льва Арак.

Когда рисовали богатырей Джангара,

То изобразили,

Как на их белом подгрудье

Скрещивается
Свирепая желтая сталь,
Обладающая сорока четырьмя лезвиями
И имеющая способность
Четырех тысяч вращений.
Взявшись за серебряную рукоятку Гулза °
Пятью пальцами руки,
Готовы богатыри обнажить свое оружие.
Исподлюбья, по воинскому обычаю,
Посматривают те богатыри Джангара.
Великие материки Замба,
Оттоняя от себя волшебства,
Злые помыслы и повальные болезни,
Волнуются среди миллионов других миров.
На южную сторону от высокой белой ставки
Бумбан
Раскинулись стойбищем по берегу Океана
Бумба
Сто тысяч десять миллионов кибиток.
В самой середине их,
К благополучию чудесного Джангара,
Шумят, не разбирая «ваше» — «наше»,
Пять миллионов учеников белого хурула
Таньбина.
На севере от белой ставки Бумба,
Наполняя с остатком пространства
Между восемьюдесятью двумя реками
Зандан,

Как в дымке виднеются
Для процветания славного богдо
Сто миллионов его подданных.
Имеет владыка царство вечности;
Там нет смерти;
Обладает он царством лета;
Нет зимы там;
Принадлежит ему непрестанно величественное
Богатырское царство Бумба.
Розовея восходит утром алое, желтое солнце.
Колеблясь, произрастает цветистая зелень,
Освещая весь мир,
Поднимается высочайшее полуденное желтое
солнце.
Жужжа, взлетают таинственные черные
пчелы.

Идет шумливый дождь.
Солнце постепенно склоняется к закату.
Если сказать, кто человек,
Владычествующий над всем этим,
То это — истребивший в трехлетнем своем
возрасте
Поколения врагов трех местностей;
Изломавший в четырехлетнем своем возрасте
Вершины сорока знамен;
Уничтоживший поколения врагов в четырех
местностях;
Изломавший в пятилетнем своем возрасте

Вершины пятидесяти знамен
И сокрушивший поколения врагов пяти
местностей;
В шестилетнем своем возрасте
Истребивший поколения врагов в шести
местностях

И покорившей под свою власть
Славного хана Зула;
В семилетнем своем возрасте
Уничтоживший поколения врагов
В семи местностях
И подавивший свирепого Желтого Мангуса,
Повелителя преисподнего царства;
В семилетнем же возрасте принявший в свои
руки

Дела грозного Ширки;
Это по поговорке так:
Что потянуть сверху, так у гривы нет корня;
Потянуть снизу, так нет основания у хвоста;
Один одинешенек у огнища страж на земле;
Высокий росток на поверхности земли.
Это правнук молодого хана Бодонга,
Праправнук молодого хана Бомбо,
Внук мудрого Торчи,
Сын славного хана Узюнга.
Это — способный рубиться
До самой своей смерти;
Так именуют в народе Джангара.

Владыка Джангар,
Силой отобравший сердца
Четырехсот мировых ханов,
Говорят, выглядит грозным сновидением
Для семи преисподних царств,
Видением для двенадцати горных царств.
Человек, именуемый владыкой Джангаром,
Так могуч своими владениями,
Что его владения могла окружать
Только тысяча чужестранных народов.
На передней стороне
Отверстого шелкового балдахина Тоджи⁹
На сорока-четырёх-ножном
Серебряном престоле — Дэльду¹⁰
Владычествует в славной стране Бумба
Семилетний Джангар.
Кладя на любую сторону шелковую подушку-
Лабари¹¹,
Опирается, погружая в нее
Свой стальной черный локоть.
Глазами свирепого Гаруди¹²
Смотрит он попеременно вниз и вверх.
У прибоя чистого белого моря,
На покатости белой горы Анчитой¹³,
При слиянии двенадцати морей,
Люди построили золотой желтый дворец.
Подкрепили его сорока четырьмя устоями.
Подставлен он тысячью опор.

Имел лестницу в виде льва и престол из
золота.

Обведен каймой из золота

Без примеси меди.

Разукрашен драгоценными камнями,

Сразу исполняющими всякое желание;

Снабжен глазками из красного стекла-огня.

Окна в нем из красного сандала Галбарь.

Всякая из его вершин снабжена очиром¹⁴.

На каждом очире бумба¹⁵.

На всякой бумбе цацак¹⁶.

Каждый цацак устроен как парус,

Развевающийся по этому земному миру.

Если назвать, кто человек,

Владычествующий над всем этим;

То это укротитель

Неукротимого богатырского коня своего.

Среди постоянных войн смиливший самого
себя.

Всего себя законом смягчивший,

Восьмисотлетний старый Ширки.

Вечерней порой

Виднеются его владения в голубоватой
дымке.

На нижней стороне от дворца

Расположились стойбищами кибитки.

В самом центре их занял стоянку

Белый его хурул-Талвин¹⁷,

Пять миллионов учеников его
Гомонят к процветанию владыке Ширки,
Не разбирая «ваше» — «наше».
По самой середине Шикирлука,
Наполняя собой с избытком
Пространство между рекой Шильтэ-Зандан,
Шумят к благополучию владыки Ширки,
Пять миллионов его подданных,
Не разбирая «ваше», — «наше».
На склоне горы Артай-Зандан
Ставка Агар-Зандан.
Для двенадцати царств
Сделалась она предметом
Читаемой там повести.
На южной стороне ее
Заняли стойбищами миллионы,
Десятки миллионов
Множество кибиток.
В самом их центре,
К благополучию дивного их владыки
Гомонят, не разбирая «ваше» — «наше»
Пятьсот учеников его
Белого хурула Талвина.
На северной стороне
К процветанию, Джангара-владыки,
Шумят его подданные,
Наполняя собой с остатком
Пространства между чистым, белым морем.

Если же сказать,
Кто человек
Владычествующий над всем этим,
То это внук Бамбал-хана,
Единственный сын хана Гаджик-Алтан,
Не упускающий того, с кем сразится;
Здесь владычествует называющийся Алтан-
Чеджи.

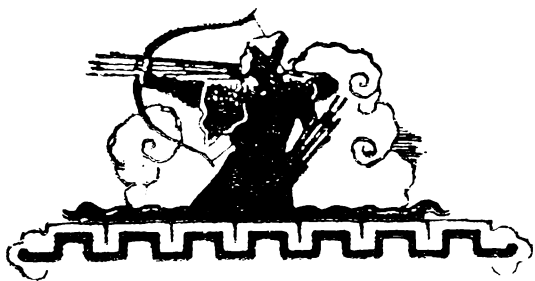
Вечерней порой,
В голубоватой дымке,
Виднеются его владения.
На берегу глубокого черного океана,
На покатости горы Гушэ-Зандан —
Ставка Гушэ-Зандан.
Для двенадцати глубоких царств
Сделалась она предметом
Читаемой там повести.
На южную от нее сторону
Раскинулись кибитки миллионов,
Десятки миллионов кибиток.
В самом их центре
Занял стоянку
Белый его хурул-Талвин.
Пятьсот его учеников
Гомонят, не разбирая, «ваше» — «наше»
К благополучию своего знаменитого владыки,
На северную сторону
От ставки Гушэ-Зандан,

Шумят, к процветанию Джангара-владыки,
Не разбирая «ваше» — «наше»,
Наполняя с избытком
Пространство у глубокого черного океана,
Семь миллионов народа страны Бумба.
Если же назвать человека,
Который владычествует над всем этим,
То это — взявший в свои десять белых
 пальцев зная;
Если назвать, кто человек, говорящий:
«И существа и поверхность земли,—все мое»,
То это сын Узюнга,
Это сирота Джангар.
Опорой он имеет океан,
Называемый Бумба-Океаном
Океан же
Именуемый Бумба-Океаном
Имеет тройное вращение.
В течение дня:
В утреннее время
Вращается он по течению,
Звенит, течет он по пескам,
Исполняющим все желания.
В вечернюю пору вращается он
В сторону своего истока.
Шумит, течет
По золотым, серебряным пескам.
Во время огневого полудня

Гигантский океан Бумба
Волнуется, ударяя
В два крутых своих берега.
Мера его глубины
Сто восемьдесят бэрэ¹⁸.
Мера его ширины:
Имеющая голову из звонкого серебра,
Розовато-серебряное оперенье,
Сердце барса,
Хваткая, как самка беркута,
Пятилетняя желто-пестрая самка балабана,
Которая с каждым взмахом
Покрывает пространство в девяносто бэрэ,
Резвая-пререзвая самка балабана,
Перелетая тот океан,
Выводит птенцов в дороге,
Не успевая переправиться через него.
Так широк океан Бумба.
Этот океан называют океаном,
Принадлежащим богатырю Джангару.
Сделался он предметом сновидений
Семи тысяч чужеземных ханов.
Имеет он опорой белую гору Бумбин.
С западной стороны ее — отблески
Хрустальной Гаруди.
Середину ее называют
Белой горой Мангхан
Сделалась она предметом желаний

Семь тысяч чужеземных ханов.
Владычествует Джангар
Над семьюдесятью океанами,
Равными океану Бумба,
И над царствами семидесяти двух ханов.
Над всем этим владычествует
Человек Джангар.

БОГАТЫРИ ПОЗДРАВЛЯЮТ ДЖАНГАРА

Нарождаясь,
Наступил первый весенний месяц.
Для поздравления высокого владыки Джангара
С этим белым праздником
Приказал оседлать своего вороного коня
Тавок Хайсун.
Сам, с тремя тысячами своих непоседливых
богатырей,
Поскакал Тавок Хайсун верхом,
Поздравить непобедимого владыку Джангара
С белым месяцем.
Помчался он против течения
Глубокого черного моря,
Вздымая бегущую красную пыль.

Услышав о том,
Что Тавок Хайсун поехал,
Алтан-Чеджи приказал оседлать
Своего гнедого коня-Аксак¹.
Сам с тремя тысячами непоседливых богатырей,
Охраняющих его жизнь,
Поскакал, чтобы поздравить
С белым весенним месяцем
Своего непобедимого владыку Джангара.
Пересекая
Гору Артай-Зандан,
Вздымая густую красную пыль,
Промчался он...
Услышав, что Алтан-Чеджи поехал,
Поскакали, направляясь к Джангару,
И тридцать пять вепрей-богатырей;
А за ними семьдесят два
Повелителя океанов;
Помчались они, а за ними другие,
Утерев свое число,
По горе, именуемой Толок...
Вошли они, наполнив собой
Все восемьдесят две балки Зандан.
Вместились, достигнув числом миллиона,
Десяти, ста миллионов,
На горе Хадак-Йонгхар.
У желто-пестрого дворца
Доброго владыки Джангара

Достигли они числом
До семидесяти тысяч ста миллионов.
Шумят они, войдя,
И наполнили они собой
Всю ставку богатыря Джангара.
Множество вельмож с правой стороны сели,
Каждый на свое место.
Если сказать, кто человек
Старший на правой стороне,
Так это Алтан-Чеджи,
Знаменитый своим умом
В чудесном царстве Бумба,
Это Алтан-Чеджи.
Если же назвать, кто человек
Старший на левой стороне,
Так старшим сел,
Знаменитый своими вещими сновидениями
Ясновидец князь Гюмбе.
Вельможи справа и слева
Сидели, говорили, вопрошая:
— «Кого же нет из нас?»...
В это время переговаривались они:
«Где же расположившийся кочевьем
На берегу Шикирлука,
Обладатель ставки Бамбар-Зандан
Красный Хонгор?»

Поехал он, выбрав для этого
Триста богатырей из трех тысяч,
Оберегающих Арак Красного Хонгора
И его жизнь.

Для того, чтобы поймать
Гуляющего в степях голубого,
Ставка Хонгора, крича, собралась вся.
В степи, с голубым конем,

Гуляло девяносто тысяч
Лошадей-тунгджурмудов¹

На вольных пастбищах
У истоков реки Харгамты.

Гнал конюх Кукэн-Цаган лошадей,
Поднимая их на гору.

Согнал их так густо,

Что они, непоседливые, буйные,
Играя во время огневого полудня,
Производили глухой шум.

Поил их в море Кукэн-Цаган.

Могучие на привольи

Девять тысяч голубовато-серых лошадей
Тунгджурмудской дикой породы

Входили в воду, гребя,

Ударяя ее своими копытами,
Твердыми, как камень в скалах;

В бок ударялись им волны,

Когда они пили, стоя поперек русла.

Таинственно прекрасные,

Синеватые, как дождевые облака,
Свои уши насторожили они
В верх небесной обители Хормусты².
Быстрыми своими глазами
Смотрели они
Сквозь находящиеся на той стороне моря
Семь тысяч гор.
Ездит Кукэн-Цаган,
Приготовляясь поймать коня.
Привыкшего к поворотам своего игривого
Ударив семь тысяч раз крепкой плетью,
Окружает Кукэн-Цаган табун.
Закричал он тонким чистым голосом,
Ударил своего коня игривого
Много раз без остановки
По крутой груди.
В бок на правую сторону
Наклоняется подыгравший ипривый его,
Касается головой дужки правого стремени,
Брызжет розовато-белой пеной,
Горячится, сбивает камни кверху,
Несясь галопом-накидом.
Бил твердым, как камень скалы, копытом так,
Что оно чуть не сорвалось с ноги;
Рвался конь вперед грудью так,
Что чуть не растянулись
Стремена звонкого серебра.
А конюх Кукэн-Цаган,

Склонившись в седле несколько набок,
Развязал голубой шелковый аркан.
Вокруг своих белых-пребелых запястьев
Тысячу раз обернул.
Туда,
Где среди сбитых в кучу меринов,
Стоял одичавший на приволье
Голубовато-серый лысый,
Аркан свой бросил Кукэн-Цаган.
Полетел аркан
Выше высоких и низкорослых коней
И обвил большую прекрасную голову
голубовато-серого,
И прекрасную, как у земляного зайца —
тушкана,
Лопатку ноги серединой обвил он.
Чудодейно-чудно бил конь
Передом и задом вверх и вниз
Девять десятков миллионов раз.
Перепрыгивая через девственно-белое море,
Перескакивая через три широкие займища,
Бежал он, голубой конь Красного Хонгора.
А привыкший к поворотам-изворотам игривый,
Вслед за ним перепрыгивал
Одно за другим четыре займища
И по пятам следовал за чудодейным Лысым.
Мчал за ним по берегу
Девственно белого моря,

Мчал за ним, переправляясь
Через реку Кудюр-Зандан.
Мчал за ним, переваливаясь
Через гору Кукэн-Цаган.
Голубой шелковый аркан
Попал на правильное место;
Восемь тысяч раз обвился он
Вокруг тонкого, белого подбородья.
Бил копытами голубовато-серый
Восемь тысяч раз;
Кидался-бросался
Восемь тысяч раз.
Не допуская голубой шелковый аркан
До своей белой как вата спины,
Подскакивал, подбрыкивал он,
Неудержимо быстро несясь вперед.
Еле-еле конюх удерживал
Большим и указательным пальцами
Обвитый серебряной нитью в кончике
Толщиной с человеческое туловище аркан.
Несчетно ударял Кукэн-Цаган плетью
Голубого Лыску;
Бил его пряжкой,
Сделанной, как вороний клюв.
Брыкал, бежал голубовато-серый,
Переправляясь через красивую гору Хангай.
На конце горы
Кукэн-Цаган стал уже бить

По белой, как вата, спине серого
Голубым шелковым арканом;
И тогда то Кукэн-Цаган взял его арканом
Под бронзово-серебряные стремяна.
До растяжения
Светлого серебряного стремени тянул серый.
До того тянулся он,
Что находящееся по другую сторону левое
стремя

Чертило землю — тянулся он.
На подбородок упирался,
До изнурения груди тянулся
И наконец уперся,
Как на железные скалы,
На свои четыре черные копыта.
Толщиной с человеческое тело
Голубой шелковый аркан
Натянулся, как струна,
И вот-вот порвется.
Тогда то ехавший на своем сером маштаке
Конюх Кукэн-Цаган
Сделав пятьдесят два оборота,
Сошел со своего коня.
Взявшись одной рукой
За голубой шелковый аркан,
Подошел он к голубовато-серому,
Погладил его по белой, как вата, спине,
На развевающуюся его гриву

Пять своих пухлых пальцев положил
И пригнул ее
К своим медно-красным коленям.
На голову голубого Лысого накинул
Разубранный гремучими серебряными
кольцами недоуздох

И, поймав верхнюю часть шеи,
Коня захватил обродью,
Заставил голубовато-серого
Замкнуть, взять в рот золотые удила,
С серебряным подбородком узды,
Поглотивши их подобными тискам губами,
Схватил конь, замкнул удила
Прямыми, как барабанные палки,
Золотыми клыками.

А в то время,
Как подвязывали подбородок узды,
Миллионами звуков звенели
Блестящие, как месяцы,
Подвески на узде.
Прекрасные шелковые поводья
Положил на ровный, великолепный загривок.
Ведя за подобный браслету серебряный чумбук
Повели голубого коня
К ставке непобедимого Хонгора.
На ходу до ставки Хонгора
Порхающий голубовато-серый
Задумал непременно опорожниться.

Грозе подобный свой хвост поднял,
Великолепный свой помет высыпал,
Обильный красноватый свой помет
Подбросил кверху.
Опорожнившись, свое сердце он отодвинул
В надлежащую сторону.
Свой подобный белому, орлу сальник
Подобрал он к пояснице.
Трубой, вравне с ушами,
Загнул он свой хвост.
Развевающуюся челку
Рывком стряхнул от глаз.
Округлый живот свой
Подобрал он к крестцу;
Крепко сжал он могучую свою грудь.
Спина у него как у зайца—прекрасна.
Чистые блестящие ляжки — прекрасны.
Строптивая голова у него прекрасна.
Острые, как бурав, глаза прекрасны.
Широкая грудь его — прекрасна.
Высокие, плотные,
Блестящие как золото,
Копыта у коня.
Таков голубой конь Улан-Хонгора.

ПЕСНЯ ОБ УЛАН ХОНГОРЕ

Под голубеющим,
Серебристо-синим небом,
Подобном выгибу груди скачущей лошади,
На берегу океана Шикэ,
У истоков реки Шильте,
Где бессмертно вечное время,
Без зимы, в стране непрестанного лета,
Живут-поживают, говорят,
Джангаровы люди. Есть у них, говорят,
Студеная река по имени Домба.
И течет, говорят, та река

По стоку своему и против него.
И бесконечно течет она, говорят,
Кораллами, жемчугами.
Когда же замерзает,
Золотом, серебром, говорят, замерзает.
Имея около ста тысяч смельчаков,
До миллиона народа подданных,
До десяти тысяч правителей,
Да тридцать пять богатырей,
Живет-поживает, говорят,
Непобедимый Богдо Джангар.
Если сказать про воздвигнутый им дворец,
Так до плечей своих, говорят,
Возведен он из мужского белого камня,
А кверху от плечей
Из девичьего белого камня.
Отыскивая всяческую соразмерность
Выстроен он.
Словно схватились в борьбе
Коршун и тигр
Выстроен он.
Словно схватились в борьбе
Слон и лев
Выстроен он.
Каждая его вершина снабжена очиром.
Каждый очир имеет бумбу.
Каждая бумба изукрашена резьбой.
Каждая резьба имеет цацк.

Каждый цацкь расцвечен.
Такой-то дворец имеет, говорят, Джангар.
Рядом с дворцом находится,
Если упомянуть про нее,
Ставка — хош, где, говорят,
Бывают пиршества с крепкой арзой¹.
Если уж говорить про нее,
То эта джангарова ставка—хош
Состоит из сорока четырех решеток;
Имеет четыре тысячи унин,
Харачи ее из черного сандалного дерева²,
Цагрык из белого сандала³,
Двери из огненного стекла,
Дверные створки из дерева-ганга⁴,
Что же касается до нижней части ставки
на юг,

Так выстроена она, говорят,
По склону Эмбэл-Замбал-горы;
Разукрашена она цветными
Прекрасными шелками-бархатами,
Покрыта кожами голодных оленей.
Если сказать про низ ставки
На западную сторону,
Так сооружен он,
По склону горы Бамбыл-Замбал;
Также прекрасными шелками,
Бархатами разукрашен он, говорят.
Шкурами барсов накрыт он, говорят.

А если упомянуть про низ ставки на север,
Так сооружен он до самого склона
Горы Амбал-Замбал,
Самыми лучшими шелками, бархатами
разукрашен он,

Накрыт, говорят, львиными шкурами.

Если же говорить

Про низ ставки на восток,

Так устроен он, до самого склона

Горы Зумбал-Замбал.

Разукрашен он всякого рода шелками,

бархатами,

Говорят, покрыт шкурами диких коз.

Такова то ставка—хош,

Где бывают пиршества с крепкой арзой.

Со своими, доходящими до ста тысяч,

смельчаками,

До десяти тысяч числом доходящими,

правителями,

До миллиона числом доходящим, народом —

подданными

Да со своими тридцатью пятью богатырями,

Начинает теперь пировать-попивать

Великий Богдо Джангар.

Говоря:

«Здесь будет сидеть великий Богдо Джангар»,

Приносят и ставят восьминожный пестрый

престол.

Натягивают над ним балдахин,
С семью стенками из семи рядов
Шумящего-шуршащего шелка.
Два человека, сопровождая Богдо Джангара,
Сажают его под шелковый балдахин.
А если рассказать про молодую ханшу
Шабдыл-Гэрэл

Настолько прекрасную,
Что у Богдо Джангара,
От любви к ней сухотка в боку,
Так брови ее,
Словно молодой месяц в его третье число;
С небольшой горбинкой тоненький носик
у нее;

И блещет, освещает, говорят,
Та ханша Шабдыл-Гэрэл,
Как луна в пятнадцатое число свое.
Говоря: «та ханша сядет здесь»,
Приносят и ставят пестрый престол.
Натягивают над ним семирядный балдахин
Из шумливого шелка.
Приносят и сажают прекрасную ханшу
Шабдыл-Гэрэл.

Достигающие числом до ста тысяч
смельчаки,

До десяти тысяч правители,
Достигающий числом до миллиона народ —
подданные,

Да и тридцать пять его богатырей
Приходят в ту ставку—хош
И садятся кружком.
Если назвать богатыря,
Сидящего старшим над богатырями правой
стороны,
Так это сын Мазын-Тугина,
Нойон Кунду-Гар-Савур⁵,
Обладатель сытого бурого коня
С хвостом блестящим, как куриный глаз,
И подобранными ляжками.
Если назвать вслед за ним сидящего бога-
тыря,
Так это, говорят, сын Домбо-Зани,
Нойон Дара-Дара-Сэльдэнг —
Обладатель порхающего бурого коня.
Если говорить про богатыря,
Сидящего старшиной над богатырями левой
стороны,
Так это, говорят, праправнук Тэвэд-Бомбы,
Правнук хана Тэбкэ,
Внук хана Тэмэльтэ,
Старший сын кроткого силача Мэнтэн-
Шикширгэ,
Извечно сущий Красный Хонгор.
В плечах у него семьдесят пять сажений,
Пониже пояса восемьдесят пять сажений;
Как сядет он привольно,

Занимает место пятисот человек,
Как сядет, пособравшись —
Занимает место сорока пяти человек.
Имеет он неповоротливого
Голубовато-серого коня,
На котором, говорят, можно окружить-
объехать

Всю землю, весь мир.
Если же рассказать про богатыря,
Сидящего с ним бок о бок,
Так это сидит, говорят,
Вещим духом знающий все прошедшее
До девяностидесяти девяти лет назад,
Пророчески видящий на девяносто девять
лет вперед,
Знающий все то, что еще не наступило,
Это, говорят, вещий Алтан-Чэджи.
Если говорить про следующего богатыря,
Так пусть он будет достоин оседланного
коня;

Пусть будет находчив на слова;
Пусть раскуривает нам трубки,
Да подносит задравные ковши;
Именно для этого поставлен
Сын Джиги-Джилвинга Цаган-Манджи.
Дело приходит к началу пиршества.
Из сырой красной бочки,
Вмещающей в себя десять тысяч ведер,

Налили арзы в плоскую желтую чашку,
Которую могли поднять,
Взявшись за нее все вместе,
Только семьдесят человек;
И вот по такой то одной чашке
Поднесли всем.
По две поднесли.
В то время как подносили по третьей,
Праправнук Тэвэд-Бомбы,
Правнук хана Тэбкэ,
Внук хана Тэмэльтэ,
Старший сын кроткого силача Мэнгэн-
Шикширгэ.

Извечно сущий Хонгор
Начал говорить:
«Есть ли на земле равный мне богатырь?
Есть ли равный моему голубому лысому
конь?»

Так говоря, ударил он правой рукой о землю
Загрузил ее по запястье
И пашет, взрывает ею землю.
Тогда сидящий с ним бок о бок,
Величавый Алтан-Чэджи
Начинает говорить:
— «Сынок, сынок!
Не заносись слишком высоко,
Издалека подъезжает, говорят,
Богатырь с тяжелой ступней.

Говорится же:

Над человеком возьмет верх человек,

А над лошадью — лошадь».

Тогда засмеялся Хонгор:

— «Что говорит этот несчастный человек!

— А ну-ка, сын Джиги-Джилвинга Цаган-Манджи,

Выйди-взойди на верх

Серой горы Болзатын-бор

И посмотри-ка дозором туда-сюда!»

Тогда быстрым шагом вышел Манджи

И, взбежав на вершину

Серой горы Болзатын-Бор,

Смотрел дозором туда и сюда.

Когда смотрел он так,

То увидел, что со стороны восхода солнца,

Сливаясь с клочковатым небесным облаком,

Взвилась, поднялась густая, черная пыль.

Увидев ту пыль, говорит Манджи:

«Что это там?»...

— «А-а, это пыль» говорит он;

Посмотревши, спустился с горы

И пришел к дверям хоша.

Заткнув обе руки в карманы,

Твердо упираясь, придавил он землю:

Откинув стан назад и опустив вниз

Свой широкий живот,

Стал Цаган-Манджи перед хошем.

Смешивая черную пыль
С клочковатым небесным белым облаком,
Как ехал помянутый вещим Алтан-Чаджи
богатырь,

Так и подъезжает.

Рвет, вырывает головой поводья его конь;
Заклубилась у рта его красная пена;
Так подъезжает он.

Подъезжая, издалека еще
Кричит он Цаган-Манджи:

«Парень, парень!

Возьми-ка повод моей лошади!»

Когда так сказал он,

Ему в ответ говорит Манджи:

— «Эй ты, подобный блудливому бугаю,

Подобный скитающейся сволочи!

Не только что взять твои поводья,

Не привык я брать поводья

Не водимой никем из людей,

Чудесной рыжей кобылы

Самого великого повелителя Богло

Джангара!»

Незнакомый богатырь посмотрел, усмехнулся:

«Хи, ишь что говорит, несчастный!»

Сказав это, сошел он с коня,

И, ударив Манджи по правой щеке,

Свернул ее на сторону;

Ударив затем по левой щеке его,

Поставил на надлежащее место правую.
Серебряный чумбур-Бугу свернул в кольцо
И, повесив его, как браслет,
На правый локоть,
Богатырь, могуче ступая,
Вошел в хош.
Входя, переступил он через десять вельмож,
Истолок пять вельмож,
Вступил в самую средину круга и сел.
Пригнув плеть к рукоятке,
Сунул он ее под колено, крепко надавив;
Надвинул шапку и важно уселся.
Когда он сел,
Начал говорить сидящий старшиной
Над богатырями левой стороны
Праправнук Тэвэд-Бомбы,
Правнук Тэбкэ-хана,
Внук хана Тэмэльтэ,
Старший сын кроткого силача Мэнтэн-
Шикширгэ,

Извечно сущий Хонгор:
«Тебе, заклтому выбросу,
Не надо было садиться внутри этого хоша,
А только подойти к дверям этого хоша
И уйти, приняв благословение у дверей его;
Этим ты избавил бы себя
На четыре года от всякой беды».
Сказав это, поднимается Хонгор.

Разинув рот, потирая ладони,
Поднимался он говоря:
— «Поднеся твоей, похожей на сундук, спине
Сто тысяч, десять миллионов плетей,
Поднеся твоей грузной четырехугольной спине
Четыреста тысяч плетей,
Заставлю я тебя
Испытывать муку четыре года, да и пушу».
Так говорил он.
Когда он поднялся,
Сказал великий Богдо Джангар:
— «Сынок, сынок! погоди!
Говорится же: дайте пищу,
А потом спрашивайте, зачем приехал»...
Так говорил Джангар.
Тогда Хонгор сказал:
— «Да, кажется так».
Отошел в сторону и сел.
Подносящий заздравные ковши
Цаган-Манджи встал,
В плоскую желтую чашку,
Которую поднимают,
Взявшись за нее вокруг,
Семьдесят человек,
Из вмещающей в себя десять тысяч ведер
Сырой красной бочки,
Налил и, заставляя арзу колебаться,
Взял, и подходит к богатырю.

Богатырь, принимая,
Взял чашку кончиками
Большого и указательного пальца.
Коснувшись чашки,
Заставил он ее громко зазвенеть,
Ударив о свой крайний коренной зуб;
Заставил ее застучать
О свой белый,
Подобный коренному зубу дикой лошади,
Коренной зуб;
Всасывал арзу нёбом и языком,
По верхней части
Своего подобного подарку языка,
По нижней части
Своего, подобного письму, нёба,
Заставил арзу бежать
И впустил ее на дно
Своего вместительного желудка.
Сделав это, отдает чашку назад.
Манджи опять наливает,
Берет и подносит другую.
Богатырь берет
И пьет так же, как первую.
Манджи снова наливает
И подносит третью.
Богатырь выпил и третью,
Как первую и вторую.
Потом в трубку,

Величиной с верблюжьей головою,
Манджи набивает табак,
Именуемый «дьмар»,
Опускает в нее жар
Величиной с собачью голову
И, очистив чубук из кабаньего клыка,
Подает трубку богатырю.
Богатырь взял трубку,
Заставил ее громко зазвенеть
О свой крайний коренной зуб,
Заставил ее застучать
О свой белый,
Подобный коренному зубу тарпана^а,
Коренной зуб,
Засосал ее небом и языком,
Всасывая дым по верхней части
Своего подобного подарку языка,
Всасывал его по нижней части
Своего, подобного письму, неба;
«Бур-бур», —
Выпустил дым,
Обтер рукой чубук
И отдал Манджи трубку.
И когда он вернул трубку,
Хонгор сказал:
— «Напоили, накормили,
Теперь пришло время
Спросить о причине приезда».

Тогда богатырь говорит:
«Сделался я старшим богатырем
У хана шулмусов, —

Говорит он, —

Не одолевал еще меня человек,
Имеющий большой палец,
Не подавлял еще меня человек,
Имеющий плечо.

Обладаю я бурым жеребцом.

Наш хан велел мне

Спросить у людей Джангара
О четырех хороших вещах».

Тогда у него спросили:

— «О чем же?»

Богатырь ответил:

«О первом сказал мне хан:

— Так как молодец,

Известный под именем Богдо Джангар,

Чрезвычайно хорош,

Так поручу я ему

Разносить чужим гостям крепкую арзу;

Так говоря, поручил мне спросить

Хан наш у вас о Джангаре.

О втором сказал мне хан:

— Слышно, что молодая ханша Шабдыл-

Гэрэл

Вызвала у Джангара сухотку в боку

От любви к ней;

Слышно, что Шабдыл-Гэрэл
Имеет брови, подобные месяцу
В его третье число,
Имеет
Тоненький носик с небольшой горбинкой
И сияет как луна
В пятнадцатое число свое,
Освещает как солнце.
Зная, как красива ханша Шабдыл-Гэрэл,
Наш хан сказал:
Сделаю ее, говорит,
Старшей над моими прислужницами.
О ней поручил он мне спросить.
О третьем сказал мне хан:
— Есть слухи, говорит,
Что Джангар владеет
Объезженной, но неводимой рукой человек.
Кобылой Рыжкой
И что нет лошади
Прекраснее той кобылы;
Так буду я, говорит, на ней ездить,
Чтоб пить арзу среди своих кочевьев.
Так говоря, поручал мне
О Рыжей спросить у вас наш хан.
Слышно, что есть
Праправнук Товод-Бомбы,
Правнук Тэбкэ-хана,
Внук Тэмэльтэ-хана,

Старший сын кроткого силача Мэнтэн-
Шижширгэ,

Извечно сущий Красный Хонгор.
В плечах у него семьдесят пять сажений,
Ниже пояса восемьдесят пять сажений;
Как сядет он привольно,
Занимает место пятисот человек,
Как сядет, пособравшись,
Занимает место сорока пяти человек;
Владеет он, этот Красный Хонгор,
Голубовато-серым, лысым конем,
Таким выносливым,
Что на нем можно объехать
Всю землю, весь мир.
Так как тот молодец Красный Хонгор
Крепок и хорош, говорит,
Так будет он служить мне сторожем
И защищать меня от врагов.
Так поручил мне сказать наш хан».
Закончил говорить приезжий богатырь.
Когда он это сказал, встает Хонгор.
— «Поднести твоей, похожей на сундук спине
Сто тысяч, десять миллионов плетей;
Поднести твоей пружной четырехугольной
спине
Четыреста тысяч плетей;
Заставлю я тебя четыре года мучиться,
Да и пушу».

Так говорит Хонгор.
Встали дыбом его волосы,
Ощетинилась борода,
Разинув рот, растопырив пальцы, встает он.
— «Лэвите молодца! Вяжите молодца!»
Говорит он и встает.
Тогда молодец, быстро надвинул шапку,
Пригнул к ручке плеть.
Твердо ступая,
Перепрыгнул через десять вельмож,
Истолок пять вельмож
И, не будучи пойман Хонгором,
Который только один мог сделать это,
На остальных напал,
Повалил, расшвырял их
И выбежал из хоша.
Подбжав к коню,
Он на ходу зарубил
Великолепную пегую лошадь из табуна Джан-
гара.
Завязал ее в торока, как молния,
Едва коснулся
Бронзового стремени,
Которого никогда не касался чужой человек
И, подобно искре,
Взлетел он на седельную подушку.
Только успели подковы его коня
Издать звук «таш»,

Как он уже отскакал
На пять верст от ставки Джангара.
Держа путь в сторону восхода солнца,
Смешивая с небесным клочковатым
Облаком
Густую черную пыль,
Скакал он.
Когда он уехал,
Стали смеяться богатыри Джангара
И не сочли его слова важными.
Смеясь сказал Улан-Хонгор:
— «Вот, помнится, приходил однажды
Подобный этому лжецу
Бродяга, пьяница и сволочь;
Ездил пьяный и вынюхивал арзу.
Сошел у нас с коня
И, не зная, что говорит,—
Бормотал, пустобрех, как собака,
Наговорил вздору, и уехал».
Так изволил сказать Хонгор.
Засмеялись богатыри,
Выпили по одной, по другой чашке арзы,
Заиграли на домбре.
Тогда то сказал вещий Алтан-Чэджи:
— «Уж очень быстро исчез он;
Захватил он с собой убитого им
Лучшего коня из нашего пегого табуна
И поскакал на восход солнца»...

Тогда Джангар
Кликнул клич своим богатырям:
«Есть ли у нас богатырь,
Который мог бы настигнуть этого уехавшего
И, остановив его, привезти сюда?»
Тогда сын Домбо-Зани,
Нойон Дара-Дара-Сэльдэнг,
Один из богатырей правой стороны,
Находя нужным это сделать,
Подобно молнии вскочил
На своего порхающего бурого коня.
— «Я могу», — говорил он.
Выехал Сэльдэнг в сторону восхода солнца
И поскакал,
Смешивая с небесным клочковатым облаком
Густую черную пыль.
Много, премного времени,
Много, много дней и ночей,
Семью семь сорок девять дней скакал он,
Настигая чужого богатыря шулмусов.
Доскакал он до него
И кричит ему издали:
— «Постой молодец», — кричит он.
Услышал богатырь хана шулмусов
И говорит себе:
— «Надо остановиться»...
Так сказав, придержал коня.
Когда он остановился, Сэльдэнг говорит:

— «Я ли, преследователь, буду стрелять
Или будешь стрелять ты,
Приходивший воровать к нам?»
Тогда тот сказал:
— «Стреляй хоть ты, посланный вдогонку.
Говорится ведь: молодой человек
Не ухватится за конец плети,
Которой замахнулся».
Тогда Сэльдэнг говорит:
— «Буду стрелять я;
Открой же пошире белую шуку-грудь,
Растяни серое,
Величиной с воробья, сердце».
Так сказав, Сэльдэнг с утра начал целиться;
До полудня целится;
С развилины стрелы взвился дым,
Засверкал огонь
И он выстрелил.
И испугался, услышав,
Как звякнула его стрела,
Словно попала в каменную скалу;
И рассыпались от той стрелы осколки
И полетели обратно на Сэльдэнга,
Как дождь и град.
Богатырь шулмусов говорит:
— «Моя очередь пришла?»
«Пришла, пришла!» отвечает Сэльдэнг.
Тогда тот говорит:

— «Открой же пошире свою белую шуку-
грудь,
Растяни серое, величиной с воробья, сердце».
Когда он так сказал,
Сэльдэнг отвечает:
— «Сердце и грудь готовы»,—
И обнажил грудь.
Начиная с полудня целился,
До вечера целился тот;
С развилины стрелы взвился дым.
Как стрельнул он,
Попал в «душку» над шеей,
Сокрушил, подобное хорьку, ребро
И сразил богатыря.
И лошадь и Сэльдэнга
Пополам разрубил, завязал в торока;
Две лошади, одного человека
Три души завязал в торока,
И, сев на коня, отправился дальше.
А между тем, в хошу у Джангара,
Вещий Алтан-Чэджи говорит:
— «Ох, вижу, ушел он,
Взяв три души!»
Тогда Джангар
Снова кликнул клич:
— «Кто догонит бродягу
И привезет его к нам?»
Говорили, кричали глашатаи.

Тогда сын Мазын-Тугина,
Нойон по имени Кунду-Гар-Савур,
Один из богатырей правой стороны,
Найдя нужным сделать это,
Оседлал свою сытую бурую кобылу,
У которой хвост блестел,
Как куриный глаз,
И лоснились великолепные ляжки.
Сел на нее и, говоря:
— «Я могу», —
Поскакал он
В сторону восхода солнца,
Вздымая густую черную пыль.
Так же, как Сэльдэнг,
Много, много времени,
Много дней и ночей скакал он;
Нагнал, подъехал к богатырю шулмусов.
Нагнав его,
Кричит издали юноша Савур:
— «Эй! Хоть и воруюсь ты коней,
Хоть и публишь человеческие души,
Но стыдно забывать человеческие обычаи,
Остановись! погоди, молодец!»
Тот, говоря:
— «Надо стать», — придержал коня.
— «А-ну, чтобы было скоро, —
Говорит Савур, —
Открой пошире белую шкуру-грудь,

Растяни серое,
Величиной с воробья, сердце;
Говорится же:
Молодой человек
Не поймает конец плети,
Которой замахнулся».
Так он кричал.
Тот же открыл
Свою белую щуку-прудь,
Растянул свое серое,
Величиной с воробья, сердце.
Савур с утра целился,
До полудня целился;
С развилины стрелы взвился дым,
Сверкнул огонь.
Савур выстрелил.
И, слышит, звякнула его стрела,
Будто попала в каменную скалу
И рассыпались от той стрелы осколки
И полетели
Обратно, на Савура,
Подобно дождю и граду.
Тот говорит:
— «Пришла ли теперь моя очередь?»
«Пришла, пришла», — отвечает Савур
И открыл свою белую щуку-прудь,
Растянул серое,
Величиной с воробья, сердце.

Тот с полудня целился до вечера;
С развилины стрелы взвился дым,
Сверкнул огонь.
Стрельнул он.
Как стрельнул,
Попал в «душку» пониже шеи,
Сокрушил, подобное хорьку, ребро.
Разрубил он и коня и Савура,
Завязал в торока
И отправился дальше.
А между тем,
В хошу у Джангара
Вещий Алтан-Чэджи говорит:
— «Ох, разве не ушел он
Загубив пять душ?»
Тогда говорит непобедимый Богдо Джангар
Улан-Хонгору:
— «О, ты, мой веселый Красный,
Возвращающий мне все, мною потерянное,
Если ты не победишь его,
То ничто не победит его.
Ты, подобный врывающемуся
В средину десяти тысяч овец
Черно-лысому волку,
Друг мой,
Если ты не победишь его,
Кто же победит его?
О, ты мой Хонгор,

Впереди всех
В средину десяти тысяч врагов входящий,
Ты, подобный острию копья!
Если ты не победишь его,
То ничто не победит его».
Так говорил Джангар.
И Улан-Хонгор
Поклонился Богдо Джангару
И приказал:
— «Моего голубовато-серого Лысого,
Выносливого до того,
Что на нем можно объехать весь мир,
Отведите на траву зеленых лугов,
На воду студеных ключей
И поправляйте его».
Так сказал он.
Тогда конюх Манджи
Отвел и пустил
Голубовато-лысого в степь.
После семидневного гулянья в степи,
Голубовато-лысый
Головой своей чертил небо,
А пузом своим чертил землю.
Манджи привел
И поставил его на четыре дня
На белый песок—дош
Для выучки.
Затем еще поставил его для выучки

На три дня.
Тогда конь быстрое тело свое подобрал,
Сжал свои мускулы,
Мышцы свои укрепил.
Играя четырьмя копытами—Сагак,⁸.
Заставлял Лысый дрожать
Весь мир Занба-Таба.
Волосами челки играя,
Заставлял он скрещиваться-перекрещиваться
Солнце и луну.
Жеребьячье украшение свое
Конь к стороне зада прибрал,
Годовиковое поведение
Собрал в мощной груди,
Готовя силы к бою.
Тогда Манджи привел его
И, заставив его сделать зубами —«камк»
И цапнуть ртом,
Серебряную узду-хаб надел на него.
Плотно пригоняя,
Покрывл его
Серебристым потником — тоб...
Расправляя,
Возложил на потник
Серебряное седло — эб.
Оседлав Лысого,
Вошел Манджи к Хонгору
И кланяясь ему, подобному божеству,

Сто тысяч десять миллионов раз,
Сказал:

— «Голубой конь твой
Готов, Улан-Хонгор».

Тогда Хонгор поднялся
И увидел, что у ног его
Лежит бронзовый ключ
Величиной с туловище человека.

Взяв ключ,
Он со звоном «курд-нард»
Вложил его в замок бронзового сундука.
Оттолкнув крышку, увидел,
Что там находится сшитая матерью,
Скроенная мудрой матерью,
Сшитая — простроченная матерью
Белоснежная бийзэ.¹

.
Надел Улан-Хонгор бийзэ на себя —
Оказалось, как раз впору.
Еще заглянул в сундук:
Оказалась там шапка,
Именуемая элвэнг,
С бахромой, которую называют далвынг.
Взял ее Улан-Хонгор и надел.
Оказалось, как раз впору.

¹) Здесь перевод И. И. Попова обрывается. Перевод, помещенный ниже, принадлежит мне; сделан он по рукописному калмыцкому тексту в тетради Попова—В. 3.

Как наклонится богатырь —
Бьет бахрому по коленям,
Как откинется назад —
Касается бахромы бедер.
Глядит Улан-Хонгор дальше,
Видит — красные сапоги
С десятью тысячами швов.
Голенища сапог узорно расшиты
Десятью тысячами ханских дочерей;
Узорчатые задники сапог
Расшиты дочерьми ста ханов.
Подбиты на сапогах подковы,
Именуемые тамба.
Если спросить: что это за подковы,
То, надо сказать,
Мастера пяти отоков,¹⁰
Советуясь, как лучше их выковать,
Делали эти подковы, говорят.
Взяв сапоги, сел Улан-Хонгор,
Втолкнул свои ноги в голенища
И, топнув, надел узорчатые сапоги.
Когда прошелся Улан-Хонгор,
Под ногами его раздалось — кюрд-кюрд —
Переливчатый звук бронзовых колоколицев.
Глядит Улан-Хонгор дальше.
Видит — короткий черный меч.
Взял этот меч Улан-Хонгор
И привесил его у левого бедра.

Меч оказался удобен.
Глядит богатырь дальше,
Видит — быстролетный сандаловый дротик.
Взял этот дротик Улан-Хонгор
И прикрепил у правого бедра.
Оказался дротик очень удобным.
Глядит дальше,
Видит — черная плеть,
В незапамятные времена сплетенная.
Сердцевина ее сделана
Из кожи трехлетнего быка.
Ременные тесемки сделаны
Из кожи пятилетнего быка.
Наружное плетение сделано
Из кожи четырехлетнего быка.
Похожий на ладонь наконечник
Сделан из толстой кожи
Десятилетнего быка.
Ручка плети выточена
Из сандалового дерева,
Которое когда-то одиноко росло
На опушке древнего леса.
Схватил Улан-Хонгор плеть
И сжал ее в правой руке.
Пройдясь взад и вперед,
Щелкнул Улан-Хонгор плетью,
Так щелкнул,
Что головы лежащих в пустыне

Старых-старых мусов¹¹
Заболели — затрещали
От звуков кюрд-нирд в мозгу.
В трубку,
Величиной с верблюжью голову,
Набил Улан-Хонгор табак,
Именуемый бодьмар,
Сунул в трубку жар
Величиной с собачью голову.
Взял трубку в рот
И, приподняв чубук из кабаньего клыка,
Подошел к своему боевому коню.
Не заметил никто —
Притронулся ли носок его сапога
К бронзовому стремени,
Которого не касался человек.
Или не притронулся?
На седельную подушку
Взлетел Улан-Хонгор,
Будто искра.
Зазвенели подковы коня —
Умчался богатырь на пять бэрэ¹²
Одним скачком.
Не успев даже проститься,
Ускакал он так далеко,
Что и могучий голос его
Уже не услышат.
Оглянулся Улан-Хонгор —

Видит — за крупом коня
Маячат десять белых хурулов.¹³
— «Пусть это будет
Знаком моего прощанья», —
Так подумав, помчался он дальше.
В сторону заходящего солнца :
Скакал он,
Смешивая густую черную пыль
С небесным клубистым белым облаком...
Порывисто дергая поводья,
Разбрызгивая красноватую конскую пену,
Заставляя коня вспомнить прежнее — прошлое,
Много времени,
Меру жизни многих поколений
Скакал он...
Мчится бысролетный Лысый...
От пыли своей отвращаясь, бежит;
Тени своей пугаясь, бежит;
Семью семь сорок девять
Дней и ночей бежит...
Целый год,
Двенадцать месяцев
Скачет Улан-Хонгор.
Подъезжает к горе
Болзотым-Боро
И, взобравшись на вершину,
Останавливает коня
И зорко осматривается,

Глядит вперед —
Ничего не видно.
Глядит назад —
Видит: виднеется
Желто-пестрый дворец.
Выстроен он до кровли
Из мужского белого камня,
Выстроен так,
Словно схватились в борьбе
Белый кречет и барс;
Выстроен так,
Что везде соразмерность
Строитель нашел;
Выстроен так,
Словно кто-то заставил
Слона и могучего льва
Схватиться в борьбе...
Глядит Улан-Хонгор —
Знакомый дворец
Его друга хана Джангара...
— «Если виден дворец
И еще не исчезли его очертанья,
Где же резвость и сила
Моего голубого коня?
Или это мой дом
Уж настолько высок?»
Так Улан-Хонгор подумал,
Тронул плеткой коня

И снова пустил его вскачь —
Быстрым, как ветер, накидом.
В нетерпении рвал повод
Своего жеребца, так,
Что стальные удила
До конских ушей доходили;
Плетью бил его так,
Что она до костей доходила;
Могучей ногой
С силой так ударял,
Что конская кожа сдиралась...
Много времени,
Меру жизни многих
Людских поколений
Скакал Улан-Хонгор,
Догоняя врага...
Потом оглядел
Своего голубого коня
И видит —
Скачет как вихрь его конь;
Вскидывает могучие передние ноги
Сразу на расстояние
Одного дня пути;
Забрасывает задние ноги
На расстояние
Двух дней пути.
Спустил Улан-Хонгор стрелу
И взлутуски скачет...

И так поскакал,
Что упала стрела
За пыльным хвостом жеребца,
Похожим на знамя...
Много времени,
Меру жизни многих
Людских поколений
Так скакал Улан-Хонгор.
Подъезжает к горе
Болзотым-Боро
И, взлетев на нее,
Зорко пристально смотрит:
Ничего Улан-Хонгор не видит,
Ни сзади, ни впереди.

— «Почему ж ничего не видно?
Ослепли глаза мои, что ли?» —
Так подумал
И в сторону смотрит;
И видит, внизу,
У подножья кургана,
Две высоких осины,
Упираясь в небо, растут.
Вырвав с корнем эти осины,
Улан-Хонгор ветви с них обтесал
И, пошире открыв глаза,
Подпер осинами веки,
Чтоб врага, наконец, увидеть.
И вот увидел: вдали

Что то виднеется, вроде.
Маленькой ласточки,
А еще дальше, за этим,
Нечто поменьше, как муха.
И решил богатырь:
Что побольше —
Наверное враг,
Посланец хана Авлынгги,
Повелителя злобных шулмусов;
А поменьше —
То, верно, чужая земля.
Посмотрел богатырь, посчитал:
Девяносто девять лет
Скакать туда надо.
И поскакал Улан-Хэнгор.
Так он мчался,
Девяносто девять лет
Скачкой своей безудержной
В один только год превращая.
Так он мчался,
Что даже год превратил
В одни только сутки.
В сутки год превратив,
Говорит богатырь
Своему голубому коню:
— «Если к завтраму
Ты не достигнешь
Места, которое видно

По ту сторону Зюркэн-моста,
По сю сторону Зюмбэль-моста;
Если в пору печального полдня
Ты врага моего
Три раза вокруг не обскачешь,
То запомни:
Острым ножом с белой ручкой,
Мне завещанным Цааджи-Манджи,
Я горло тебе перережу
И, в глотке твоей нож оставив,
На плечи навьючив себе
Седло и узду
И твое боевое лубранство,
Я один, безутешно горя,
Отправляюсь в чужую страну
Злобного хана Авлыгги,
Чтоб настигнуть врага
И его уничтожить»...
Отвечает ему голубой жеребец:
— «Завтра, в пору печального полдня,
Я настигну врага твоего;
Но, запомни и ты,
Улан-Хонгор:
Если в миг, когда в бешеном беге
Я помчусь, окружая врага,
Ты не сможешь
На мне удержаться
И, по крупу скользнув.

Грянешься на земь, —
Я забуду, что ты мой хозяин
И обратно уже не вернусь,
Чтоб серебряным клыком своим
На себя тебя вскинуть...
Ну! Держись же покрепче!
Сиди половчее!»...
Так промолвив,
Ринулся конь, и на завтра,
В пору печального полдня,
Достиг заповедного места
По ту сторону Зюркэн-моста,
По сю сторону Зюмбэль-моста.
И заметил, врага оббегая,
Что уж Хонгор, по крупу скользнув,
Внизу, на земле оказался
И рядом бежит, отставая.
Отставая, кричит Улан-Хонгор:
— «О, мой конь голубой,
То, что сказано было вчера!
Давай позабудем!»
Так сказав, он подпрыгнул,
Ухватился за пыльную приву
И вскочил на коня.
А потом, на коне оказавшись,
Он к шулмусу—врагу устремился
И, столкнувшись с шулмусом,
Размахнулся и ударил врага

Коротким черным мечом.
От удара меча во все стороны
Сразу посыпались искры,
Но остался шулмус невредимым,
Потом они съехались снова
И сандаловыми копьями
Стали друг друга колоть.
Вот могучий шулмус,
Сидящий на буром коне,
Богатырь, который ни разу
Не был побежден человеком,
Имеющим на руке, как и все,
Большой палец,
Вдруг вонзает копьё
В Улан-Хонгора
И, в землю конец уперев,
Хочет поднять его вверх.
Держится древко копья
Не ломаясь, но силы
Шулмусу не достает,
И он вырывает копьё.
Тогда Улан-Хонгор
Вонзил в шулмуса копьё
И, в землю конец уперев,
Хочет поднять его вверх.
Силы ему достает, но
Гнется древко копья —
Улан-Хонгор копьё вырывает

И, разминувшись с шулмусом,
Так ему говорит:
— «Обнажи свою белую шуку-грудь,
Выстав серое сердце,
Величиной с воробья»,—
Говорит он.
Тот послушно грудь обнажает.
И когда он сердце подставил,
Стал Улан-Хонгор натягивать лук.
С утра до полудня целился он.
Заклубился дым, вспыхнуло пламя —
Спустил Улан-Хонгор стрелу
И раздался такой звук,
Словно ударилась стрела
О каменную скалу.
Полетели от нее осколки
Обратно, на Улан-Хонгора,
Подобно дождю и граду.
И сказал богатырь-шулмус:
— «Моя очередь стрелять пришла?»
— «Да, пришла»,—
Отвечал Улан-Хонгор
И затем обнажил
Свою белую шуку-грудь,
Выставил серое сердце,
Величиной с воробья.
С полдня до вечера
Целился враг;

Заклубился дым, вспыхнуло пламя,
Спустил богатырь-шулмус стрелу
И раздался такой звук,
Словно ударилась стрела
О каменную скалу.
Полетели от нее осколки
Обратно на шулмуса,
Подобно дождю и граду.
Тогда богатыри сказали:
— «Никто из нас так
Не одержит победу.
Будем биться-драться
На горе ледяной,
Где не рассыивается град»,—
Так сказав, поскакали они...
Взбираясь на гору, покрытую льдом,
Они опирались
На плечи друг друга,
Пели вместе чудесные песни,
Привставали на стременах
Так, что гнулись стремена
От тяжести тела;
Стискивали зубы так крепко,
Что трескали передние зубы-резцы;
Друг друга за спину хватали,
Вырывая куски мяса
Величиною с чашку.
Так достигли вершины

Горы ледяной,
Гладким покровом которой
Рассеивается град.
Забравшись туда, на вершину,
Они коней боевых заковали
Самой лучшей сталью
И самым лучшим железом.
Подвернув шаровары из бычьей кожи,
Они крепкие бедра свои обнажили,
Подвернув шаровары из кожи козлиной,
Обнажили могучие икры.
Так, приготовившись,
Начали драться:
Наступали они,
Как верблюды-самцы,
По-бычьи глядели один на другого,
Бились со стуком хард-хурд,
Как бьются тарпаны¹⁸.
Бились они до того,
Что исчезла гора...
Бились они до того,
Что горою стала долина...
Бились они до того,
Что начисто высохло море,
Превратившись в пустыню...
Бились они до того,
Что сухая пустыня
Сделалась морем глубоким...

Бились они до того,
Что в мелкие-мелкие щепки
Леса обратились и рощи...
Но, как ни бьются они —
Не может никто одолеть.
Тогда человеческим голосом
Заговорил жеребец —
Бурый конь боевой
Посланца злобных шулмусов:
— «Эй, хозяин!
Неужто не ты богатырь
Грозного хана Авлынг?
Неужто не ты владеешь
Мною, бурым конем?
Подними ж ихвати о землю
Этого негодяя»...
Так говорил бурый конь,
И хозяин его,
Издав крик боевой,
Снова ринулся в схватку,
Но тщетно —
Отбил Улан-Хонгор
Бешеный натиск шулмуса...
Тогда человеческим голосом
Заговорил голубой,
Несравненный воинственный Лысый:
— «Эй, Улан-Хонгор!
Не ты ли потомок Тэвд-Бомбин?

Не ты ли внук Тэбке-хана?
Не ты ли возлюбленный первенец
Тэбшун-Бэк-Мэнген-Шикширгэ?
Не ты ли Урдин Улан-Хонгор?
Или уж ты не равен в плечах
Семидесяти пяти саженьям,
А пониже могучего пояса
Восьмидесяти пяти саженьям?
В прежнее время дед твой,
Хотя и не мог достать
До бронзово-серебряного бедра,
Которого век не касался
Никто из живущих на свете,
Но, все же, властной силой своей
Шулмусов-врагов побеждая,
Дед твой их так ударял,
Что семь рек высыхали;
Ударял с такой силой,
Что кости врагов раздроблялись;
Так ударял,
Что в землю враги погружались
На семь локтей глубиною;
Так ударял, что струилась
Кровь побежденных врагов
Через степи и горные кряжи!
Разве уж ты, Улан-Хонгор,
Не походишь больше на деда?»
Так говорил голубой жеребец,

И хозяин его Улан-Хонгор
Издав крик боевой
И ринулся в битву.
Хотя и не мог он достать
До бронзового бедра,
Которого век не касался
Никто из живущих на свете,
Но, все же, властной силой своей
Шулмуса-врага побеждая,
Так ударил его,
Что семь рек пересохли;
Так ударил,
Что кости врага раздробились;
Так ударил,
Что в землю шулмус погрузился
На семь локтей глубиною;
Так ударил,
Что алая кровь побежала
Через степи и горные кряжи.
И, сражая шулмуса-врага,
Говорит Улан-Хонгор:
— «Есть ли спасенье от смерти
Тому, кто сразился со мною?
Я потомок того, кто всегда
Умел быть к врагам беспощадным.
И сейчас беспощадное сердце мое
Прыгает вверх, ко рту,
От ненависти к врагу».

Тогда отвечает шулмус:
— «Да, от тебя нет спасенья.
Но, запомни: хоть я и умру,
Все ж найдется и тот,
Кто приедет за мною
И тебе за меня отомстит.
Если кровью своей разливаться
Мне сейчас суждено,
Пусть не более чашки
Крови моей разольется...
Если сохнуть останкам моим —
Пусть останется горсть костей».
Тогда Улан-Хонгор вонзает
В бычью глотку врага
Свой острый нож с белой ручкой,
Завещанный Цааджи-Манджи.
Откинув ногою, как падаль,
Врага своего, Улан-Хонгор
Зарезал его жеребца и потом,
Огонь разложив,
Исжарил конскую тушу
И съел ее всю.
Потом, опутав ноги
Коня своего голубого,
Пустил его в степь —
Поест зеленой травы.
А сам Улан-Хонгор раскинул
Красный шатер, под которым

Поместиться могли десять тысяч.
Чаю такого сварил,
Что, закипев, он остался без пара;
Развел огонь, над которым
Вовсе не было дыма
И, лося с оленем изжарив,
Снова поел
И, поев, растянулся подобно ремню,
Раскрасневшись,
Как таволжник дикий...
И вот, когда спал Улан-Хонгор,
Явилось черное войско врагов,
В три ряда его окружило.
Тогда голубой его конь,
Спотыкаясь и путом стальным громыхая,
К шатру подошел
И ударил ногою о землю.
Но Хонгор не просыпался.
И, чуя черную гибель, заплакал
Конь боевой и упали
Горячие слезы коня на щеку
Спящего сном беспробудным.
— «Что это?» —
Вскрикнул тогда богатырь
И проснулся.
Глядит: черное войско врагов
Красный шатер окружило три раза,
А конь его плачет.

— «Что за несчастье?
Эти кони всегда,
Увидев несколько мух,
Плачут над человеком
И будят его понапрасну»,—
Так сказав,
Улан-Хонгор прогнал голубого
И спать завалился.
И покуда он спал
Черное войско врагов
Двадцать шесть раз окружило его
Двадцатью шестью кругами
Замкнуло.
Тогда его конь голубой,
Спотыкаясь и путом стальным громяя,
Снова к шатру подошел
И ударил ногою о землю
Так, что земля задрожала.
Проснулся опять Улан-Хонгор
И опять говорит:
— «Что за несчастье?
Эти кони всегда,
Увидев несколько мух,
Спать не дают человеку».
Зевнул Улан-Хонгор,
Чай вскипятил,
Накушался мяса,
На врагов поглядел,

А потом, не сиеша,
Оседлал голубого коня
И пожитки к седлу приторочил.
Тогда человеческим голосом
Заговорил голубой:
— «Ну, Улан-Хонгор!
Покрепче держись
И сиди половчее —
Я, как вихрь, пролечу над врагами».
Отвечает коню Улан-Хонгор:
— «Нет! За семью горами
Пусть спинет желанье твое.
Не нужно этого делать!
Скажут ведь люди:
Ехал один богатырь Джангара
Такой, мол, такой,
Улан-Хонгор,
И, увидев врагов,
В постыдное бегство пустился.
И будут смеяться над трусом
Тысячу тысяч лет,
И слава дурная
Далеко обо мне разнесется.
Так трусливо подохнуть может
Только паршивый бычок-годовик.
Нет уж: коли умирать,
Так умирать, на врагов наступая».
Так сказал богатырь Улан-Хонгор,

Издали крик боевой
И ринулся в битву.
И начал рубить он врагов
Своим богатырским мечом.
Рубит, гоня их вперед;
Рубит, преследуя сзади;
Рубит и справа и слева;
Рубит и сверху и снизу;
Рубит, летя им навстречу;
Рубит, в кучу сгоняя;
Рубит, бежать заставляя;
Рубит со всех сторон.
И всех порубил Улан-Хонгор.
И когда окончил сражение —
Кровь его черных врагов
Все затопила вокруг
И конь начал плавать по крови.
Отъехал тогда Улан-Хонгор,
Выехал на пригорок,
Чтоб черная кровь
На землю сбежала
С него и с коня.
Растегнув свой узорчатый панцырь,
Он начал его вытряхивать.
Как встряхнул — так раздался
Сард-сард —
Громкий звук,
И посыпались с панцыря стрелы врагов,

Засевшие в нем.
Потом Улан-Хонгор взял трубку
Величиной с верблюда-самца,
В трубку насыпал бодьмар —
Самый крепкий табак,
Положил туда жар
Величиною с голову пса.
Чубук из кабаньего клыка
Сунул в рот, губами его приподнял,
Сел на коня
И отправился дальше.
Долго ли, коротко ль ехал,
Видит, что жеребцу голубому
Нужен полуденный отдых.
Спутав коня, он пустил его в степь,
А сам, как и прежде, раскинул
Красный шатер, под которым
Поместиться могли десять тысяч,
Чаю такого сварил,
Что закипев, он остался без пара;
Развел огонь, над которым
Вовсе не было дыма
И, лося с оленем изжарив,
Мяса поел
И поев, растянулся подобно ремню,
Раскрасневшись,
Как таволжник дикий,
И уснул, отдыхая...

А тем временем
Злобное войско Авлынги,
Сойдясь с войсками другого
Алмуса-хана,
Богатыря окружило.
Было войско врагов огромно:
Гуще, чем муравьи
И чуточку реже пыли.
Проснулся, глядит Улан-Хонгор,
Потом
Чай вскипятил,
Накушался мяса,
Врагов оглядел,
А затем, не спеша,
Оседлал голубого коня
И пожитки к седлу приторочил.
Испугался конь голубой
И говорит:
— «Убежим Улан-Хонгор, скорее!»
Отвечает коню Улан-Хонгор:
— «Нет уж: коли умирать,
Так умирать, на врагов наступая».
Так сказал богатырь Улан-Хонгор,
Издав крик боевой
И ринулся в битву.
Долго он бился, врагов поражая,
Но, вместо сраженного
Следом вставали двое-трое врагов —

Мертвые оживали,
Богатыря все тесней окружая.
Много времени
Меру жизни многих людских поколений
Улан-Хонгор сражался с врагами.
Черный меч его притупился,
Выщербился и истерся
О кости шулмусов-врагов так,
Что осталась одна рукоятка.
Хотел Улан-Хонгор бросить ее,
Но, подумав о том,
Что был меч ему дорог,
Рукоятку в карман опустил
И схватил сандаловый дротик.
А дротик такой:
Пятьсот всадников
В ряд если станут
На земле перед дротиком этим,
То измерить длину его можно.
Сжав рукою сандаловый дротик,
Улан-Хонгор ринулся в битву.
На дротик врагов набирая,
Как на вертел,
Он мощной рукою
Сбрасывал трупы на землю.
Но, истерся сандаловый дротик
И осталась одна рукоятка.
Хотел Улан-Хонгор бросить ее.

Но подумал, что был ему дорог
Этот дротик — родины память,
И, сунув в карман рукоятку,
Взял он черную плетъ
И стал биться.
Много времени,
Меру жизни многих людских поколений
Улан-Хонгор сражался с врагами.
Износилась плетъ, изорвалась
И осталась одна только ручка.
Делать нечего,
Сунув в карман эту ручку,
Улан-Хонгор слезает с коня
И снимает седло боевое
И уздечку, и сбрую с набором.
Бьет врагов
И седлом и уздечкой,
Но все больше врагов вырастает.
Конь стоит без седла
И горюет...
Похудел Улан-Хонгор, устал
В этой тяжелой битве с врагами;
Потускнели зрачки черных глаз
Сердце бьется все реже и реже.
Изорвались седло и уздечка —
Больше нечем биться с врагами.
А врагов все больше и больше.
Говорит коню Улан-Хонгор:

— «Убегай отсюда к Джангару,
Убегай на родину, Лысый.
Говорить о бое не нужно
И о том, что я погибаю.
Если спросят, зачем прибежал ты,
Отвечай, что с тех пор, как Бумбу
Мы покинули, Улан-Хонгор
Мне не дал ни воды, ни сена.
Дескать, пьянствовал он по дороге,
Останавливаясь у кибиток,
Оставляя меня без корма.
Потому, мол, я его бросил
И вернулся в родные степи.
Ну, прощай,
Голубой мой Лысый,
А я буду биться до смерти».
Превратив
Хвост и гриву в крылья
Полетел Голубой к Джангару
Через доли и через горы.
А хозяин его Улан-Хонгор,
Проводив голубого взглядом,
Снова ринулся в бой с врагами.
Кулаком повергал их на землю,
Если-ж враг к нему приближался,
Он хватал его, умертвляя,
И разил врагов его трупом.
Опрокидывал их пинками,

Грыз зубами, давил им горло,
Отрывал им руки и ноги,
Прямо в гущу их прорывался.
Но... врагов все больше и больше.
Ослабел совсем Улан-Хонгор,
Истощился, проголодался...
Бился долго, бился упорно
Меру жизни многих поколений,
Но, иссякли все его силы...
Вот он замер, потом качнулся —
Хард —

Со стуком свалился Хонгор,
Животом ударившись о землю.
Так лежит он, водит глазами,
А смерти еще не видно,
Потому что душа далеко...
И враги на него насели,
Словно мухи жужжат и выются
Над трупом орла степного.
Вокруг Хонгора шулмусы толпятся,
Но не могут даже все вместе
Поднять его руку или ногу;
Плечи друг другу подставляют,
Лезут один на другого,
Но не могут взлезть на человека,
Животом придавившего землю.
Пока они так возились,
Главный богатырь Авлынгги-хана

С одним глазом на темени лысом,
По имени Онкур-Шар-батырь,
Имеющий пестро-желтого мерина
Величиной с высокую гору,
Богатырь, подчинивший шулмусам
Целый оток, — услышав,
Что рядом лежит Улан Хонгор —
Поклялся его уничтожить
И так говорит Авлынг-хану:
— «Доскакав до батыря чужого,
Которого зовут Улан-Хонгор,
Подниму я его на воздух
И ударю его о землю,
Так, чтоб упал он на лопатки
И открыл живот свой уязвимый.
Я ногой по животу его ударю,
Шею затяну железной цепью,
Привяжу к хвосту коня, наметом
Поскачу по степям и долинам,
Улан-Хонгора за собою
Волоча по земле кочковатой».
Так поклявшись, на коня садится
И, размахивая плетью, скачет.
Как сказал он, так и оделал:
Бросил
На земле лежащего на спину
И ногой по животу ударил.
Шею затянул железной цепью,

Потянул богатыря за собою,
Волоча по земле кочковатой,
Так скакал Онкур-Шар
Дни и ночи...
Так скакал он долго
И подумал:
— «Говорят, есть у Манлагин-хана
Океан, кипящий смертным ядом;
Говорят, что в этом океане
Есть на дне одна слепая щука;
Говорят, что щука та глотает
Все, что только близко к ее пасти.
Брошу Хонгора я этой щуке».
Так решив, Онкур-Шар скачет дальше.
Улан-Хонгор, чуя смерть, не трусил
Только тихо вспоминал Джангара.
Тронутые этой крепкой дружбой
Вслед за Хонгором, которого тянули
По земле железной черной цепью,
Побежали люди и собаки,
Птицы, зайцы, волки и лисицы,
Словом, все, живущие на свете.
Так они за Хонгором бежали,
Падая от голода и жажды
И от утомленья умирая.
Онкур-Шар подъехал к океану.
Вызвал к берегу слепую щуку
Подтолкнул к ней Хонгора:

— «Вот, щука,
Проглоти-ка лакомую штуку».
Щука повела огромной пастью
И, ощупав Хонгора, сказала:
— «Я не знаю, что это за штука.
Она вся в крови и вся разбита...
Может это оказаться штукой
Из страны богатыря Джангара.
И тогда я не найду спасенья.
Разнесет мне эта ваша штука
Внутренности и бока и ребра.
Говорят, что есть в стране Джангара
Его друг — великий Улан-Хонгор
Непреоборимой страшной силы
Богатырь, извечно сущий...
Что же,
Если эта штука — Улан-Хонгор?
Нет, уж лучше я глотать не буду».
Так сказав, ушла слепая щука.
И подумал Онкур-Шар:
— «Я слышал,
Где-то, очень далеко отсюда,
Проживает существо такое —
Люди его Мусом называют.
Этот Мус огромными ноздрями
И своей огромной страшной глоткой
В себя втягивает все на свете.
Говорят, к' нему еще на сутки

Путь лежит,
А он учует, фыркнет
И тотчас во внутрь себе затянет,
Только этим, говорят, живет он.
Сволоку я Хонгора — пусть тянет». —
Так решив, он, вместе с тем, подумал:
— «Может, Мус как и слепая щука,
Будет так же Хонгора бояться?
Спрячу я его в сундук железный». —
Так подумав, взял сундук и спрятал
Хонгора, за ним захлопнул крышку,
И сундук волочит за собою.
Только Онкур-Шар подъехал к Мусу,
Мус учуял, фыркнул, тянет глоткой
Онкур-Шара, приближая к пасти.
А из сундука и Улан-Хонгор
Назад тянет Онкур-Шара. Тянут.
С двух сторон его тянули оба,
Чуть его совсем не разорвали.
А когда под вечер Мус уставший
Вдруг уснул,
То Онкур-Шар подумал:
— «Разорвут они меня досмерти», —
Так подумав, он бежать пустился.
Мус проснулся, поглядел, подумал:
— «То, что втягивал вчера я глоткой
До сих пор еще лежит недвижно.
Непонятно: что ж это за штука?

Втягиваешь — в рот она не входит». Подошел, глядит — сундук железный. Мус ногой сундук ударил, Крышка
С грохотом на землю повалилась. Мус глядит — лежит в кровоподтеках, Чуть живой, избитый, неподвижный Улан-Хонгор, богатырь Джангара. И промолвил Мус, перепутавшись: — «Я не знал, кто здесь передо мною. Втягиваньем я живу, питаюсь, Не считая это преступленьем, Я ведь от природы так устроен. Не сердись на Муса, Улан-Хонгор». Отвечает Мусу Улан-Хонгор: — «Что же делать, смерть моя приходит... Отойди ты от меня подальше, И ко мне сюда не возвращайся». Мус тогда тихонько повернулся, Крадучись, пошел, пустился в бегство И бежал оттуда без оглядки, Сам себя от страха забывая. Между тем, Онкур-Шар одноглазый Так об Улан-Хонгоре подумал: — «Верно, Хонгор уже съеден Мусом». Так решив, приехал Онкур-батырь, Видит — Улан-Хонгор невредимый. — «Ну, как видно, есть никто не хочет

Этого богатыря», — подумал.
Привязал и поволок по кочкам.
Притащил на горный кряж высокий,
Бросил Улан-Хонгора на землю,
На груди у Хонгора построил
Дом чугунный,
Дом семиэтажный¹⁾,
Дом тяжелый, без дверей и окон.
На углах потом четыре меха,
Словно в кузне, Онкур-Шар поставил,
Всыпал уголь, и зажег, и начал
Раздувать огонь мехами всеми,
Чтоб сгорел могучий Улан-Хонгор.
Побурели, покраснели стены,
Смерть уже к богатырю приходит,
Но подул внезапно сильный ветер,
В небе понеслись густые тучи
И на землю хлынул океаном
Дождевой неотвратимый ливень,
Погашая кузню Онкур-Шара,
Охлаждая дом семиэтажный.
Испугался Онкур-Шар, пустился
В бегство, Улан-Хонгора оставив...
И лежит там Хонгор одинокий...

¹⁾ Так в калмыцком тексте 1901 года, записанном И. И. Поповым. Мы не сочли нужным изменять это выражение.—В. З.

* * *

Между тем, его Кэк-Галзн Лысый
Прибежал в свои родные степи,
Пролетел он через край отока
Прямо к ханской ставке подбегает.
Видят люди: Лысый без уздечки,
Без седла, весь в мыле, похудевший
И его хозяина не видно...

И тогда все люди зарыдали,
Все они сбежались к ханской ставке.
Все шумят и вопрошают, плача:

— «Где же Хонгор?»

Отвечает Лысый:

— «Нет его...

С тех пор, как Бумбу
Мы покинули, Улан-Хонгор
Мне не дал ни воды, ни сена.
Всюду пьянствовал по дороге,
Оставляя меня без корма.

Потому я его и бросил
И вернулся в родные степи»...

И тогда Богдо великий Джангар,
Поглядев на Лысого, заметил:
— «Нам солгал сейчас Кэк-Галзн Лысый.

Улан-Хонгор, защищая Бумбу,
Пьянствовать-беспутствовать не будет.

Это он, попав в беду, наверно,
Не хотел страну свою тревожить,

Приказал коню скакать обратно
Передать нам то, что мы слыхала...
И, возможно, умер Улан-Хонгор»...
И велел войскам собираться Джангар.
Загремели кованые трубы,
Зашумели джангаровы стяги.
Вот подводит дюжий нукер к хану
Золотисто-рыжую кобылу,
Трепетную Рыжку-арнзула.
Молнией в седло взлетает Джангар.
Поднял руку. Встрепенулась Рыжка
И пошла размашистым накидом,
Увлекая следом голубого.
И пошли вперед войска Джангара,
Всех богатырей число сто тысяч;
И пошли могучие цахары¹⁵
Численностью больше миллиона;
И пошли за ханом тэшимэлы —¹⁶
Десять тысяч воинов отборных;
Окружили Джангара любимцы —
Тридцать пять богатырей чудесных.
Зашумело войско, загудело,
Вихрем пролетая степь и горы,
Чтоб ударить на врагов отчизны,
Вызволяя Хонгора из плена.
Много времени они скакали,
Меру жизни многих поколений.
Так со звоном, топотом и гулом,

Словно буря, руша все преграды,
Въехали они на край отока
Своего врага Авлынг-хана.
Видит Джангар: женщина с ведерком
Тихой поступью идет по воду.
— «Продолжайте путь без остановки», —
Приказал войскам великий Джангар,
А сам, тронув Рыжку-арнзула,
Поскакал к той женщине с ведерком
— «Здравствуй, бер, —¹⁷
Сказал Богдо великий, —
— «Может, ты видала человека,
Именуемого Улан-Хонгор,
Или, может, ты о нем слыхала?»
Отвечает женщина, заплакав:
— «Кем тебе доводится несчастный
Человек, носящий имя Хонгор?»
— «Это друг мой»,
Отвечает Джангар, —
— «Расскажи, мне, что ты о нем знаешь?»
Говорит та женщина Джангару:
— «Вон, гляди: широкая дорога,
Красная печальная дорога,
По которой долго волочили
Человека, именуемого Хонгор».
Дернув повод, спрашивает Джангар:
— «Ну, а ты сама,
Кто ты такая?»

Может скажешь:

Где же друг мой Хонгор?»

— «Я простая женщина, владыка,

И о многом я, Богдо, не знаю...

Говорят, есть у Манлагин-хана

Океан, кипящий смертным ядом;

Говорят, что в этом океане

Есть на дне одна слепая щука;

Говорят, что щука та глотает

Все, что только близко к ее пасти...

Хонгора поволокли к той щуке...

Больше я о Хонгоре не знаю»...

Тронул Джангар Рыжку-арнзула,

Вмиг догнал в пути

Свое все войско,

Повернул все войско к океану...

Как только достигли океана,

Богатырски свистнули три раза,

Богатырски крикнули три раза —

Вмиг исчезли воды океана,

Океан глубокий сразу высох,

Обнажилось дно.

Слепая щука,

Как гора, на дне затрепыхалась.

Ухватил ее Джангар за горло,

Со всего размаха кинул наземь

И ногой по животу ударил:

— «Где мой друг могучий Улан-Хонгор?

Если только ты его сожрала,
То верни мне Хонгора тотчас же!»
И взмолилась та слепая щука:
— «О могучий! Я не виновата!
Я твоего Хонгора не брала.
Мне сюда недавно приносили
Нечто, чего я не проглотила.
Вероятно, это был твой Хонгор».
— «А куда потом его девали?» —
Спрашивает Джангар щуку.
И слепая щука отвечает:
— «Где-то, очень далеко отсюда,
Проживает существо такое,
Люди его Мусом называют.
Этот Мус огромными ноздрями
И своей огромной страшной глоткой
В себя втягивает все на свете...
Богдо! Требуй Хонгора у Муса!»...
Свистнув Джангар богатырским свистом
Джангар громко закричал три раза —
Появились воды океана,
Волны вновь, как прежде, закипели
И ушла на дно слепая щука.
Тронул Джангар Рыжку-арнзула,
И все войско к Мусу поскакало...
И, едва приблизились на сутки —
Мус увидел — стал тянуть ноздрями
И своей огромной страшной глоткой.

Так он пробовал тянуть три раза —
Только все три раза безуспешно.
Испутался Мус, пустился в бегство.
Ухватил могучий Джангар Муса,
Со всего размаха кинул наземь
И ногой по животу ударил:
— «Где мой друг — извечно сущий Хонгор?
Возврати мне друга!» —
Мус заплакал:
— «Богдо! я не брал твоего друга!
Втягиваньем я живу, питаюсь,
Не считая это преступленьем,
Я ведь от природы так устроен».
— «Хорошо», —
Ответил Мусу Джангар, —
— «Хорошо,
А только где мой Хонгор?»
Отвечает Мус ему на это:
— «Видишь, нечто вдалеке краснеет,
То, что кажется огромным кражем —
Это вот и есть ваш Хонгор».
Тронул Джангар Рыжку-аризула
К красному хребту, как вихрь, скачет.
Прискакал и видит:
Словно мертвый,
По всему хребту раскинув руки,
Неподвижный Хонгор распластался.
Видит — на груди его построен

Дом чугунный,
Дом семиэтажный...
Спешилось все войско, плачет,
Вопрошая своего любимца:
— «О, извечно сущий Улан-Хонгор
Неужели этим ты задавлен?»
Но, увы! Не отвечает Хонгор.
И тогда сам Джангар вопрошает:
— «О, мой друг!
Мой верный Красный Хонгор...
О, неужто ты меня не слышишь?
Ведь, бывало, дед твой знаменитый,
Если только голос мой услышит,
То не только дом семиэтажный,
Горный кряж он на себе поднимет.
Разве ты уж не похож на деда?
Разве уж перед тобой не Джангар?»
И о, чудо!
Полумертвый Хонгор,
Джангара услышав,
Приподнялся,
С хрустом, с треском отдирая землю.
С грохотом на землю руша скалы,
Встал, удерживая на груди могучей
Дом чугунный
Дом семиэтажный.
И, увидев Джангара, отбросил
Этот дом с груди своей широкой,

И приник к груди вождя и друга:
— «Джангар! Что это со мною было?»
— «Хонгор! Что это с тобою было?»
Так они друг друга вопрошали,
Плача и любовно обнимая...
Хонгору на раны положили
Белое, как облако, лекарство
И лекарством раны заживили.
А потом они, собравшись утром,
Заодно, все вместе порешили
Уничтожить злобного шулмуса —
Грозного врага — Авлынг-хана.
Всех людей тотчас же разделили
На четыре войска:
Богдо Джангар
Часть свою повел на полдень дальний,
Хонгор — в сторону восхода солнца,
Нойон Савур — в сторону заката,
А нойон Дара-Сэльдэнг — на полночь (1),
Так они оток Авлынг-хана
С четырех сторон замкнули войском.
Загремели кованые трубы,
Зашумели джангаровы стяги —
Закипел с врагами бой кровавый.
Длился этот бой четыре года,

1) В тексте И. И. Попова нет никаких упоминаний о том, когда и как были воскрешены Савур и Сэльдэнг, убитые шулмусом.

И войска Джангара победили
Вражескую рать Авлынгги-хана.
Всех врагов своих они собрали,
Побросали в океан глубокий,
Что кипит смертельным крепким ядом.
Караулили четыре года —
— «Может быть еще враги остались
Будут беспокоить нашу землю», —
Думали они, — но из шулмусов
Больше никого не оказалось —
Хан Авлынгги — враг чудесной Бумбы —
Был теперь навеки уничтожен.
И тогда четыре самых лучших,
Самых храбрых батыря Джангара
Меж собою на четыре части
Разделили вражескую землю.
Кованные трубы загремели
И войска пошли в родную Бумбу.
И с тех пор все зажили счастливо,
Джангара навеки прославляя.

О ПОДВИГАХ ВЫСОКОГО БОГДО ДЖАНГАРА

Поколение зовут Юндук-Урза.
Там проводят полдень множество будд.
Там серебро-белая гора Арсалан-Алтай
Стоит величественно, как пупок земли,
Под ногами востока желтого солнца.
Там широкое камышистое озеро
Течет и волнуется;
Оно пенится кораллами и жемчугом
И имеет цвет разных лотосов;
Это море, Эрдени Шартак,
Покрывается туманом.
Там восемь тысяч рек

Через каждые двери своих четырехсот тысяч
Алтаев

С журчанием бегут вечно
Во все четыре времени года,
Не касаясь песка и земли,
И дают священное приношение водопоя.
Там густотравные скаты гор
Зеленеют лето и зиму
И непрестанно шумят звуком мани².
Если поглядеть на сторону Тибета,
Увидишь шесть тысяч храмов,
Поднимающихся гуще черных облаков

Тибета

И, в пространстве звездного голубого неба,
Под ногами заката желтого солнца
Упирающихся один на другой.
Его дворец, подобный лестнице³,
Находится между четырех камышистых озер.
Там четыре здания желтых.
Там лама явно перерожденец Шакиямуния.
Там восемьдесят тысяч учеников в своих
жилищах,

Как на шахматной доске,
Пестрея желтым и красным,
Говорят между собою бурь-бурь.
Звук их труб и раковин
Доносится до нижнего Замбая.
Их пение в честь грозных

На задней отлогости горы Гималая-Алтая,
Он (Джангар) вновь выстроил
Плотно-постройчатый золотой свой дом,
Обратил в свою веру
Восемьдесят тысяч Мангусов
И сделался владыкою четырех стран.
Успокоил и укрепил
Свое кочевье Дубур-гаруди,
Мирское правление утвердил, как скалу,
Веру будд распространил, как солнце.
Крестообразные холодные ветры
Заставил дуть без жару,
Прохладно навек,
Во все четыре времени года;
Запах мускуса и курительных свеч навеки,
Во все четыре времени года,
Распространил в центре вселенной.
Выстроенный им желто-золотой дворец
Необыкновенно высок и прекрасен,
Украшен лазуриками четырех цветов.
У него сто восемь оград ⁶,
Шесть желто-золотых чердаков;
А на верхушке утверждена яшма в виде
очира ⁷.
Выстроенный посреди царей земных,
Облако-подобный желто-пестрый дом его
Прилепился к ногам восходящего желтого
солнца.

Владыка всего этого, хан,
Еще не достиг сорока лет,
Но уже завоевал подданных
Ханов четырех стран.
От рождения он не терял власти.
Он правнук хана Такил-зулу,
Внук хана Тансак-бумба,
Единственный сын
Славного хана Уган-мила.
Всегда наслаждающийся
Радостями тридцати трех небожителей,
Высший в своей династии,
Великий Джангар, говорят,
Один среди земли
И сирота среди веков.
Следующие за ним спутники,
Привязав жизнь свою к копьям,
Клятвою отдали хану
Свою красу и счастье,
Положив на сердце и чело
Чистый белый тагисман,
Подобно сновидению Джангара,
Освященный светом.
А клятва их: кто преступит
Повеления великого господина,
Тот получит шесть тысяч ударов
Нагайкою Очир-гэрэла.
А этот лев Очир-гэрэл,

Сын Бардатая,
Любит бить и грабить,
От него нет спасения.
Он тридцати семи лет,
Знает таинственные изречения
И имеет холодно-черное копьё.
А нагайка его —
Основной ремень из кожи трехлетнего быка,
Оплетен кожей четырехлетнего быка,
Пуговки из желтой меди,
Шарнир мясостальной,
Петля серебряная;
Футляр нагайки плетеный,
Желто-шелковый.
Она приделана к ручке из таволги,
Одинокó выросшей на песке
И три года сушеной в своем соке.
Называется нагайка Хашиль-тарим.
Язвину от одного только удара этою плетью
Едва можно залечить в шесть месяцев.
Если от шести тысяч ударов этой плетью
Виновный останется жив,
Ему Хабтар-Хонгор⁸
Притянет руки и ноги к шее
И посадит на трое суток
На двенадцать шипов
Своего холодного черного аркана.
Среди прекрасной летней рощи,

В желто-пестром дворце,
Подобном картинке,
Он (Джангар) сидит
С шестью тысячами и двенадцатью
Своими ловкими, молодыми львами,
Наполняя пятьдесят два кружка.
Впереди пятидесяти двух кружков
Львиный серебряный трон, а на нем,
На четырехстах чистых ковриках
(Сидит Джангар),
Соизволив двумя своими локтями
Насквозь продавить подушку из барсовой
кожи.

Если поглядеть на этого Богдо,
Подобного сновидению, сзади,
Он гнется подобно сандаальной жерди.
Если поглядеть на него спереди —
Как будто тысячи голодных тигров
Делают набег.
Если взглянуть на него сбоку,
Он красуется подобно пятнадцатидневной
луне.

Послы иностранных ханов
С удивлением рассматривали,
Какова должна быть мочь и сила
Такого прекрасного льва.
Между раковино-белыми плечами
У него тридцать пять локтей,

И на лопатках его сложились силы
Тридцати трех небожителей Хормусты.
По поясу его обхватила
Мочь ста восьми дакинис.
На шее у него возшла сила
Пятнадцати панча-ракча¹⁰.
Его пестро-белая икра,
Без промаха поднимающиеся и зацепляющие,
Когда в борьбе бросают через ногу,
Исполнены силы пятисот чертей.
В каждом суставе его десяти белых пальцев,
Без промаха владеющих сандальным укрюком,
Соединена сила льва и слона.
На челе у него изображение Майтари¹¹.
На маковке у него
Ночевал Очир-Сатва-будда.
Его руки и ноги,
Чистую и прекрасную грудь,
Молодой месяц — сердце,
Красную ниточку — жизнь
Хранит и держит лама Алиша.
Темно-серебряная, массивная коса его
Подобна сандалу, достигшему полного роста.
Его коротенькие волосы около косы
На тибетский манер,
Стриженные в прошлом году
И оставленные на будущий,
Густо накрывают его прекрасные уши.

Его серьги — из жемчужин
Величиною с голову зайца,
С ободками в копыто
Легченного верблюда.
Когда он повертывает головою,
Они быют по его шее
И красуются под мочками его круглых ушей.
Крылоподобные усы его — чудо, прелесть!
Он сидит,
Наблюдая своими таинственно-черными
глазами

Правое и неправое
В своих десятках тысяч богатырей.
Оружие его,
Припасенное для жизни
И грудной перепонки врагов-Мангусов,
Таково:
Срезаны шишки с шести тысяч сандалных
дерев

И приложены друг к другу;
В основание лука
Положены рога ста козлов
И обтянуты сверху жилами
Шеститысячелетнего жеребца.
Подставки под тетивую
Из черного булата,
Величиною с трехлетнего барана.
Длина лука триста сажен.

Шелковая тетива —
Точно прыгает, играя,
Навьюченный легченный верблюд.
Двенадцати-хвостый
Синий сандальный укрюк его
Хранится на левой стороне
Желто-пестрого дворца;
У него хвосты по три сажени.
При конце укрюка,
В голубой шелковой палатке,
Четыре тысячи молодцов богатырей;
Они день и ночь,
По две тысячи, посменно, караулят.
А милость владыки князь-Богдо такая:
Вечно, во все четыре времени года,
Непрерывно,
Он милостиво раздает
По рогу пестрого оленя арки
И по черному меху арзы¹².
А собственная лошадь его такова.
У него девять тысяч
Кроваво-рыжих лошадей,
Под начальством старого
Долдой-рыжки жеребца,
С семи лет посвященного грозному Маха-
гале.
У этого девяти-тысячного табуна
Кроваво-рыжих лошадей,

Пленяющих душу и сердце человека,
Нет ни пятнышка, ни крапинки, ни лысинки.
У них пастбище на Арсалан-Алтае;
Водопой — на нектарном белом море;
А для полдня желтого солнца
Есть водопой,
Называемый холодный Домбо.
Наглотавшись и накупавшись
На буро-желтой, утренней и вечерней
прохладе,

Они катаются на желтом белом песке
И сбрасывают с груди линяющие волосы.
Среди девятитысячного табуна,
Среди старых рыжих товарищей
Есть большерослая и длинношея
Красно-рыжая кобыла двух лет.
Едва она достигла двух лет,
На третьем уже кормила жеребенка.
Жеребенок этой кобылы,
Называемой Тунгу,
Сам на первом году,
А мать двух лет.
Под исход средней весенней луны,
Недобрые бабы-прислужницы
Стали доить кобылу,
Привязывая жеребенка к веревке,
Приготовленной для пяти телят,
И доили непрерывно пять месяцев.

К последнему осеннему месяцу,
Когда серебро-белый иней
С вершины травы пал на корень,
Жеребенок оказался
Непотерявшим красного, молодого жира.
Когда он достиг второго года,
Его поймали, и стали ездить мальчишки,
Пасущие верблюдов.
Едва выросла у него грудь,
Он был в непрестанном движении,
В преследовании врагов.
К концу третьего года его отпустили,
И четвертый год он был совершенно на
свободе.

На пятый год,
Когда он вошел в водяное тело,
Знатоки по зубам
Четырех подвластных ханов.
Знатоки сорока двух князей
И лучшие знатоки в лошадях
Всех царей с четырех сторон нашей земли
Были собраны через послов.
По слову хана Джангара
Собрались все знатоки
Пред желто-золотым помостом,
Выложенным на выстрел пред дверьми
Желто-пестрого дворца.
Жеребенка кобылы Тунгу,

Господина копыт,
Быстрого рыжку,
На его пятом году,
Поймали на желтую шелковую оброть,
И хан Джангар,
Со своими шестью тысячами и двенадцатью
богатырями,
Вышел из желто-пестрого дворца
И стал его рассматривать.
Покружили, поводили, посмотрели.
Поглядеть на него спереди —
Точно утвержденная вертикально лестница.
Поглядеть на него сбоку —
Точно в полном теле
Выдержанный верблюд
В цвете лет.
Грудь у него львиная,
Длиною он десять сажен.
Холка саврасая.
Шея крутая, как у овцы.
Драгоценной серебряной гривы не обхватишь.
Челка, похожая на скрипку.
Уши трубовидные.
Глаза острые, ястребиные.
Золотые клыки, как кончики буравов.
Шея, как у черного барса.
Икры точно у зайца.
Прекрасный обточенный хвост

Длиною восемьдесят одна сажень.
Четыре черных копыта, как чашки.
От долгой езды шерсть не сбивается.
Объезжай на нем кругом света, —
Он будет такой же, как его свояки,
Только что взятые с пастбища.
Из ушей не выступает пот.
Путь его счастлив.
Среди врагов-чужеземцев,
Среди множества копий и стрел,
Он не допустит ни одного удара
Ни себе, ни седоку.
Таковою оказалась
Прекрасная, веселая лошадь
Быстрый рыжко.
А богатырь,
Взнуздывающий счастливую голову его
Пяти-десятисаженным шелковым поводом,
Боро-мангнай, сын Босот-алдар-хана.
Он с трех лет
Безжалостно бросил отца-благодетеля,
Оставил бездетную мать свою,
Оставил без начальства
Сто семьдесят тысяч своих подданных,
Оставил без вождя
Четыре тысячи богатырей своих,
Следовавших за ним
С пяти до пятнадцати лет,

И тридцать три года
Находится при поводе
Быстрого рыжки Аранзула.
Под левою мышкою славного князя Богдо
Сидит, сопровождаемая пятьюстами девушек
(Жена),
Цветом, как восходящее красно-желтое
солнце,
Видом, как взошедшее огненно-желтое
солнце.
При свете ее
Облака останавливаются;
При сиянии ее
Можно табуны караулить.
Взглянет вдаль —
Можно пересчитать малявок в дальнем море.
Туго сплетенные волосы ее ниже тальи.
Подвязки в косе,
С жемчужными кистями,
Доходят до лодыжек.
Шелковый халат ее кроила мастерица-мать,
Посоветовавшись с Уржин-падмою.
Тамуртай-Катун пять месяцев отделявала
И вышивала его узорами.
Цена ему пятьдесят обьежженных лошадей.
Прекрасную серебряную шапочку
Она нахлобучила на драгоценную свою
голову.

На ней красивые сапожки,
У которых за одну вышивку пяток
Заплачено шесть золотых.
Чтобы посмотреть на один след этих сапожек,
Платят тысячу копеек;
А кто посмотрит на самые сапожки,
Тот платит сто рублей.
Откуда же взял Джангар такую жену?
Ему не понравились дочери
Четырех подвластных ханов;
Не понравились дочери
Сорока князей.
А в то время его быстрый рыжко Аранзула
Был семи лет,
А сам Джангар
Был двадцати лет.
В это-то самое время,
Не находя приличной себе жены,
Он отправился искать девушку
Между дочерьми ханов вселенной.
Ездил он три года,
Тридцать шесть месяцев,
Но не нашел.
Утомился его рыжко Аранзула,
И сам он влачил укрюк по земле.
Его красное лицо, подобное полной луне,
Получило пепельный цвет от печали.
Взошел он на вершину высокой белой горы

И стал обозревать.
В это время слетел с небес
Среброкрылый и златохвостый воробей
И сказал на птичьем языке:
«На той стороне отдаленного моря
Кочует Гуши-замба-хан,
Имеющий алмазно-золотую гору
И три драгоценности,
Каких нет на свете.
У этого хана есть дочь,
Которую ныне некто,
Сын тэнгрия Бурхан-цаган,
Хочет взять силою.
Она достойна быть твоею женою».
Гей! златокрылый воробей!
Дозволь следовать за тобою
Чрез тысячу калпов,
Дозволь держаться за полу
Желто-шелкового платья,
И будем вместе перерождаться!
Пусть чудесною силою
Я перепрыгну чрез бурное море,
Убью сына тэнгрия Бурхан-цагана,
С его семью тысячами богатырей
И семнадцатилетнюю дочь Гуши Замба
Сделаю своею женою.
Среди желто-пестрого дворца
Сидит Джангар

Со своими двенадцатью
И шестью тысячами богатырей,
На пятьдесят два кружка.
По правую его руку,
Председательствуя среди трехсот богатырей,
Сидит пастух Маха-галы,
Далай-Алтам-цэджи
Внук хана Малигут-зула
И сын хана Дабай-замба.
Он, говорят, знает
На девяносто девять лет вперед,
И может безошибочно рассказать
За семьдесят лет назад.
Это старший мудрец¹³.
За ним следует предводитель
Улан-Хонгор богатырь.
Он таков,
Что хотя бы мучился сто лет,
У него не в обычае сказать: — «ох!»
Привяжи его и шесть лет
Безостановочно бей нагайкою,
Он не ошибется ни в одном слове.
Предприимчивость его вот такая:
Раз он выдернул с корнем рослый сандал
И пешком, без лошади,
Напал на шестьсот тысяч войска.
А крепость его вот такая:
Раз он семьдесят месяцев

Сражался среди врагов;
Наконец, устала его лошадь,
И его спина, подобная прямому укрюку,
Согнулась, как лук;
Его красное лицо,
Подобное полной луне,
Сделалось, как пепел;
Он не мог раскрыть своих черно-пестрых
глаз,

Но успел пробиться и убежать.
За ним погнались сто богатырей,
Подобных ему,
И кололи его вдогонку
Сотнею острых копий,
Но нисколько не могли покачнуть его
На его черной седельной подушке.
Он, говорят, внук
По мужской линии Укту-Ширгэна
И внук от единственной дочери
Тумэлгэту-хана,
Сын тибетского Буку-мунгун-Шикшугэна;
Родился от Гуши-зандан-гэрэли,
Когда она была двадцати двух лет.
У него лошадь, говорят,
Может на шее поднять гору
И быстра так,
Что может объехать весь свет.
Она семи лет и называется

Ленивый, серый рыжко.
Меч его такой,
Что лишь замахнется он им —
Уничтожит чертей десяти стран;
Погрозит — поколеблется вся земля.
Его сварил старый кузнец Куку,
Выковал старый кузнец Мала,
И потом, чего ни у кого не бывает,
Он закален три тысячи раз;
Цена ему семьдесят тысяч кибиток.
Злой черный, стальной клинок
С трижды толстым обухом,
С тридцатью двумя алмазными остриями.
На нем изображен богатырь свет-Ямандага;
А на ручке изображены
Четыре величественные махаранджи¹⁴.
Привязав к своему боку
Кровавый черный меч
Двенадцатью золотыми застешками
И выпив черную фляжку арзы,
Дар славного Богдо,
Он сидит пьян, бушует¹⁵.
По левую руку Джангара
Сидит сын Хангалту —
Славный богатырь Эргу-Гумбо,
Начальствующий над тремя тысячами
богатырей.

Он, говорят, кочует

Вниз по течению ветра от горы Самбал,
Говорят, он заткнул рожки
Миллиону Мангусов.
Говорят, он предприимчивый богатырь,
Готовый объехать сто стран.
Говорят, он славный в шести странах
Гадатель по лопаткам.
Величина его такая,
Что если сядет свободно,
Займет место пяти богатырей,
А если присядет на колени,
Займет место трех богатырей.
Он жирен так, что на брюхе у него
Тринадцать складок набегает одна на другую.
Его лошадь называется
Заяни-Хурдунь-Хара.
Его оружие —
Черный меч крови
С тремя черно-стальными обухами
И тридцатью пятью остриями¹⁶.
Его копьё имеет
Сандальную ручку в десять сажень.
У него большое черное шелковое знамя.
Следующие за ним богатыри
Похожи на него.
Когда он,
Сопровождаемый семью тысячами богатырей,
Вступает в сражение с страшными Мангусами

И гикнет команду черным голосом —
Кажется, сольются небо и земля.
Все богатыри и воины,
Отправляясь в поход,
Просят, чтобы избавиться
От одного только Гомбоева меча.
Его меч, говорят, так заклят,
Что если он кого чуть заденет кончиком,
Раненый, какие бы ни употреблял лекарства
И какие бы ни лечили его врачи,
Неизбежно, чрез сорок девять дней, умрет.
За ним следует
Почти такой же первостепенный богатырь,
Тяжелорукий Сабар.
Он, когда был трех лет,
Отдал Эрлику отца и мать.
Семьдесят языков подданных
Отняли у него враги Мангусы.
Пяти лет, он за миллион копеек
Купил жеребенка, прекрасную Курунг,
Взнуздал его на желтую шелковую оброть,
Вооружился топором
И, спустив с плеч желтый шелковый
панцырь¹⁷,
Отправился по течению реки Артай,
С шумом бегущей на запад
С груди горы Арсажан Юндунь.
Он бежал семьдесят месяцев,

Бежал и приговаривал:
«Ты, Эрлик, взявший отца и мать моих,
Когда я был трех лет,
Возьми мои грехи.
А вы, Мангусы,
Отнявшие у меня семьдесят языков
подданных,

Когда я был четырех лет —
Буду я вечно судиться с вами
В восемнадцати адах!
Поведу я свою лошадь в поводу,
Пусть печет меня желтое солнце;
Я буду преследовать восемь тысяч
Ханов желто-мангусских».
Когда он таким образом шел,
Почтенный Цэджи,
Знающий на девяносто девять лет вперед,
Безошибочно рассказывающий
За семьдесят лет назад,
Повествующий о тайном и явном,
Разумом своим переехавший
Через все четыре части света,
Узнав об этом, так докладывает Джангару,
Подобному сновидению.
«Сын Батура-тайджи, тяжелорукий Сабар,
Теперь преследует желтых Мангусов,
А потом в продолжение семи поколений
Не даст нам покою

И не допустит ни одного вестника
К именитому хану.
А его лошадь,
Когда она достигнет полного возраста,
Будет на аршин быстрее мысли
И на сажень быстрее ветра.
Возьмите это во внимание».

— Тогда славный князь Богдо сказал:
«Слова Алтан-Цэджи справедливы.
Знаменосец Шунхур!
Садись на своего быстрого Хара-Сарал
И дай сигнал!
Шесть тысяч молодцев-львов!
Седлайте своих лошадей
И отправляйтесь в поход».

Оседлав рыжку Аранзула,
Сам славный князь Богдо
Отправился в поход,
Положив поперек седла
Свой длинный сапдальный укрюк,
За ним с шумом ехали
Шесть тысяч и двенадцать.
Знаменосец Шунхур
Прижал под правую ногу золотое желтое
знамя

И вел за собою славного Богдо
С его шестью тысячами и двенадцатью львами.
Это желто-золотое знамя,

Даже оставаясь в чехле,
Подобно желтому солнцу,
А когда вынут его из чехла,
Подобно семи солнцам.
Оно девятиколенчатое,
О девяносто пяти желто-красных ножках.
Они ехали с лишком сорок девять суток.
На безводной степи,
На безтравной пустыне,
Отняли у Сабара его лошадь
И на перешейке большой желтой цепи гор
Седмижды окружили его.
Но он положил на плечо
Тяжелый желтый топор
И без затруднения сшибал с лошадей
Самых сильных людей.
Слившие сильными львы
Склали ногу на ногу,
И их быстрые лошади,
С седлом под брюхом,
Скакали по горам.
Он был одинок и пешком;
Но ровно сорок девять суток
Не могли его взять.
И воткнули желтое шелковое знамя
У подошвы горы.
Между тем, назади,
В желто-пестром дворце,

Внук Окто-Ширгэна,
Сын Буку-мунгун-Шикширгэна,
Богатырь Улан-Хонгор,
Напился арзы и, развалясь, спит.
Супруга Джангара будит Улан-Хонгора:
«Что днем на языке, а ночью во сне?
Твой славный князь Богдо, отправясь,
Не ночевал сорок девять дней.
Не убили ли его богатыри ста стран?»
Тогда Хонгор приподнялся, встал,
Выпил немного арзы, опохмелился,
Полил себе на голову воды,
Оседлал свою серо-лысую лошадь
И поехал.
Он стремительно поехал под ноги
Восходящего желтого солнца.
Проскакав ровно сорок девять суток,
Он на белой степи завидел вдали
Славного князя Богдо.
Его славный господин Богдо сказал:
«Гордо пускающийся на добычу
Быстрый белый балабан мой,
Среди Алтая золотой столп мой,
Сын Гаруди, мой Улан-Хонгор
Приближается».
Его серо-лысая лошадь разинула рот,
Передние ноги подняла до самой морды,
А задними касалась своего длинного хвоста.

Земля от копыт летит,
Как пули ружейные.
От четырех его копыт
Двенадцативетвенная
Туманно-красная пыль
Как будто мешается
С небесными белыми облаками.
Между тем, Сабар
В утомлении стоит под тенью
Молоденького сандального дерева.
Улан-Хонгор с криком наезжает издали:
Ослабил поводья
Своего сераго лыски Аранзула,
Спустил с плеч
Свой желтый шелковый панцырь.
Его прекрасный серый лыско
Стрижет чуткими ушами,
Зорко смотрит своими острыми глазами,
Разинул рот и, в гневе,
С шумом наскочил.
Сабар направил желтый топор
На его белый лоб
И ударил по белому шлему.
Прекрасный серый лыско
Трижды прыгнул,
Серебряною губою хватил поверхности земли,
Но не упав, проскакал.
Его седок Улан-Хонгор

Ртом и носом вылил
Черную жизненную кровь,
Оглянувшись назад
И поворотил своего серка.
Серко Аранзула снова набежал,
А Сабар снова приготовился
Ударить своим желтым топором.
Серый лыско летел,
Задевая грудью землю.
Тот промахнулся
И ударил его по львиной груди¹⁸.
Улан-Хонгор, набежав поперек,
Взбросил его на гриву своей лошади,
Привез и бросил Сабара
К подножию желто-шелкового знамени;
Потом пустил своего серого лыску,
Привязав повод к седлу,
И явился к своему высокому Богдо.
Славный Богдо
Благословил главы обоих
Своим чистым белым талисманом
И принял их обоих,
Сделав их братьями.
Сын тайджи, тяжелорукий Сабар,
Сидит, начальствуя над семью кружками.
При дверях,
Начальствуя двумя тысячами шестьюстами
львов,

Сидит Кэй-Жилбан нойон,
Содравший кожу с языка,
Стараясь примирить недавно
Сказанные слова свои.¹⁹
Буху-Мунгун-Шикширгэ
На правом своем колене
Держит холодную черную арзу,
Приготовленную Баян-Сонгором.
Князь Тосун-Тулук,
Сын Машат-алдар-даруги,
Желто-пестрою чашкою обносит кругом,
Начиная со старшего Джангара,
Всем шести тысячам и двенадцати львам,
По пятидесяти пяти раз на человека²⁰.
Вершина города торчит;
Вода реки лежит;
Гэрэл поет песню;
Дунсур-Гэрэл подтягивает;
Разумный Талбан играет на домбре.
Тансак-Гэрэл встал и пляшет.
Всесветную красавицу²¹
Заставили сыграть на дудке,
И она запела:
«Старый голосистый лебедь,
Нанесший яиц в весеннем желтом камыше,
По утренней заре сидит на своем гнезде,
Растопылив перья и приподнявшись;
Трижды покрикивает этот голосистый

Из старых голосистых». Эта песня, которую она играет, Приложив к своим красным губам Свою сандальную дудку, Раздается среди шести тысяч Алтаев, Как будто играют вблизи. Великолепная высокая гора Алтай Висит под ногами солнца. Широкое море покрывается туманом. На отлогостях гор Лето и зиму зеленеет трава И, качаясь, звучит звуком мани. Восходит прекрасно-светлое солнце. Сокол и ястреб носятся среди лучей. Шесть тысяч желто-золотых храмов, Под ногами восходящего солнца, Опираются друг на друга. Там четыре моря И четыре здания желтых, Там лама явный Хубилган Шакюмуния. Там восемьдесят тысяч шабинеров По числу шакиев, Поговаривают: Бур-Бур. Настала бессмертная вечность; Все непоколебимо утвердилось. Настало лето без зимы. Мирское правление утверждено, как скала;

Вера будды распространена, как солнце.
Когда ветви нежного дерева дамба,
Выросшего среди моря,
Колышатся среди семидесяти небес,
Раздается звук разума Дараэкэ.
Когда качаются ветви
Дерева галбар-зандан,
Выросшего среди долины,
Слышится звук Ганджура и Данжура.
Огромные сандаловые деревья
Разливают прохладу.
Красно-желтые ветви их,
Как полевые цветы.
Среди неба утвердилась
Трехцветная чиндамани,
Как желтая, красная и голубая радуга.
А имя хана Джангара,
Хубилгана-Чиндамани,
Во всех странах подсолнечных
Сделалось эхом,
Сделалось эхом в кочевьях
Восьми тысяч великих ханов.
А он, со своими шестью тысячами
И двенадцатью львами,
Среди летней рощи,
В своем желто-пестром дворце,
Подобном картинке,
Разогрел уста арзою.

Он сидит среди грома звуков
И рассуждает об историях мангусских ханов.
Кидали жребии на сто лет,
Спорили о карауле на шесть лет.
Когда настало время держать караул
На бело-серебряной горе Эркэлук
В продолжение трех месяцев,
Кинули об этом жребий.
Кинутый жребий выпал
На Улан-Хонгора.
Улан-Хонгор говорит,
Кидавшему жребий
Говоруну Кэй-Жилбану:
«Когда настало время держать караул
На горе Эркэлук
В продолжение трех месяцев,
Почему ты выбрал меня?
Когда я уйду на караул,
Твоими тибетцами завладеют
Черти десяти стран.
Твой желто-пестрый дворец,
Подобный картинке,
Разрушат богатыри
И войны шести стран.
Ведь моею силою
Твое мирское правление
Утвердилось, как скала!
Моею силою держатся вера и правление!

На карауле, на отлогостях
Бело-серебряной горы Эркэлук,
Хотя бы я провел шесть лет,
Я не умру с голода.
Но для имени высокого владыки Джангара
В этом будет вред».
Славный Богдо
Снова приказал Кэй-Жилбану:
«Снова брось двенадцатигранный
Золотой жребий».
Кэй-Жилбан снова бросил жребий,
И он упал, глядя в лицо Алтан-Цэджи.
Но славный князь Богдо
Снова сказал:
«Этот правящий царством
Старый сановник
Славен повсюду,
Близко и далеко».
Снова кинули жребий,
И глаза золотого жребия
Упали на тяжелорукого Сабара.
Тяжелорукий Сабар,
Увидев глаза золотого жребия,
Пал на колени
Пред славным Богдо
И доложил ему:
«Подобный сновидению Богдо мой!
Вонмите в своей ясности!

Вот тридцать три года,
Как я последовал за вами,
И не был унижен пред другими, как сирота,
А я был одинок среди земли.
Если вы хотите
Мною пожертвовать желтым Мангусам
Я пойду.
Владыко князь Богдо,
Соблаговолите сказать это прямо».
Когда на это Джангар
Ничего не ответил,
Сабар сказал:
«Оседлаю своего Курунга.
Ах, если бы мне
Чрез пятнадцать месяцев
Увидеть ваш свет, славный Богдо!
Благослови чело мое
Своим белым талисманом!»
И, дав клятву, он поехал.
Отправляясь, он объехал
Желто-пестрый дворец
В противную солнцу сторону.
Его желтый топор
Блестел под ногами солнца.
Он стремительно поскакал на своей лошади
В сторону солнечного заката.
Он днем не отдыхал
И ночью не ложился спать,

И на своем Курунге
Он в сорок девять дней
Проехал пространство, которое, говорят,
Обыкновенная лошадь
Может пробежать в семь месяцев.
Он взошел на вершину
Бело-серебряной горы Эркэлук
И поглядел глазами
Четырехлетнего черного беркута,
Который четыре года не сматривал,
Так посмотрел,
Что все четыре страны света
Поколебались.
Поглядел в лес—увидел оленей
И, как говорят, зеленый холм
И холодный ключ воды
Под тенью сандалового дерева.
Поглядел на север —
Белая гора Арсалан-Алтай-Монгхан
Выказывается до половины
На расстоянии семи месяцев пути;
А впереди холодное черное море
На горизонте тысяче-радужного неба
Рисуется голубым туманом.
На той стороне моря,
На расстоянии осьми месяцев пути,
Чуть видится двенадцати-башенный
Туманно-пестрый город

Лютого желтого мангусского хана,
Опустошившего семь стран.
Сабар повернул лошадь назад
И, заехав в ущелье высокой белой горы,
Начал преследовать на своем Курунге
Оленей, подобных звездам;
Уронил самого жирного из них,
Положил на свою лошадь
И привез под тень сандального дерева.
Своего прекрасного Курунга
Пустил на зеленую траву,
К холодному ручью,
И раскинул свой голубой шелковый шатер;
Набрал сухих ветвей сандала,
Развел единственный красный огонь
И положил на него, не разбирая,
Целиком все мясо оленя.
Потом вошел в голубой шатер и заснул,
Растянувшись, как ремень,
Раскрасневшись, как таволга.
Он проспал ровно семь суток.
Во сне видит,
Что высокая белая гора лопнула.
Встреппенулся, соскочил;
Смотрит — грозная белая гора
Насупилась, стоит.
Его прекрасная лошадь
Около леса спокойно ест.

Встал, отряхнулся,
Чтобы освежиться,
Окунулся в холодный ручей,
Не снимая ни рубашки, ни шальвар.
Между тем, на угольях мясо поспело;
Он взял и поел до сытости чрева
И опять заснул
В своем голубом шелковом шатре,
Развалясь, разметавшись.
Между тем, как он спал,
Его прекрасный Курунг лыско
Трижды проржал, — так проржал,
Что вся вселенная всколыхалась.
Он вскочил,
Побежал к своей лошади,
Поймал ее на узду.
Оседлал,
Надел все украшения
И поехал.
Въехал на вершину высокой горы
И смотрит:
С той стороны,
Где восходит солнце,
Красно-туманная пыль
Поднимается до неба.
Смотрит — его девяти тысячный табун
Кроваво-рыжих лошадей
Несется, как красный огонь,

По направлению холодного черного моря.
Смотрит в тыл табуна:
Там семь богатырей,
Не уступающих ярому Хонгору,
Точно семь лютых кабанов,
Точно семь миллионов изюбровых
подгрудников,
В сложности точно семь тысяч.
Шесть из них
С сандальными шестигранными арканами,
А один с восемьюдесятью двумя стрелами,
Из которых каждая
Грозит жизни человека.
Эти то семь львов
Преследуют табун.
Он с вершины серебро-белой горы
Не хотел было преследовать;
Но его лошадь закусил поводья
И понеслась за табуном.
Они съехались на берегу черного моря.
Князь, называемый Хашь-Хула,
На Улане-коне величиною с гору,
Удержал лошадь,
Стал и прицелился в него
Из черного длинного лука
Своею золотоушею стрелой.
Между тем, Сабар едет усиленно,
Держа на плече топор;

Курунг несется львом,
Сколько есть прыти.
Хашь-Хула говорит:
«Если ты друг жизни своей, стой!»
И навстречу ему раздался звук тетивы.
Прекрасная лошадь несется,
Задевая грудью по земле;
Пущенная быстрая стрела
Попала в верхушку его зеркально-серебряного
шлема

И, отпрыгнув, понеслась на небо.
Он снова направляет своего Курунга,
А тот снова взял стрелу,
И на этот раз его стрела
Попала в черное мясо груди,
Перешла головки
Осьми его крепких ребер
И вошла в его тело.
Он пролил черную кровь ртом и носом.
Хашь-Хула опять берет стрелу,
Но Сабар махнул —
И он растянулся поперек седла.
Когда Сабар оглянулся назад,
Хашь-Хула, словно гора,
Свалился со своего Улана.
Смотрит вперед —
Его девяти-тысячный табун,
Одним разом, со всеми жеребятами,

Без всякого разделения,
Вогнан в море.
Между тем, шесть страшных богатырей
Стоят, дожидаются его,
Направив против него свои укрюки.
Тяжелорукий Сабар,
Уже тяжко раненый стрелою,
Струсил и ударился в сторону,
Бросился вверх и вниз,
Но не мог объехать.
Посмотрел на море —
Там, среди белых волн,
Величиною с гору,
Плыл табун со всеми жеребятами.
Ближайший к нему берег —
Страшный, красный берег
В семь тысяч сажень,
С ножевыми остриями.
Тут течение туда и сюда,
И в этом течении черные камни,
Величиною с быка,
Бьются друг о друга
И воспаляют красный огонь.
— «Как мне броситься с красного берега
Чугунно-черного моря!
Пойти на единственный спуск?
Но там стоят лютых шесть богатырей
С шестигранными арканами!»

Пускался Сабар нападать, но не мог.
Трижды он пускался
На своем белом Курунге,
Положив топор на плечо;
Но шестигранные арканы
Угрожали его жизни.
Струсил Сабар и убежал от них;
На берегу слез с лошади,
Снял с себя панцырь
И, завернув его в плащ,
Привязал позади седла;
Белый талисман с желтым шелковым
шнурком
Снял с шеи и привязал к челке лошади
Опясался черным шелковым поясом.
Обвернув им себя трижды;
Желтый тяжелый топор свой
Заткнул за спину
И стоит-смотрит
На холодное черное море.
Белые волны, как горы,
Сбегаются и ударяются друг о друга.
Огромные серые камни,
При ярости волн,
Ударяются друг о друга
И воспламеняют красный огонь.
Тут восемьдесят два водоворота
И восемь тысяч пучин.

Здесьшний берег—семь тысяч сажень
И усеян остриями, словно шильями.
— «Пуститься — как пуцусь?
Остаться — как останусь?
Да хотя бы и можно было остаться,
Что я доложу хану Джангару?
Что я скажу своим шести тысячам
И двенадцати богатырям?
И скажет мне Джангар:
— Ты богатырь,
Во ста странах
Прославившийся среди войск,
В шести странах
Прославившийся между богатырями,
И был ты на своем Курунге лыске,
Быстро обегающем поднебесную;
Но когда мой
Дорогой, как жизнь, табун
Погнали в кочевья желтых Мангусов
Чрез лужу, которую можно перешагнуть,
Ты испугался, не пошел и воротился!
Не тебя ли я посылал караулить
На вершину высокой белой горы,
В предосторожность от Мангусов,
Когда пал на тебя жребий
Быть шесть месяцев на карауле,
На тебя, одного из двенадцати богатырей
моих,

Дорогих, как жизнь?
Так скажет Богдо Джангар
И трижды ударит
Десятью золоточетными своими пальцами:
— Вывести его!..
А рану от одного удара
Страшной нагайки Очира-Гэрэла
Едва можно залечить
В шесть месяцев.
Буду следить за табуном —
Нашел или потерял!
А если ворочусь,
Разве не будут меня бить
Беспощадно нагайкой
По семь тысяч ударов в день?
А к вечеру разве не прикажет:
К каждому члену его
Воткните в землю по трехсаженному колу,
Толщиною в стегно мужчины,
И вот так привяжите?
Сверх того,
На тысячу веков будет худая слава,
Что-де богатыря Сабара
Хан Джангар посылал за табуном,
А он бросил табун,
Испугался и воротился;
И за это его славный князь Богдо
Отдал на мучительную смерть

От нагайки и уз.
Пойду лучше умру»...
Но он имел рану
От стрелы Хашь-Хулы:
Стрела пробила его насквозь
Вместе с панцырем,
И древко и копье остались в теле.
— «Если я с этой стрелою
Пушусь в воду,
То не усилятся ли страдания от воды?
Надо попытаться ее выдернуть»...
Он пустил свою лошадь,
Привязав поводья к седлу,
Выдернул ремень тороков²²,
Сделанный из кожи кабарги,
И привязал его крепко-на-крепко
К широкому как ладонь
Черно-стальному копыю
Быстро-белой стрелы.
Привязал ремень к хвосту своей лошади,
Привязавши, сел и уперся
И ударил своего Курунга нагайкою.
Лошадь дала прыжок
И выдернула из его тела
Саженную белую стрелу.
После этого, спереди и сзади
Из ран выпало по куску запекшейся крови,
Величиною по чашке.

После крови,
От своего потника он оторвал два клочка
И заткнул отверстия раны.
Между тем, шесть богатырей,
Карауливших единственный спуск,
Обратили на него своих лошадей
И, угрожал ему своими арканами,
Начали прямо наступать на него.
Когда они стали к нему приближаться,
Он столкнул свою лошадь с берега,
А сам прыгнул впереди ее,
На расстоянии пятисаженного желтого павода.
Столкнутая под берег лошадь
Завязла в черной грязи по подушку седла,
И он пять раз принимался тянуть,
Но не мог вытащить.
А между тем, стоящие на берегу
Лютых шесть богатырей,
Рубя своими стальными мечами,
Роняли на него красную землю
Комками величиною с кибитку.
При явной опасности
Быть заваленным землею вместе с лошадью,
Он, спасая себя, оставил лошадь,
Вошел в белые волны,
Сбегавшиеся как горы,
И поплыл.
Между тем, назади,

Подобный сновидению, Богдо
Сидел в своем желто-пестром дворце
За пиршественной арзою,
Со своими шестью тысячами и двенадцатью
Солнце-красными богатырями.
Пронеслась молва,
Что девяти-тысячный табун,
Пасущийся на горе Алтае,
Пьющий воду в море Шартак,
Угнал сильнѣй, лютѣй
Желто-мангусский хан,
А владыка Джангар-хан
Об этом до сих пор не имеет известия.
Пастух Аксагал-бадай,
Боясь славного Богдо,
Не смел его уведомить,
Взял твердую таволгу,
Выросшую на отлогостях Алтая,
Длиною в сажень с аршином,
Проткнул себя сквозь сердце
И, пав на опромный камень
При подошве Алтая,
Испустил дух.
Кэй Жилбану приказано,
Чтобы он сел на своего облако-быстрого пе-
того коня
И в течение трех недель
Воротил и слуг, и табун,

И Аранзула-рыжку,
А когда воротятся люди
И Аранзул-рыжко.
Пусть богатыри
(Гордость страшных Мангусов тороплива,
Чортэвы послы скоры)
Дорогого, как жизнь, моего рыжку
Кормят и хорошенько караулят;
Таково решение хана Джангара.
Поехал Кэй-Жилбан к табуну
На быстром пегом своем;
Подъезжает —
Не видно следов табуна на Алтае,
Сгладились следы, по которым
Ходил табуны на водопой
К нектарному—белому морю.
Заросло место ставки
Под тенью сандаального дерева.
В недоумении он остановился, смотрит.
Поехал на пегом искать,
В какую сторону ушли.
Едет, смотрит
И напал у рукава реки Харганта на след,
Где кучей гнали табун.
По трем большим дорогам след табуна,
Направление — к стороне солнечного заката
Померял, посмотрел — видно, что прошло
Около восьми недель со дня угона.

На быстром пегом коне
Подъезжает он к золотому помосту;
При дверях желто-пестрого дворца
Пустил лошадь, замотав поводья на седло,
Вбежал пред лицо Богдо-хана,
Снял белый шлем,
Положил его на свои колени,
Пригладил чуб к косе
И сидит, смотрит на ножки трона²³.
Обратив внимание,
Славный князь Богдо повелел²⁴:
— «Гой! Даруга Жилбан!
Без желтого ли мой лама?
Все ли на-лицо мои подданные,
Кругом облегающие Алтайские горы?
Хороши ли дела,
И все ли сановники при своих делах?»
Отвечает: — «все благополучно».
— «Стремянной моего Аранзула-рыжки,
Арак-Зула Мангнай,
Со своими дорогими, как жизнь,
Четырьмя тысячами товарищей,
С Аранзулом-рыжкой,
Попивают ли арзу,
Здоровы ли?»
— «Исправно», — отвечает он.
— «А здоров ли мой табун?»
— «Славный князь Богдо мой,

Вонмите в своей ясности!
Нег табуна, ни Аксагал-Бадая
И его пятнадцати товарищей пастухов». .
— «Что! Что ты говоришь?»
И Джангар трижды ударил
Своими десятью златоцветными белыми пер-
стами,
Изволил приподняться и сесть на трон.
— «Разве нет следа,
В которую сторону они ушли?»
— «Поискавши, я напал на их след!
Около реки Харганта.
По следам видно,
Что уже восемь недель прошло.
А направление их
К ногам заходящего солнца». .
Славный Богдо сказал:
— «На западной стороне
Не было человека,
Который был бы зол на меня.
Хотя сначала и такое было направление,
Но должно быть,
Они завернули куда-нибудь.
Алтан-Цэджи!
Разве ты не знавал
На девяносто девять лет вперед?
И разве ты не рассказывал безошибочно
За семьдесят лет назад?»

Кто с западной стороны
Мог угнать мой табун?
Разгадай это».
Алтан Цэджи
Положил себе под затылок шелковую подушку,
Десять своих пальцев скрестил на груди
И, по приказу хана,
Предался размышлению.
Приподнявшись, доложил хану:
— «Средним бегом Аранзула-рыжки
До того места десять месяцев. пути,
А на обыкновенных лошадях
Триста тридцать шесть месяцев пути.
С нашей стороны
Он защищен черным морем.
Он опустошил семь государств.
Собственно при нем
Семьсот тысяч богатырей.
Его зовут грозный Замбал-хан.
У него телохранителем Хашь-Хула,
У которого красная лошадь.
Величиною с гору.
У него на смерть людям
Черные копыя у стрел
В ширину ладони.
Куда скажет,
Туда и попадет своею стрелою.
При нем шесть богатырей,

Похожих на ярого Хонгора.
У этих шестерых
Шестигранные арканы
Во сто сажен.
Они вогнали табун
На единственный брод черного моря.
Ширина моря пять месяцев пути,
А табун плывет пять недель.
Наш богатырь Сабар
По той же дороге
Столкнул с берега
Своего быстрого, темно-рыжего коня
И засадил его в грязь
До подушки седла,
Приподнимал, вытягивал,
Не мог выдернуть.
Между тем, сверху
Шесть богатырей,
Рубя мечами землю,
Бросают на него глыбы
Величиною с рослого быка.
Он, когда приходилось ему быть
Завалену землею вместе с лошадыю,
Оставил лошадь, бросился в море
И поплыл по волнам;
А волны величиною с гору
И бьются друг о друга.
Он плывет уже две недели»...

Богдо сказал:

— «Я уже семь перерождений

Знаюсь с грозным Замба-ханом

И его богатырями.

С ним я не имел ссоры.

И ныне я у него ничего не взял.

Пусть лопнут копыта

Моего Аранзула-рыжки,

Пусть изломается мой сандальный укрюк,

Если я когданибудь

Не ворочу с тебя этого!

О, девяти тысячный

Кроваво-рыжий табун мой!

Если бы пришлось мне продать моих коней,

То за последнего жеребенка

Я не взял-бы ста тысяч кибиток!

Как бы они не успели рассеять

Мой табун в десять стран,

Пока я успею, нагнать их.

Эй, Жилбан мой!

Приведи моего Аранзула-рыжку!»

И из глаз его брызнули

Градоподобные слезы.

В ответ на это,

Из среды

Трех тысяч богатырей правой руки

Доложил хану Улан-Хонгор.

А этот Улан-Хонгор,

Внук Окту-Ширгэна от сына,
Внук Тумул-гэлту-хана от дочери,
Сын Букумунгун-Шикширгэна,
Родился от Зандан-Гэрэл
На двадцатидвухлетнем ее возрасте.
Он хотя бы сто лет терпел мучения,
У него не в обычае
Сказать: «ох!»
Хотя бы шесть лет без остановки
Его били нагайками,
Он не ошибется в трех словах.
А предприимчивость его такова,
Что он один, пешком,
Выдернув с корнем и положив на плечо
Сандальное дерево,
Пускается на шестьсот тысяч войска,
Готового к сражению.
Он так ловок,
Что в самом трудном положении
Может, не надевши,
Перепрыгнуть чрез восемь тысяч укрюков.
Раз он семьдесят месяцев
Бился с врагами;
Его конь—сивый лыско —
Получил тысячу ран,
А сам он получил две тысячи ран.
В крови от ран
Его желтый шелковый панцырь был похож

На битую верблюжью шерсть.
Его спина,
Подобная полнорослому, стройному сандалу,
Согнулась, как лук.
Его красное лицо,
Подобное полной пятнадцатидневной луне,
Сделалось подобно пеплу погасшего огня.
Его ясные глаза помутнились.
Его крепкие черные пальцы потеряли силу,
И он побежал.
За ним погнались,
Таких же сильных, как он,
Сто богатырей,
Со стасаженными копьями,
Нагнали его на ста быстрых лошадях,
Все сто кололи его копьями
И напирали на него
Быстротою своих лошадей,
Но не могли покачнуть его
На его серебряной седельной подушке.
Этот-то Улан-Хонгор
Сказал Джантару:
— «Соблаговоли мне дать
Своего Аранзула-рыжку
Со своим позлащенным мишилем²⁵.
К концу десятого месяца
Я пригоню и напою твой табун
У нектарного белого моря».

Славный Богдо изрек:

— «В сражении со врагами

Ты мое острое копье!

Ты мой жадный волк,

Нападающий на десяти-тысячное стадо баранов!

Ты мой быстрый белый балабан,

Плавнo пускающийся за добычею!

Ты мой золотой столп

Среди моего Алтая!

Ты мой взрослый сын Гаруди!

Ну, мы все лично

Шесть тысяч и двенадцать

Отправимся догонять табун».

— «Государь князь Богдо мой!

Нет надобности отправляться

Всем двенадцати и шести тысячам.

Я пойду один.

Если я не уничтожу

Семь поколений

Грозного Замбал-хана,

Пусть я в этой жизни

Умру среди бесчестья,

И в будущей жизни

Пусть я подвергнусь

Смертельному наказанию от Эрлик-хана».

Как только он это договорил,

Арак-Зула-Мангнай

Привел льва-рыжку,
И хан соблаговолил дать Хонгору
Своего быстрого прекрасного рыжку
И свой позлащенный мишиль,
И чистым белым талисманом
Благословил его чело.
Он сел на поджарого, быстрого рыжку
И поскакал на запад.
Он отправился,
Объехав восемь тысяч Алтаев по солнцу.
Не дневал, не ночевал,
Пустился вплавь чрез черное море
И ровно сорок девять суток плыл,
Держась за гриву лошади.
Около него бьются белые волны,
Величиною с гору.
Увлекаемые волнами камни,
Величиною с быка,
Бьют его по бокам.
Его белая грудь затуманилась;
Железное сердце его бьет о грудь.
Он увидел тыл табуна
И взглянул вперед его.
Там старый рыжко-жеребец припыл²¹.
Уронив на себя красный берег
Чугунно-черного моря,
Ширина которого пять месяцев пути.
Поглядел на красный берег:

Там сидят богатыри,
Не уступающие Хонгору,
Выдержав своих восемь тысяч лошадей,
Кричат и гикают.
Впереди табуна
Быстрый рыжий жеребец,
Сбергая около четырехсот
Уставших старых лошадей,
Плыл, принимая на себя быстроту течения.
Между тем,
Плыл за табуном и богатырь Сабар.
Волны черного моря
Ударяли с той и другой стороны
В его сквозную рану
От холодной, черной стрелы.
Ослабели его члены.
Широкая, белая грудь его
Покрылась туманом,
И он подумал:
— «Видно, я обречен умереть на дне моря
В зубах любезных осетров».
Подумав, он вскрикнул.
Трижды он вскрикнул,
И от этого крика
Лопнули пузыри у водяных жителей;
Существа, находившиеся на горах,
Упали к подошвам.
Затем он воскликнул:

— «Найдешь ли где место,
Выше величественной горы Алтая?
Найдешь ли государя
Выше Хубилгана-Чиндамани-Богдо?»
Когда он воскликнул,
На его крик отвечал ржанием
Старый рыжий жеребец,
Повернул направо назад,
И за ним со ржанием поплыли все.
Поплыл жеребец по верху волн,
Нашел уносимого течением Сабара,
Подплыл к нему
И дал схватиться за свою гриву.
И Сабар поплыл,
Сев на старого рыжку.
Поплыл весь девяти тысячный табун,
И плыл ровно два месяца.
Завидели прежний берег
За три месяца пути.
Находившиеся на этом берегу
Грозные шесть богатырей
Сторожили единственный выход на берег.
Табун приблизился,
И по тому же самому
Единственному подъему
Вышел на берег.
Шесть богатырей не могли удержать табун.
Передовые лошади стремительно пустились

К бело-серебряной горе.
Богатыри скакали
Во всю прыть своих лошадей,
Но не могли заворотить табуна;
И уже с востока,
У величественной горы Алтая,
Поднялась к небу тонкая красная пыль.
Как поднялась пыль,
Вышел на берег и остаток табуна.
Старый рыжко-жеребец
Оставался назади.
Погрязший в грязи Курунг-лыско
Разлягал грязь и вышел.
Сабар сел на свою лошадь
И смотрит за табуном.
Табун, напав на старые три дороги,
Прямо стремился
К бело-серебряному Алтаю,
Вместе с шестью богатырями.
Но Улан-Хонгор,
Сидя на своем быстром рыжке,
Положа на плечо
Позлащенный сандальный мишиль,
Отбил их от табуна
И кружился около них
На отлогостях белой горы,
Быстротою своего рыжки
Избегая их укрюков.

Быстрый рыжко-Аранзул,
Послушный всякому движению седока,
На одном месте
Повертывался семьдесят пять раз.
И ровно сорок девять суток
Они кружились на отлогостях белой горы,
И редкие в свете шесть богатырей
Не могли захватить свочми шестигранными
укрюками

Ни его, ни лошади.
Хонгор поглядел назад.
Тяжелорукий Сабар,
Сидя на своем поджаром лыске Курунге,
Блестя на солнце своим желтым топором,
Во всю прыть своей лошади
С криком подскакал к Улан-Хонгору,
Когда тот, на своем быстром рыжке,
Кружился на отлогостях серебро-белой горы
Около шести прозных богатырей.
Один из среды их, Наран-Улан,
Богатырь на рыже-пестрой лошади,
Величиною с гору,
Выскакав, один напал на Сабара,
Угрожая его жизни
Длинным сандальным укрюком.
Прекрасный Курунг лыско
Был ловок во всех военных движениях.
Он заметил нападение с арканом,

Насторожил свои уши,
Острыми глазами пристально смотрел
На двенадцать свертков аркана
И приготовил к прыжку свои копыта,
Подобные чашечкам.
Как только взвизгнул аркан,
Вспрыгнул Курунг и отскочил;
Отскочив, попал в средину
Пяти богатырей.
Кинутый аркан, не развернувшись,
Упал под копыта Курунга
На шесть сажен.
Пока Наран-Улан
Правою рукою снова собирал
Шелковую петлю аркана,
Его лошадь дала случай
Набежать на нее сзади
Быстрому рыжке-Аранзулу,
А Улан-Хонгор
Позлащенным мишилем своим — хватить!
И проскакал.
Быстро проскакал рыжко,
И когда Хонгор оглянулся назад,
Наран-Улан, как баба,
Качался на седле,
И свалился, как гора.
На прекрасном ровном месте
Хонгор повернул своего рыжку

И снова приближается.
Попавший в средину пяти богатырей,
Сабар
Со своим лыском Курунгом,
Отмахивался топором направо и налево.
Вместе с Улан-Хонгором,
Они при подошве высокой белой горы
Осадили богатырей,
Быстро кружась около них
На своих отличных лошадях,
Отняли у них укрюки
И отрубили им головы.
Потом поймали их прекрасных лошадей,
Поймали также Улана,
Лошадь Хашхи-Хулы,
Найдя ее в углублении
На южной стороне высокой белой горы.
К правым щекам этих окаянных
Приложили неизгладимое в продолжение пяти
поколений
Прекрасное Сабарово тавро,
Изображающее огниво;
А на левых щеках их,
Чернильно-черною кровью
Этих же богатырей,
Написали письмо.
В письме сказано:
«Желто-мангусский царь,

Имеющий семьдесят тысяч богатырей
И опустошивший семь стран,
К тебе мы пишем,
Бацак-Улан-Хонгор
С богатырем Сабаром.
На подсолнечной земле
Вот какие новости:
Мы хотим истребить твой народ,
Разрушить высокий
Желто-пестрый город твой,
Опустошить твое царство.
Ты нам враг, в этой жизни,
Будешь врагом и в будущей.
На будущий год,
В восьмое число первого летнего месяца
Иди сражаться с нами.
Местом сражения будет
Эркэлук—сребро-белая гора;
Она обросла высокими сандалными деревьями
И изобилует прекрасным водопоем.
Непременно иди сражаться
По этому письму.
Если не хочешь сражаться,
Отдай дань вперед за сто лет
И проси прощения в своих проступках
За шесть лет».
Потом они концом укрюков
Прокололи семь голов

Сквозь скважину на верхушке,
Обломали рукоятки укрюков
И привязали головы
На ремешки из кожи кабарги
В торока к их лошадям
Так крепко,
Чтоб никто не мог отвязать.
Лошадям закрепили седельные подпруги,
Привели их к единственному броду черного
моря

И, начав колоть мечами,
Вогнали в море.
Вогнанные в воду лошади
Поплыли чрез море,
Среди волн величиною с гору.
Прогнав лошадей побежденных богатырей,
Они пустились бежать в бег,
На расстоянии трехмесячного пути,
Положив себе целью Алтай...
Ослабляя поводья лошадей,
Они разговаривали:
— «Посмотрим,
Которая из двух лошадей быстрее,
Курунт ли,
Обежавший кочевья четырех тысяч ханов,
Или Аранзул, быстрый рыжко,
Обежавший четыре части света?»
— Ну!—

И ослабили поводья.
На место,
Отстоявшее на десять месяцев пути²⁷,
Прибежали они
В половине сорок-девятого дня.
Прекрасный Курунт-лыско
Прибежал вперед рыжки
На расстоянии длины веревки.
Глядят они вперед —
Гора Алтай величественно стоит,
А море Шартак покрывается туманом.
Когда они приехали
На своих львах-лошадях
На луговую сторону Алтая
И приблизились к желтому шелковому зна-
мени,

Им вышли навстречу
Изумленные шесть тысяч
И двенадцать богатырей,
Сняли их с лошадей,
Подхватив под руки,
И привели пред высокого Богдо,
А лошадей пустили на зеленую траву.
Вошли два отсутствовавшие богатыря,
Сняли свои шлемы
И пред престолом хана Джангара
Трижды поклонились своими прекрасными
головами,

Славный князь Богдо сказал:
— «Моим черно-пестрым тиграм,
С ревом рыщущим
По вершинам черных гор,
Моим черным стальным пиковальным,
Разбивающим для меня трудность,
Моим быстрым белым балабанам,
Плавно пускающимся на добычу.
Двум столбам среди моих алтайских лугов,
Моим двум обузданным сынам Гаруди
Ну!

Воротившимся с победою
И возведшим солнце в ушах своих лошадей,
Моим двум сильным богатырям,
Подайте арзы!»

Удостоив, как следует, арзой,
Джангар расспросил их про военные дела
И потом соизволил сказать:

— «Дорогой, как жизнь, табун

Весь здоров воротился.

Я обещаю обоим вам дать

По тринадцати вашим просьбам

И прощу вам по три смертных вины.

В продолжение десяти перерождений

Я дам вам держаться за полу

Своего желтого, шелкового панцыря»...

Гэ-эй!

Мирское правление укрепил, как скалу;

Веру Будды возвел, как солнце;
Настала бессмертная вечность;
Правление сделалось бесспорно твердо,
И настало вечное лето.
И он, Джангар,
В своем желто-пестром дворце,
С шестью тысячами и двенадцатью своими бо-
гатырями,
Наслаждается,
Сидя у чана с арзой.
Взошло солнце, как балдахин.
Сокол и ястреб
Носятся в небесном пространстве.
Свет осьми тысяч драгоценностей
Отразился в небе трехцветною,
Желтою,
Голубою
И красною
Радугою.
Слава драгоценности Джангара
Сделалась предметом удивления в поднебесной
И предметом истории в кочевьях
Осьмидесяти тысяч великих ханов.
И истории конец.

ПРИМЕЧАНИЯ

Имя И. И. Попова ничего не говорит ученым-калмыковедам и фольклористам. И не знают о нем прежде всего потому, что имя Попова почти никогда не появлялось в печати. А между тем, этот человек заслуживает внимания и оценки. Правда мы вынуждены сообщать о нем то, что, к сожалению, известно большей частью по слухам.

Иван Иванович Попов большую часть своей жизни провел на Дону. Еще в девяностых годах прошлого столетия он, после окончания лейпцигского университета, уехал в глушь донских степей. Что заставило Попова поселиться в глуши—неизвестно. Вряд-ли можно думать, что конский завод, который достался Попову по наследству, мог послужить причиной отшельнической жизни молодого человека, особенно после Лейпцига. Поселившись в степной балке Аюла, И. И. Попов почти безвыездно прожил там более двадцати лет. Единственными товарищами его разъездов по степи были табунщики-калмыки. Калмыков вокруг Аюлы

было много. И вот, живя в глуши, Попов все свое свободное время посвящает изучению этнографии донских калмыков.

Интерес к калмыкам превратился у Попова в страсть. Он ездит от зимовника к зимовнику в поисках материалов и непрерывно записывает. И, тем не менее, И. И. Попов не был маниаком, представлявшим этнографию калмыков как самоцель. Очевидно, время от времени напоминая о себе лейпцигским коллегам, он получает по почте все, что появляется в печати о калмыках не только в России, но и в Европе. Так постепенно растет библиотека Попова, которой, судя по ее жалким остаткам, мог бы позавидовать любой ученый-монголист.

Трудно сказать, что больше всего интересовало Попова. Он записывает исторические сведения о калмыках, делает многочисленные переводы специальных исследований, ведет записки, просит калмыков делать для него различные рисунки, фиксирует обряды, но охотнее всего изучает фольклор. Можно, пожалуй, сказать, что И. И. Попов был фанатиком в собирании калмыцкого фольклора. Он собрал множество сказок, пословиц, загадок. Лет пятнадцать тому назад Попов умер. В 1938 г. Б. В. Лунин, пользуясь материалами архива, подготовил к печати и издал часть сказок, собранных Поповым («Сказки донских калмыков». Записал и перевел И. И. Попов, литературная переработка Бориса Лунина, Ростиздат, 1938). Однако, большая часть собрания Попова еще не опубликована. Часть этого собрания (девять книг) хранится в Архивном отделе УНКВД Ростовской области; часть исчезла в то время, когда фонд Попова находился в бывшем Ростовском областном архивном управлении.

Публикуемые в настоящей книге отрывки: «Бумба—земля Джангара», «Богатыри поздравляют Джангара»,

«Голубой конь Улан-Хонгора», а также законченная «Песня об Улан-Хонгоре» — напечатаны по рукописи Попова. Рукопись эта представляет собою большую тетрадь типа конторской книги. Тетрадь содержит калмыцкие записи и частично русский перевод «Джангара», сделанные И. И. Поповым в декабре 1901 г. Как видно, Попов несколько раз вписывал отдельные отрывки, т. к. на титульном листе значится: «Перевод разных сочинений с калмыцкого языка на русский И. И. Попова. Том I-й, 1892». Однако песня «Поединок Улан-Хонгора с шулмусом» датирована 7 декабря 1901 г. Отрывки: «Бумба — земля Джангара», «Богатыри поздравляют Джангара» и «Голубой конь Улан-Хонгора» представляют собою эпизоды одной и той же песни, но записаны Поповым раздельно. Заголовки у Попова отсутствуют и принадлежат нам. Запись Попова предварена следующим предисловием:

«Национальная калмыцкая поэма «Джангар» — перл народной устной литературы. Это своего рода наядя некогда славного ойратского поколения монгольского народа. Она так велика, говорят калмыки, что если бы записать ее, то она могла бы сделаться выюком двадцати девяти белых верблюдов — дромадеров. И это потому, что простые двугорбые верблюды не подняли бы «Джангара»; только более сильные, чем они — дромадеры могут сделать это. Белыми же они должны быть потому, что эта поэма так чиста, белоснежна, что воз-ти ее могут только белые животные...

Особенно сильно увлекаться «Джангаром», заучивать его нельзя, он так обворожителен, так чудно хорош, что вполне овладеет душой; человек забудет все, кроме высоких поэтических образов «Джангара», бросит свое хозяйство и делается байгушем — бедняком, ходящим по разным местам и распеваящим поэму.

Подвиги фантастического князя — богатыря Джанга-

ра, по имени которого названа и сама поэма, воспеты воскресшим от смерти человеком, своего рода тенью, призраком «не имеющим рода—корня, а потому и не способным произвести плод—потомство». Поэтому кто увлечется Джангаром — будет без потомства, его род прервется. Вот что говорят наши донские калмыки по поводу своей песни — песни, своего действительно прекрасного героического сказания.

Теперь большинство калмыков говорит только эти слова и ничего больше не знает о Джангаре. Не слышно теперь ни одного барда, воспевающего так увлекавшего некогда калмыков «Джангара». Только однажды слышали мы, что в аймаках верхних улусов донских калмыков жил такой старик джангарчи (певец поэмы «Джангар»), бедный он был, бессемейный, беспутный и не было у него никакого хозяйства, ни скота, ни кибитки. Ходил он из юрты в юрту с сумкой через плечо, в которой был у него рукописный экземпляр поэмы.

Не смотрел старик в рукопись, а пел наизусть, многое добавляя от себя, многое переиначивая. Как увидит он, бывало, детей, так и говорит, улыбаясь: «Дети, милочки мои! Я расскажу вам про Джангара. Вы же дайте мне не горелую в четверть кругом из белой муки пышку да кусок масла величиной с собачью голову».

К сожалению, нам не удалось встретиться с этим могиканом певцов донских калмыков. Однако, и теперь кое-кто из наших калмыков умеет особым речитативом петь кое-что о Джангаре.

Так, бывший мой ученик Лиджи Шарапов, рассказывавший мне про упомянутого выше старика, пел маленький кусочек поэмы и говорил, что заучил его со слов некоего молодого калмыка, знавшего много про Джангара. В настоящем помещено мной слышанное от молодого калмыка Бадмы Обушинова. Кроме того, в нынешнем году был у меня учитель Обуша Сарсинов и

говорил мне, что приехавший с ним кучер—джангарчи. Вследствие спешного посещения Сарсинова и моего недосуга, мне не удалось записать знакомого этим калмыком. Если представится случай, постараюсь сделать это.

В этой-то, блещущей своеобразными поэтическими красотами и излагаемой особым цветистым, трудно понимаемым языком национальной поэмы, рельефно выставляются идеалы жизни ойратского племени. Вместо апатичного, пассивного к жизненным явлениям, погруженного в причудливый фантастический мир буддизма, с его крайними философскими абстракциями и готовыми формулами жизни народного духа родственных ему монголов, здесь обрисована жаждущая активной деятельности: похода, битвы,—чуткая к радости и горю жизни душа ойрата, находящая после военных трудов развлечения в веселом радостном пире.

Поэма Джангар — торжественный дифирамб народа своим задушевному мечтам. Достоинства и красоты Джангара являются общепризнанным фактом, хотя до сих пор она издана только литографским способом профессором Голстунским в одном калмыцком тексте без перевода. Преемник Голстунского — профессор Позднеев, также высоко ценящий «Джангар», поместил этот текст Голстунского в своей хрестоматии для улусных школ также без перевода. Причина того, почему до сих пор не снабжены переводом изданные тексты кроется, по всей вероятности, в большой трудности этого перевода, вследствие особого, изукрашенного языка поэмы, ибо по признанию господина Позднеева «в настоящую пору смысл этой поэмы доступен пониманию уже очень немногих калмыков». Если же это так, то «тем труднее достаточно понять «Джангара» русскому человеку, который в данном случае только и может быть переводчиком, ибо вполне образованных калмыков, знав-

ших в достаточной степени, со всеми тонкостями, русский язык, к сожалению, пока не имеется». Нам кажется, однако, что помянутое мнение уважаемого профессора является несколько крайним. Смысл изданных глав поэмы понятен каждому калмыку, несмотря даже на то, что в изданной редакции встречается не мало ошибок, но только нынешние калмыки не могут перевести с точностью многих украшательных слов, которыми так богата поэма. Относительно этих слов надобно однако заметить, что они могут являться присущими или только исключительно какому-либо одному из улусов наших калмыков, или быть «модными» словами в одно только время, или, наконец, измышлены исключительно одним певцом Джангара, ибо мы замечаем, во-первых, разницу в словах и словоупотреблении даже между такими мелкими делениями народа, как улусы, а с другой стороны знаем, что одно время входили в употребление некоторые модные слова, забывшиеся через несколько лет, а также, что в калмыцкой речи каждый рассказчик, согласно духу языка, изобретает особые слова, смысл которых только отчасти понятен для всех. Это слова иносказательные, слова фигуральные, слова — намеки. Несмотря на все это — приблизительный смысл помянутых слов доступен и ныне пониманию калмыков. Отсюда можно заключить, что хотя перевести Джангар и трудно, но все-таки возможно. Поэма излагается разговорным калмыцким языком и это ее главнейшее достоинство, главнейшая красота, ибо книжный язык калмыков, как язык мертвый, давно отлитый в старые неподвижные, полные монголизмов формы, никогда не может иметь той гибкости, образности, богатства, мощи и разнообразия подчас неуловимых форм, которыми обладает разговорный язык — живой, прогрессирующий, вечно обновляющийся орган непрестанной энергии народного духа.

«Джангар» поют прозой, только изредка переходящей в рифму. Содержание поэмы в известной ныне редакции, о которой уже упомянуто, распадается на две главы: глава о свирепом желтом Гюргю и глава о войне Джангара со злым черным Кинесом. В такой же форме издана поэма сначала Голстунским, а затем перепечатана в калмыцкую хрестоматию Позднеева. Однако, можно предполагать, что прежде джангарчи распевали и другие эпизоды из славных деяний их героя. Это доказывается не только вышеприведенным отзывом калмыков о величине поэмы, но также и словами Небольсина: «у калмыков есть целые поэмы, называемые Джангар, слагаемые из нескольких больших песен, из которых каждая представляет дивное диво. Они бывают таких огромных размеров, что на пересказ их надо употребить несколько суток». Эти слова лица, не знавшего языка, а потому и не знавшего содержания поэмы, надо принимать только в том смысле, что действительно у калмыков распевалось много различных редакций поэмы или много ее глав.

О существовании нескольких глав или редакций Джангара можно убедиться еще и потому, что у Бергмана приведен (хотя и короткий и весьма несовершенный) перевод одного эпизода деяний Джангара, отличный по содержанию от напечатанных Позднеевым глав. То же самое подтверждается еще тем, что нашему известному, давно уже усопшему, монголисту А. А. Бобровникову была доставлена одна из глав Джангара, которая и помещена им в русском переводе в «Вестнике императорского русского географического общества» за 1854 г. (стр. 99). Содержание этой главы опять-таки совершенно различно от других указанных глав.

Помещая этот перевод, Бобровников предпослал ему свои критические соображения, с которыми, однако, ни-

как нельзя согласиться. Верными из всего этого являются только следующие замечания: «рассказчики любят прикрашивать речь словами иногда без всякого смысла и вообще очень любят эпитеты». Поэтому то, по признанию Бобровникова, его желание сделать перевод возможно близким к подлиннику и передать не только содержание, но и самый способ выражаться, не могло исполниться.

— «Я должен сознаться»,—говорит он,—«что некоторые слова и выражения или явно бессмысленные или непонятные я пропустил». Не имея в руках подлинника, бывшего у Бобровникова, конечно, трудно судить о достоинстве перевода. Несмотря, однако, на это, каждый интересующийся монголо-калмыками обязан знаменитому нашему монголисту глубочайшей признательностью, так как благодаря ему мы имеем единственный перевод на русский язык прекрасной калмыцкой поэмы. Если ученая скромность Бобровникова не позволяла ему говорить о своем переводе хвалебно, тем приятнее при знакомстве с калмыцким текстом упомянутых глав Джангара убедиться в высоком достоинстве перевода. Такое убеждение складывается из того, что во всех известных нам главах Джангара попадаетея не мало общих, как бы стереотипных выражений, которые и переданы Бобровниковым образцово. Кроме того общий дух Джангара передан здесь в полной неприкосновенности» (Л.л. 4—5).

Кроме того, И. И. Попов касается своих записей «Джангара» в отдельной заметке, включенной в эту же тетрадь. Заметка эта озаглавлена: «Кое-что по поводу моего сообщения в Донской музей о следах военно-исторической песни в народной устной литературе донских калмыков». Приводим ее с некоторыми сокращениями:

«В прошлом, 1901 году, летом, случайно завернул ко

мне на зимовник, служащий в Донском музее член статистического Донского комитета Иван Михайлович Сулин. Насильно почти навязался я на знакомство с ним.

Я сообщил ему о своих занятиях калмыцким языком. Он обещал мне прислать сочинение Лепехина, в котором говорится кое-что о калмыках. Осенью того же года получил я сочинение Лепехина и два письма: одно от Сулина, другое от управляющего Донским музеем Харитона Ивановича Попова, которому сообщил обо мне Сулин.

В своем письме Попов, прилагая при том программу собирания коллекций для предстоящего в 1902 г. Харьковского Археологического съезда, просил меня сообщить кое-что о донских калмыках.

Я предпринял было зимовку в степи для работы над темой: «О следах военно-исторической песни в устной литературе донских калмыков»; причем, намеревался сперва познакомить читателя с «песнью песен» калмыков «Джангаром», затем упомянуть о песнопении про Чимбог-хана и, наконец, познакомивши интересующихся с общим характером песни донских калмыков, присоединить сюда же образцы нынешних военно-исторических песен.

Я начал с того, что записал со слов некоего Бадмы Обушинова то, что он знал о Джангаре, предпославши ей несколько предварительных слов. Этот рассказ Обушинова поместил я в калмыцком тексте, русской его транскрипции и русском же переводе.

Однако, очевидно, мое сообщение не пригodiлось, не понравилось, и о нем пока ни слуху, ни духу. Начало осталось началом. Меня больше не просили продолжать, а я промолчал.

На всякий случай помещаю здесь то, что писал я для музея: «О следах военно-исторической песни в устной литературе донских калмыков».

«Единообразность кочевого, пастушеского образа жизни, который с искони и донныне ведут многие племена, называемые общим именем монголов, вытекающие отсюда: поклонение традиции, а также постоянное смешение этих племен — способствовали тому, что в них не могло развиться слишком много резких отличий одного от другого, ни в языках, ни в наречиях, ни в идеалах, стремлениях и симпатиях, ни наконец, в отражении всего этого в писанной и устной литературе.

Данные истории находят полное подтверждение и в народной устной литературе калмыков: их сказаниях, песнях, сказках и т. п.

Устная народная литература всех монгольских племен вообще, за исключением весьма немногочисленного, несовершенного и неточного, рассеянного в различных трудах, посвященных монгольскому народу, продолжает оставаться почти совершенно неизвестной цивилизованному миру. Только в 1888 году появился единственный и по сие время (написано в 1902 г. В. З.) превосходный труд профессора А. М. Позднеева «Образцы народной литературы», где им в тексте, транскрипции и русском переводе представлены с обширными комментариями 85 песен различных племен монгольского народа; тем же Позднеевым помещены в «Записках императорского русского археологического общества» несколько калмыцких народных сказок.

Об издании же песен потомков ойратов-калмыков, астраханских, ставропольских или донских — пока и не слышно.

Не касаясь устной литературы астраханских и ставропольских калмыков, в настоящем хотели мы представить несколько из тех песен донских калмыков, которые по предмету не могут быть названы военно-историческими песнями и которые, очевидно, далеко не в полном виде сохранились ныне в народной поэзии.

А между тем, калмыки с самого первого появления в пределах России, становятся в непосредственное соседство с таким же воинственным энергичным народом, как донские казаки. Очевидно при таком соседе дело не обошлось и без взаимного друг на друга влияния, а потому и история калмыков в России есть часть истории войска донского, ибо большинство крупнейших событий в жизни как донских казаков, так и калмыков не обходилось без взаимного участия.

Начиная говорить о песнях донских калмыков, мы переходим во времена глубокой седой старины—времена, когда целые народы были титанами—колоссами в военной борьбе, но простодушными наивными детьми по духу, а потому мы и просили бы смотреть на произведения этого духа—песни калмыков—именно с этой точки зрения.

Новая жизнь, постепенно прогрессируя, медленно, но неустанно и неуклонно разрушает кочевые устои жизни степняка-калмыка и гасит те искорки народной поэзии, которые некогда, подобно тысячам светлячков, мерцали среди сурового мрака его жизни.

Но еще недавно, лет пятнадцать—двадцать тому назад, у донских калмыков попадались специальные певцы, носившие прозвище «джангарчи», от имени той поэмы, которую они преимущественно пели — «Джангар».

Калмыцкая поэма Джангар была, говорят калмыки, «так велика, что если бы записать ее, то она могла бы сделаться выюком 99 белых верблюдов-дромадеров».

...Недавно слышали мы, что один молодой калмык знает кое-что из «Джангара». Это побудило нас обратиться к нему с просьбой рассказать нам о «Джангаре»...

Дальше И. И. Попов повторяет сведения о старике-джангарчи, а также о Бадме Обушинове (см. выше). Разумеется, примечания И. И. Попова сделаны собирателем-дилетантом, но они интересны и не лишены значения.

„БУМБА—ЗЕМЛЯ ДЖАНГАРА“

¹ Унин — шест у кибитки, служащий опорой для крыши.

² Маджи-малыйн — животный жир.

³ Куджи — благовонное дерево, из которого изготовлялись особые свечи для воскурения фимиама.

⁴ Енгер — род серебра.

⁵ Энчин — сирота, т. е. в данном случае — дерево, выросшее одиноко.

⁶ Гулза — эпитет, относящийся к серебру, как выше серебро енгер.

⁷ Мангус — многоголовое чудовище.

⁸ «Потянуть сверху, так нет у гривы корня; потянуть снизу, так нет основания у хвоста» — трудно переводимое выражение, означающее одиночество; т. е.: ни впереди, ни сзади нет никого, кто мог бы оказать помощь, поддержать.

⁹ Тоджи — слово, определяющее шелк.

¹⁰ Дэльду — так же, как и «гулза» и «енгер» — слово, определяющее особый сплав серебра.

¹¹ Лабари — как и «тоджи» — эпитет, относящийся к шелку.

¹² Гаруди — царь-птица, мифический образ.

¹³ Анчитой — выделяющаяся.

¹⁴ Очир — знак власти.

¹⁵ Бумба — в данном случае нечто, вроде купола.

¹⁶ Цацак — род кисти, украшающей купол.

¹⁷ Хурул — храм.

¹⁸ Бэрэ — мера длины, равная, примерно, семи верстам.

„БОГАТЫРИ ПОЗДРАВЛЯЮТ ДЖАНГАРА“

Эта песня связана с первой, но записана Поповым отдельно.

¹ Аксак — боевой.

„ГОЛУБОЙ КОНЬ УЛАН-ХОНГОРА“.

Эта песня — как бы продолжение предыдущей. У Попова — как отдельная запись.

¹ **Тунгджурмуды** — легендарно-быстрые лошади.

² **Хормуста** — божество, владыка тридцати трех тэнгриев-небожителей, якобы обитающих на горе.

„ПЕСНЯ ОБ УЛАН-ХОНГОРЕ“.

Улан-Хонгор — самый могучий богатырь Джангара. Песня представляет собою сюжетно законченное произведение.

¹ **Арза** — хмельной напиток, изготавливаемый из молока.

² **Харачи** — круг для дымохода (в кибитке), вроде обруча.

³ **Цагрык** — крепление харачи.

⁴ **Дерево-ганга** — вероятно—дерево, выросшее на берегу реки Ганг.

⁵ **Нойон** — владетельное лицо (см. вступительную статью).

⁶ **Тарпан** — исчезнувшая ныне порода диких лошадей.

⁷ **Шулмусы** — дьяволы — злая сила.

⁸ **Сагак** — буквально щетка на ноге лошади; здесь — как определение высоких копыт коня Хонгора.

⁹ **Бийзэ** — род верхней одежды, разновидность бешмета.

¹⁰ **Оток** — стойбище отдельного поколения, рода.

¹¹ **Мусы** — многоголовые чудовища.

¹² **Бэрэ** — мера длины.

¹³ **Хурул** — храм.

¹⁴ См. примеч. 6.

¹⁵ **Цахары** — в древности — дворовые люди, жившие

позади кибитки нойона. Здесь, очевидно, речь идет об оруженосцах богатырей, «младшей дружине».

¹⁶ Тэшимэлы — знатные люди.

¹⁷ Бер — молодая замужняя женщина.

„О ПОДВИГАХ ВЫСОКОГО БОГДО ДЖАНГАРА“.

Напечатано в «Вестнике императорского русского географического общества» за 1854 г., ч. XII со следующим примечанием редакции:

«Помещаемая здесь народная калмыцкая сказка Джангар, доставленная из Астраханской губернии членом—сотрудником Н. И. Михайловым, составляет один из любопытных памятников из устной калмыцкой поэзии. Рукопись, полученная от г. Михайлова, написана на калмыцком языке и содержит в себе полный список сказки в том виде, как она рассказывается, или, вернее сказать, распевается у калмыков Багацохуровского улуса. Переводом этой сказки на русский язык мы обязаны знатоку калмыцкого языка состоящему при Казанской духовной академии магистру А. А. Бобровникову, который, рассмотрев калмыцкую рукопись, по просьбе Этнографического отделения, доставил полный перевод Джангара, сделал к нему примечания и присовокупил критический отзыв о достоинстве списка и о значении сказки. Отзыв этот служит целиком необходимым введением к переводу и помещается здесь целиком».

А. А. Бобровников снабдил свой перевод комментариями, которые мы в основном сохраняем.

¹ Богдо—эпитет, придаваемый к именам знаменитых лам и царей. Переводят этот эпитет словом святой; но оно не дает мысли о нравственной святости, особенно в приложении к именам ханов. Кажется, лучше переводить его словами необыкновенный, чудесный. Но

так как в настоящей сказке богдо часто употребляется вместо имени Джангара, то, мне кажется, лучше оставить его без перевода.

² **Мани** значит драгоценность. Так, между-прочим, называются известные шесть священных буддийских звуков: ом-мани-пад-мехом.

³ **Дворец** в подлиннике назван бумбаибай; также ниже названы жилища лам. Это слово, сколько мне известно, не принадлежит ни к какому языку. Вероятно, оно изобретено самим рассказчиком. В другом списке Джангара этого слова нет: дворец называется калмыцким словом орго, означающим княжескую палатку.

⁴ **Мангус** — баснословное, чудовищное, злое существо.. Здесь хотя под мангусами очевидно разумеются люди, но нет никакого основания принимать мангусов за какой-нибудь определенный народ; мне кажется, что здесь это слово значит не более, как иностранец, варвар.

⁵ Здесь море называется Бомбо, и к имени Иртыша придается эпитет бомбо только для красного слова.

⁶ **108** — число священное. Есть 108 бодисатв. Четки буддийские имеют 108 шариков.

⁷ **Очир** — от санскритского ваджра. Так называется, между прочим, вещица, служащая символом власти старшего ламы. Изображение этой вещицы утверждают на шпичках капищ и княжеских домов.

⁸ **Хабтар-хонгор** здесь однажды только упоминается. В другом списке Джангара нет этого имени; но там есть не упоминаемый здесь богатырь Булкурин-санал. Так как этот последний также известен своим арканом, то, мне кажется, Хабтар-Хонгор и Булкурин-санал — одно и то же лицо под разными именами. Булкурин-санал знаменит мутнокрасным чемоданом, в глубине которого может прыгать верблюд, и трехсотсаженным арканом, которым он может зараз поймать 10

тысяч человек. Аркан, или укрюк состоит собственно из веревки; но для удобства накидывать аркан употребляют длинную тонкую жердь. Вережку навешивают на эту жердь в виде петли и накидывают на голову лошади. Когда веревка попадает на голову лошади, она должна сбегать с жерди: для этого жердь должна быть ровная и гладкая. Поэтому употребляемые здесь выражения «12 шипов аркана», и ниже—«двенадцатихвостный укрюк», если принимать их в собственном смысле, несообразны с существом дела. Чтобы эти выражения имели какой-нибудь смысл, кажется, надобно под шипами и хвостами разуместь грани, т. е., что или веревка сплетена в виде шнурка многогранного, или жердь выстругана не кругло, а в виде призмы.

⁹ В подлиннике дунгурай—это слово, мне неизвестное. Я перевожу его словом кружок, по догадке.

¹⁰ Буддисты в центре нашего мира изображают огромную гору Сумэру. На вершине этой горы живет Хормуста с тридцатью тремя подчиненными ему небожителями (тэнгри): это — первый, низший разряд небожителей. Дакини значит летающая по воздуху; это — духи женского пола, им приписывается знание таинственных изречений и вследствие этого сверхъестественное могущество. Панча-ракча значит «пять хранителей»; это — пять духов. Этим же именем называется одна книга, состоящая из пяти глав, в которой преподается пять таинственных изречений.

¹¹ Буддисты верят, что должны прийти на землю 1000 будд. До сих пор пришли четыре; ожидается пятый — Майтари. Когда Шакимуний отправлялся на землю, он оставил этого Майтари, состоящего пока еще в звании бодисатвы, на небе, в царстве Тушит, вертеть колесо учения для небожителей, в ожидании очереди явиться буддою на земле.

¹² Арка называется простая молочная водка. Арза—

также молочная водка, но дважды перегнанная. Зимой у кочевых коровы и кобылы перестают доиться, а потому прекращается и выгонка молочной водки. У Джангара водка раздается во все четыре времени года; это показывает его необыкновенное богатство.

¹³ По другому списку Джангара, этот богатырь знает за 99 лет назад и угадывает на 99 лет вперед. Через десять лет может он распознать след паука и через двадцать лет узнает след червяка. Во ста странах разбирает дела, с шести стран берет дань. Когда придут к нему судиться сирота со знатным человеком, он посадит их в отдалении и, заставив говорить, судит по их словам. Не увлечется он жалостью к сироте, не скривит душою для знатного, а разберет дело, как следует.

¹⁴ Махаранджи значит великий царь. Так называются 4 небожителя, тэнгрия, обитающие на ступенях горы Сумэру.

¹⁵ По другому списку Джангара, этот богатырь—самый любимый богатырь Джангара, отличается высоким ростом (он выше всех богатырей головою) и удалством. Кроме того, он в шести странах известный лжец, в семи странах славный вор, в восьми странах известный гуляка, и проч.

¹⁶ К обухам и остриям придаются числа, кажется, без всякого смысла.

¹⁷ Здесь словом панцырь переводится калмыцкое слово «олбо». Это не металлический панцырь, а халат, толсто подбитый ватой или, вместо ваты, сырцовым шелком. Он служит для защиты от стрел.

¹⁸ В подлиннике не ясно; кого ударил Сабар, но, вероятно, лошадь.

¹⁹ По другому списку Джангара этот богатырь «говорит до тех пор, что сдерет кожу с языка своего, а начнет сказанное примирять, сдерет кожу и с губ. Он

красным монгольским языком так говорит, что всех ставит в тупик; красным тибетским языком говорит до нельзя; о пяти пауках говорит до уничтожения. Кто с ним говорит, у тех язык оцепенеет, и он говорит, говорит, да возьмет и разгонит всех говорунов своею шапкою, широкою, как степь. Взятый по уголовным преступлениям, хотя бы судился в судах 70 стран, он выпутается без присяги и клятвы».

²⁰ В другом списке Джангара пир рассказан несколько подробнее. Там Джангар посылает к богачу Сонгорубу такую посуду, что ее пустую не могут перевернуть десять тысяч человек. Водку разносит князь Солонго такую чашкою, которую не могут поднять совокупными силами семьдесят человек, а он, Солонго, ловко берет ее тремя пальцами, большим, указательным и мизинцем, и обносит по солнцу, начиная с Джангара, всем богатырям, по семьдесят-два раза на человека. «От распеванья содрали кожу с горла; от коленопреклонений содрали кожу с коленей (по обычаю, каждый принявший круговую чашку, становится на колени и поет что-нибудь в честь князя). От сгибания при коленопреклонениях продырявились полы одежды. От складывания ног износились подошвы. Когда богатыри выпили по 72 чашки, разогрелись их великия чрева; их сердца стали биться о грудную перепонку; их черно-пестрые глаза, величиною по чашке, помутнились; они захотели есть, и шумно сидели пред славным Богдо 12 богатырей». Джангар начинает перечислять достоинства своих богатырей и их лошадей. В этой речи Джангара и заключается описание богатырей его.

²¹ В подлиннике: орчилонгин-микмиян. Словом микмиян (от тибетского минг-маг, «множество глаз») называется род шашечной игры. Доска для этой игры делается в 289 клеток, шашек 250 штук. Когда все шаш-

ки расположатся по доске, она получает очень нарядный вид; поэтому слово микмиян метафорически означает красавицу. В другом списке этой сказки, супруга Джангара, которой собственно имя Гэрэнзэлэ (вероятно, от Герин-зула, свеча дома), также названа микмиян. Поэтому слово микмиян я перевожу красавицею, и эта красавица, конечно, должна быть супруга Джангара.

²² **Торока** — сибирское слово. Так называется место за седлом. Привезти во тороках — привезти что-нибудь, привязав к особенным для того назначенным ремешкам позади седла.

²³ У калмыков младший не начинает речи без вопроса со стороны старшего.

²⁴ Что бы ни говорил старший, его слова называются повелением. Это — монгольский этикет.

²⁵ **Мишиль** — неизвестное мне оружие. По прилагаемым к нему эпитетам позлащенный и сандалый, видно, что это не сабля. По употребленному ниже выражению «сарбас» — «хватать», видно, что Хонгор, действуя им, не колол, а бил, или рубил; следовательно, это оружие, а не копье. Хонгор держит мишиль на плече; значит, это оружие тяжелое. Вероятно, это палица.

²⁶ Куда жеребец приплыл, не ясно. Из последующего рассказа видно, что лошади поворотили назад, не переплыли. Да и самое плаванье Хонгора несообразно с последующим рассказом. Кажется, рассказчик, увлекшись последующим рассказом, забыл, что он оставил Хонгора в море.

²⁷ А выше сказано, что это расстояние на три месяца пути. Рассказчик поминутно забывает, что сказал прежде.

Приведенные выше примечания А. А. Бобровникова особенно интересны в связи с изучением хошоутовской записи, сделанной для Ковалевского (см. вступительную статью).

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора _____	3
В. Закрыткин. К истории изучения „Джангара“ _____	6

Джангар

Бумба — земля Джангара _____	92
Богатыри поздравляют Джангара _____	104
Голубой конь Улан-Хонгора _____	107
Песня об Улан-Хонгоре _____	115
О подвигах высокого Богдо Джангара _____	186
Примечания _____	253

Цена 3 р. 75 к. Переплет Тр. 80 к.

#607

Редактор А. М. Суичмезов
Переплет и рисунки художника А. Е. Глуховцева
Технический редактор В. П. Болдырева.

Изд. 7416570 К. М. — д. н. в набор 1-IV 14 г. Подписано в печать 15-V 1940 г. Формат 60 х 92 1/2 (111 х 4) — 16 стр. 8,5 п. л. (4,25 б. л.) 26 76 зн. в 1 п. л. Тираж 7.000. Упосл. бл. л. Н—1413

Гостинографическая и полиграфическая фабрика „Красный переплетчик“ НКМП РСФСР — ост. обл. полиграфтреста в Ростове на Дону. Заказ № 859

